

Библиотека англо-американской классической фантастики

«Дети Солнца»

ЛЮДИ НА ЛУНЕ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЛЮДИ НА ЛУНЕ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЛЮДИ НА ЛУНЕ

СЕРИЯ
«ДЕТИ СОЛНЦА»

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-20 (2016)

Клубное издание

ЛЮДИ НА ЛУНЕ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 9,8)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ЛЮДИ НА ЛУНЕ – ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Еще в далеком 1958 году писатель, автор детективов, фантастики, а также известный составитель фантастических сборников Дональд Уоллхейм издал книгу «Люди на Луне», произведения в которой были посвящены грядущим первым полетам на нашу ближайшую соседку и спутник. В сборнике приняли участие известные фантасты Гораций Файф, Берtram Чандлер, Раймонд Галлун и другие. Сборник получился интересный, реалистичный, - если можно так говорить о фантастике, - и вот сейчас, по прошествии более чем полувека, когда первые полеты на Луну давно уже осуществились – хотя в них до сих пор и не верится, - будет интересно взглянуть, как представляли их тогда, когда в космос только-только был запущен первый искусственный спутник Земли, и сравнить насколько вымысел сумел приблизиться к реальности.

Я взял сборник Уоллхейма за основу нынешней антологии, почти целиком (сюда не вошел лишь рассказ М. Лейстера «Замочная скважина», потому что не раз уже издавался на русском), и дополнил рассказами на ту же тему из других источников.

Хочу сказать, что реальность по загадочности даже превзошла вымысел. Уж сорок с лишним лет не стихают споры, действительно ли американцы высаживались на Луну. В фантастике таких вопросов не возникало. Фото- и киноматериалы всегда являлись там исчерпывающими доказа-

тельствами. Но это так, к слову. А вообще, произведения данной антологии вполне доказывают, что фантастика способна реально представлять «как оно будет на самом деле».

Разумеется, сборник такими «реальными» рассказами не исчерпывается. Сюда вошли и произведения про обитателей Луны, и космических пиратах, и даже пародия на родоначальника космической оперы Эдмона Гамильтона («Майон Вентура и пропавший спутник»).

В общем, мне кажется, что книга получилась не нудная, вполне остроюжетная и местами веселая. Впрочем, об этом лучше судить вам, читателям.

Андрей Бурцев

THRILLING
AND
WONDER
APR.
25¢ **STORIES**

A THRILLING
PUBLICATION

FEATURED
NOVELETS:

The
**ULTIMATE
PLANET**
By NOEL LOOMIS

ALIEN EARTH
By EDMOND HAMILTON

**THE CONCRETE
MIXER**
By RAY BRADBURY

ДОНАЛЬД А. УОЛЛХЕЙМ

ЛЮДИ НА ЛУНЕ

(DONALD A. WOLLHEIM (ED.). MEN ON THE MOON. COPYRIGHT
©, 1958, BY ACE BOOKS, INC.)

ВВЕДЕНИЕ

Дата, когда первая беспилотная ракета, запущенная с Земли, достигнет поверхности Луны – это предмет еженедельных газетных спекуляций. Это должно произойти день ото дня.

Если запуск первого искусственного спутника поднял завесу космической эпохи, то первый искусственный объект, коснувшийся поверхности другого мира, станет первой официальной датой бесконечной цепочки межпланетных путешествий. Таким образом, человечество стоит перед еще одной важнейшей поворотной точкой в своей истории, которая со временем вызовет такие перемены в нашей жизни, что затмят все ранние достижения.

Но так же, как человек должен научиться ползать, прежде чем ходить, и ходить, прежде чем бегать, первое наше появление в космосе тоже будет относительно не сложным. Место действия – бесплодная поверхность Луны, актеры – люди нашего времени и поколения, события – волнующее, но не слишком фантастическое покорение нашего ближайшего космического соседа.

И вот здесь представлен сборник научно-фантастических произведений, которые вскоре, вероятно, перестанут считаться научной фантастикой, и перейдут в разряд реальных историй, описывающих нашу действительность

Дональд А. Уоллхейм

РЭЙМОНД ГАЛЛУН

ОПЕРАЦИЯ «ПЕМЗА»

Он пробрался через все кордоны, что, видимо, потребовало недюжинной изобретательности, или же ему просто повезло. Так случилось, что рано поутру, когда еще было прохладно, и солнце взошло не слишком высоко, его обнаружил Мэл Роббинс, один из двух человек, принимавших участие в операции «Пемза».

Мэл только вышел из своего трейлера и закурил утреннюю сигарету, когда заметил юношу, распластавшегося на животе в пустыне Нью-Мексико. Мэл, не спеша, подошел к нему, так же, как делаете вы, когда видите что-то, лежащее не на своем месте, и не можете понять, почему. В десяти шагах Мэл остановился и добрых две минуты рассматривал находку. Мальчишка ни разу не пошевелился и не подал виду, что знал о присутствии другого человека в непосредственной близости от себя.

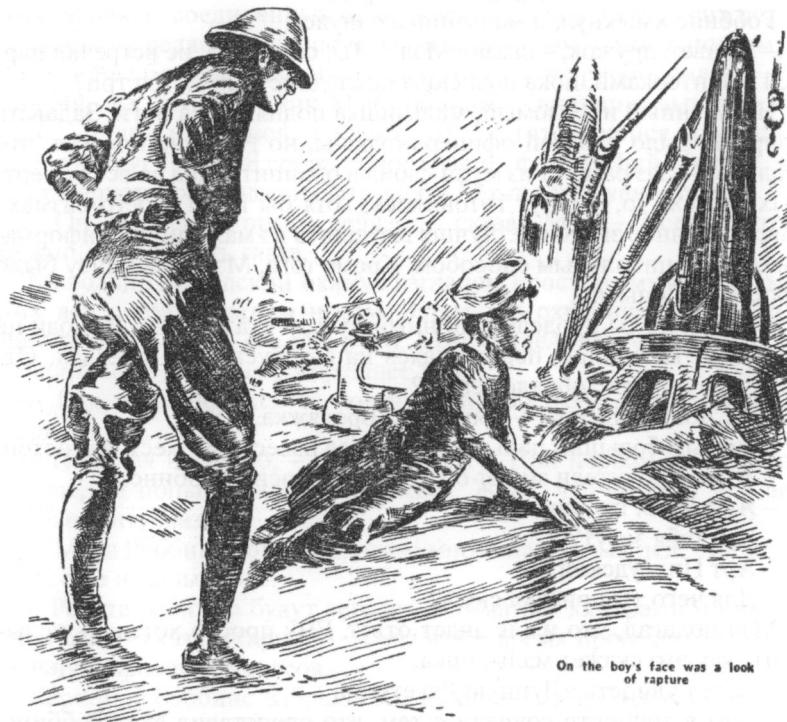
Он был высокий и худой, лет пятнадцати-шестнадцати лет. Десять дней назад, он, должно быть, был очень бледным – может, из тех мальчишек, что предпочитают чтение всему остальному, – но сейчас он оказался невероятно обожжен солнечным лучами. Полоски засохшей кожи свисали с покрытых пузырями губ, тонкий нос и высокие скулы были в коростах. Загривок выше грязной футболки так обожжен, что походил на кожу ящерицы. Все это указывало на то, как ему больно.

Но на его лице лежал отпечаток глубочайшего восторга, словно он видел пришествие нового тысячелетия, как будто его попадание сюда стоило сотню таких мучений, которых он пережил, или пятьдесят тех, что может вынести человеческое тело.

Воспоминания из ранней юности заставили Мэла Роббинса понять, что чувствует сейчас мальчишка. Он понимающие улыбнулся, так как шел туда, куда были направлены невидящие глаза мальчишки, к объекту, возвышавшемуся в окутанной сумраком пустыне.

Его можно было принять за вертикально стоящий топливный бак, метров тридцати в высоту, обтекаемой формы, серебристый и бесшовный, поддерживаемой наклонными, похожими на крылья, подпорками. Но темные отверстия, расположенные кольцом в основании сооружения, намекали на ярость пламени. На куполообразной вершине располагались круглые окошки. Над ними, огнеупорной эмалью, выдерживающей жару, возникающую при входе в атмосферу, было написано известное всем название – «ЛР-1».

Мэл Роббинс знал каждый квадратный сантиметр и каждое устройство этой груды оборудования стоимостью в двадцать миллионов долларов – даже каждый винтик, обладающий максимальной прочностью при минимальном весе. По расчетам баллистики, физики и химии, данным беспилотных зондов-спутников, запу-

Operation Pumice

By RAYMOND Z. GALLUN

щенных далеко в космос, большому опыту полетов на самых быстрых самолетах в мире, и многим часам испытаний, проведенным в центрифуге, а также по многолетним грезам о подобном корабле, Роббинс знал, что создание «ЛР-1» было возможно. Ему недоставало лишь самого полета, но это Мэл с лихвой вкусит завтра, еще до полудня.

Знание, медленно накапливаемое, притупляет очарование и смыкает ореол таинственности.

Но теперь Роббинс позаимствовал волнение у мальчишки в глазах, или просто вызвал его из памяти. На секунду он как будто заново увидел «ЛР-1» – загадочную, с чем-то инопланетным в облике. Вокруг нее был раскинут обнесенный колючей проволокой лагерь: военные палатки, огромные трейлеры мобильных установок по сжижению водорода и кислорода.

Роббинс хмыкнул, и мальчишка очнулся.

– Привет, дружок, – сказал Мэл. – Ты, случайно, не встречал парней с винтовками, пока шел сюда последние километра три?

Напуганный и угрюмый, мальчишка поднялся на ноги. Задавать вопросы было работой офицера охраны, но Роббинс полагал, что Орлиный Глаз раздует из мухи слона и обвинит юнца во всех смертных грехах. То, что тут готовилось, хотя бы из-за своего размаха имело военное значение. Лучше вытащить из мальчишки информацию более цивильным способом. Кроме того, Мэлу Роббинсу было просто любопытно.

– Кажется, ты проделал длинный путь, – сказал он. – И люди не обгорают на солнце, перемещаясь на автобусах или поездах. Откуда же ты и как добрался сюда?

– Из Лонг-Айленда, – проворчал бродяжка.

Чумазым большим пальцем он сделал известный жест. Автостоп.

– А твои родители знают об этом? – спросил Роббинс.

– Я оставил им записку.

– Как тебя зовут?

– Арт Пилсудский.

– Для чего ты приехал сюда?

Мэл полагал, что и так знает ответ. Ему просто хотелось услышать, как это скажет мальчишка.

– Хотел увидеть «Лунную Ракету-1».

Слова в точности совпали с тем, что представил Мэл Роббинс. Когда тебе пятнадцать или шестнадцать, мечта может стать настоящим демоном, движущей силой громадного любопытства. У тебя есть пара долларов и навязчивая идея, но никакой специальности, а без этого ты – никто. В этом и заключается твоя нищета. А богатство твое только в сверкающих от изумления глазах. Оно не изнашивалось от времени, проведенного рядом с тем, что тебя очаровывает. Когда думаешь о развивающейся науке, вставшей на путь разрушения, даже она была чарующей – ни единой искорки беспокойства, ни единой мысли, что твои усилия окажутся напрасными и даже опасными.

Этот Арт Пилсудский – Роббинс удивился, как он смог запомнить такую фамилию на целых десять секунд – оставил семью и школу, и проделал на попутках путь почти через все Соединенные Штаты, только чтобы увидеть первый настоящий космический корабль.

Роббинс рассудил, что в свои годы он бы сделал то же самое, если бы тогда существовала «ЛР-1». Вообще-то, в те времена, он и совершил нечто подобное. Слишком молодой для второй мировой войны, он проводил много времени у аэропорта в Канзасе. С горящими глазами, застенчивый, он изводил пилота истребителя, чтобы тот подарил ему свой талисман — черную куклу из деревянных шариков, соединенных проволокой. Кукла у него до сих пор.

Пока он предавался воспоминаниям, его узкое темное лицо смягчилось еще больше. Мальчишка заметил это и приободрился.

— Эй, вы же полковник Мэл Роббинс! — внезапно вырвалось у него. — Один из членов экипажа «ЛР-1», готовящийся совершить полет вокруг Луны! Я собрал много ваших фотографий. Доктор Эрнест Карнот тоже должен быть здесь. Можно мне увидеть его?

— Он идет сюда прямо сейчас, — сказал Мэл. — Все, что тебе нужно, это поднять глаза.

Молодой Пилсудский окинул взглядом простого мужчину средних лет с крючковатым носом. Затем два охранника подошли к мальчишке и взяли его под руки. Мэл увидел, как маска страха и печали вновь легла на обгоревшее лицо.

— Как он пробрался за колючую проволоку? — тихо спросил Карнот.

— Понятия не имею, — ответил Мэл. — При первом же удобном случае, он попытался бы спрятаться. Жаль, что не смог — в нем сколько энтузиазма!

У Мэла Роббина было слишком много насущных дел, чтобы думать еще и мальчишке.

— Ребята Хансена будут сегодня заниматься камерами и инструментами, — сказал Карнот. — А мы в это время проведем заключительную проверку насосов.

Карнот и Роббинс забрались в похожие на трубы технические тунNELи на борту «ЛР-1», которая была не одной ракетой, а сразу пятью, объединенными в единое целое. Самая маленькая, на куполообразной вершине корабля, где находился крошечный жилой отсек, соединялась со второй по величине, и так далее, вплоть до самой большой ракеты, которая должна обеспечить взлетную тягу, необходимую для набора огромной скорости.

Для Роббина и Карнота текущая работа была хорошо знакомой рутиной, но, тем не менее, имеющей большое значение. Завтра будут получены ответы на многие вопросы. Карнот, конструктор корабля, чья жизнь была слишком ценной, чтобы позволить ею рисковать, может и не получить эти ответы, так же, как и Роббинс, но для последнего вполне вероятно такое развитие событий, при котором он вообще ничего не успеет узнать.

Они обедали в трейлере вместе со стройной темноволосой женщиной, журналисткой, женой Роббина. Она пробыла в Лос-Ан-

джелесе всего день, выступив на совещании, и сразу же вернулась на частном самолете обратно в лагерь. Мэл Роббинс едва ли воспринимал то, о чем она говорила, но прислушивался к ее голосу. Он любил Норму, и она отвечала ему взаимностью, но во всем остальном их взгляды различались, так что иногда они даже переставали понимать друг друга.

— На Земле и так слишком много чудес, Мэл, — любила повторять Норма. — Но ты, первый из тех, кого я знаю, стремишься попасть на Луну и другие планеты, и действительно веришь, что у тебя все получиться. Может, и так, кто знает...

В лагерном трейлере, где они жили, у них была впереди еще одна ночь и еще один завтрак.

Посреди утренней суматохи и беготни Роббинс снова увидел мальчишку. Тот сидел под навесом, а неподалеку стоял охранник. Повязки на ожогах придавали мальчишке нелепый и удрученный вид, но когда Роббинс улыбнулся ему и сказал: «Как тебя зовут? А то я забыл», он слегка оживился.

— Арт Пилсудский, — ответил он. — Позвольте пожелать вам удачи, полковник Роббинс! Подумать только, — через четыре дня вы увидите обратную сторону Луны, которую еще никто никогда не видел! Старая теория может оказаться правдой, — земная гравитация вытянула Луну в одном направлении. А вдруг она действительно выпуклая со стороны, всегда обращенной к Земле, но вогнутая с другой. Возможно, там собралась вся лунная атмосфера. В гигантской впадине могут оказаться озера, деревья и удивительные города. Кто знает...

— Никто, — кивнул Роббинс.

Эта теория была древней, слабой, слишком романтичной и уместной лишь в том смысле, что за неизведанным всегда кроются какие-то чудеса. Мэла больше всего интересовали глаза мальчишки. В них читалось преклонение перед огромными, могучими сооружениями из металла и жажды познания недостижимых расстояний и тайн природы.

После этой короткой встречи, Пилсудский снова вылетел у Роббинса из головы. Заправка «ЛР-1», последние приготовления и серия личных страхов заняли все его внимание.

Старт назначили чуть раньше полудня, когда Луна взойдет и будет как раз между Землей и Солнцем. Тогда солнечная гравитация чуть-чуть поможет при взлете.

Как раз в одну из последних минут, когда Роббинс пытался сказать своей жене что-нибудь веселое, он вспомнил мальчишку.

— Норма, — начал он, — ты совсем не похожа на девушки с обложек журналов научной фантастики. Но один мой юный приятель, возможно, будет наблюдать за нами. Он — идеалист. Он восхищен наукой. Его герои большие и сильные, а героини красивые и нежные.

Поэтому давай поцелуемся так, как он этого ожидает. Он добрался сюда автостопом аж из Лонг-Айленда.

Слова Роббинса прозвучали более серьезно, чем он ожидал. Норма тоже не восприняла их как шутку.

— Довольно, бродяга, — сказала она дрогнувшим голосом. — Может быть, я тоже еще юна... Ну, до скорого, дорогой! Всего лишь восемь-девять дней...

Помахав рукой, Роббинс забрался по лестнице, ведущей к люку «ЛР-1». Эту секунду он прожил для Арта Пилсудского, а, может, и для того одержимого мальчишки, которым он был пятнадцать лет назад. Или это одно и тоже? Стоявшие неподалеку репортеры так ничего и не поняли. Вероятно, имело смысл надеть легкий скафандр поверх штанов и пропотевшей футболки для большей драматичности... Ну, ладно, сделаю вид, что так и положено. Во время путешествия в герметичном отсеке экипажа ему не понадобится специальный костюм.

Пустынное солнце прекратило беспощадно палить, когда Роббинс забрался внутрь. Там оказалось прохладно. На секунду, устав от нервного напряжения и утратив весь энтузиазм, он возненавидел огромные окантованные баки с жидким водородом и кислородом, мимо которых он пробирался в полутьме.

Если бы политики не наложили столько ограничений на исследования, теперь не пришлось бы иметь дело с химическим топливом, — подумал Роббинс. — Ведь у нас же уже есть атомный двигатель, который проще и безопаснее.

Мэл знал, что ворчал частично из-за другого... из-за постоянного страха. Ведь теперь управляемая ракета может прийти не только с противоположного полушария Земли, но и из глубокого космоса. Эта мысль никак не сочеталась с его надеждами. Но ученые не переставали работать, да и он не хотел, чтобы все прекратилось.

Мэл Роббинс нашел Карнота в полуокруглом, обитом мягким материалом отсеке для экипажа. Толстое кварцевое стекло иллюминаторов было освинцована и затемнено, чтобы защищать от космических лучей и ультрафиолетового излучения Солнца. В тусклом свете Карнот мягко улыбнулся.

— Мой последний обход, — грустно сказал он.

Вероятно, ему не хотелось оставаться на Земле, и, возможно, у него было то же самое настроение, что и у Роббинса.

— Мы раскроем вечную тайну — надеюсь, что первыми. А что будет дальше, — покажет время. И, да... удачного путешествия, Мэл.

Мэл слышал удаляющиеся шаги Карнота, спускающегося по лестнице, когда запечатывал себя внутри отсека, запирая герметичный люк. Затем он взял маленький микрофон, провод от которого уходил в стену.

— Говорит Роббинс, — сказал он. — Я сейчас пристегиваюсь к полу. В положении лежа, человек может выдержать ускорение около девяти g . Это не так уж и опасно. Все, что мне нужно делать, — лишь ждать. Вы ведь не доверили пилоту ни старт, ни управление кораблем. Все будет происходить автоматически.

Сотни радиостанций передали его слова. Он не упомянул, что чувствует себя, как атомная бомба, готовая взорваться.

— Слышите возрастающий гул? — сказал Роббинс. — Это начинают вращаться основные гироскопы. А хлюпающий звук — знак того, что вступил в действие топливный насос самой большой ступени.

Затем раздался рев невидимого пламени, треск и скрип корпуса «ЛР-1», нагруженной сотнями тонн взрывоопасного топлива. Эти звуки говорили сами за себя. Описывать их не было нужды.

— Я чувствую легкую качку, — сказал он, подавшись ближе к микрофону. — Значит, ракета взлетела... оторвалась от земли. Понапачалу ускорение довольно мягкое...

Чувство тяжести неотвратимо росло, вдавливая челюсти назад, заставляя сердце работать изо всех сил, натягивая на щеках кожу.

Роббинс говорил прерывисто, с разными интервалами:

— ...Конец первой минуты... Высота двадцать пять километров... Ускорение около восьмисот метров в секунду за минуту — не особенно сильное. Мы должны набрать чуть больше одиннадцати километров в секунду — максимальное ускорение. Это означает, что общее время работы двигателей всех ступеней составит всего лишь пятнадцать минут. Затем «ЛР-1» начнет просто дрейфовать. Сама скорость не страшна — тяжело переносится лишь ее резкое изменение. Земля движется по орбите вокруг Солнца со скоростью двадцать девять километров в секунду, а нам кажется, что она стоит на месте...

Роббинс продолжал говорить, перемежая свои впечатления с короткими лекциями, как и должен был делать:

— ...в глазах при высоком ускорении все расплывается, но, тем не менее, я вижу, что в отсеке стало теперь светлее. Корабль вышел за пределы атмосферы. Яркость Солнца больше не приглашается воздухом... Слышите грохот? Отошла самая большая ступень. Берегите уши! Звук меньших ступеней, вибрацией расходящийся по кораблю, будет пронзительнее...

Потом Роббинс сказал:

— Ты слушаешь, Норма? Привет, Карнот!

И затем слегка пощупил:

— Ну, это даже скучно. Все идет так, как мы и ожидали...

Одна за другой, ступени выжгли топливо и отошли, Мэл оглашал каждый сброс.

— Итак, — сказал он, наконец, — баки самой маленькой ступени, в которой я лечу, опустели, хотя в запасе еще есть твердое топливо.

Не удивляйтесь внезапной тишине. Все, что вы слышите – это жужжание автоматических камер, датчики космического излучения и треск остывающего корпуса. Космос снаружи довольно прохладен... Но я чувствую запах паленого. Резкое отсутствие тяги создает необычные ощущения в желудке. Я уже далековато от Земли. Такая начальная скорость быстро пожирает даже астрономические расстояния.

Мэл Роббинс на минуту замолк, затем снова заговорил:

– Я убрал секцию обивки пола, закрывавшую окно. Под ней больше нет ступени, загораживающей обзор. Земля – серовато-зеленый шар без единой четкой линии. Белые зоны, наверное, облака, хотя совсем и не похожи на них. Атмосфера видна голубоватой камкой. Вокруг нее черное небо, и звезды – острые, как иголки. Такое прекрасное зрелище...

Роббинс не стал говорить о своей сокровенной мечте – о том, что увидеть Землю из космоса стало для него символическим моментом, о котором он мечтал в детстве, и к чему стремился затем всю остальную жизнь. Теперь он был счастлив.

– Дружище, – мысленно сказал он себе, – долго же ты ждал этого.

Так что Роббинс оглядывался назад также и в переносном смысле.

Он знал, что встреча с мальчишкой по имени Аарт Пилсудский повлияла на его мысли о прогрессе Человечества, который то давал людям великие достижения, то приближал конец света. Различные мысли приходили Роббинсу на ум – как шутки, над которыми можно было только посмеяться, так и вполне серьезные вещи. Если бы ему удалось взглянуть на Землю из космоса много лет назад, он ощущил бы полнейший восторг. Сейчас это стало менее значительным. Утрачивается часть очарования, когда становишься взрослым мужчиной. Справедливо ли это по отношению к юному мечтателю? Он ведь попусту тратит свой потенциал...

Мэл даже слегка стеснялся своего успеха. Можно сказать, что в нем жили сразу два человека. А не обязан ли он этому моменту своему детству? Если бы он был всегда таким скучным, как сейчас, то не очутился бы в космосе. Но мальчик вырос, и... оказался обманут. Почему успех не приходит тогда, когда будет оценен по достоинству? Где-то определенно происходит сбой времени.

Роббинс пожал плечами и снова переключил внимание на микрофон.

– С увеличением расстояния от Земли, гравитация быстро слабеет, – сказал он. – Я чувствую легкость – словно бесконечное падение. Думаю, скоро меня начнет мутить ...

Переключив тумблер на микрофоне, Роббинс начал разговаривать с Нормой и Карнотом. Но ему не хотелось, чтобы они были слишком серьезными, или, наоборот, неестественно веселыми. Избегая этого, он принялся шутить сам.

Затем Роббинс переключился обратно на общую волну и продолжал говорить все, что приходило ему на ум, повторяя и то, что писали газеты и говорили по радио:

— «ЛР-1» будет лететь к Луне с постоянным замедлением из-за действия земной гравитации, пока не преодолеет девять десятых расстояния в триста восемьдесят четыре тысячи километров, а затем ракета попадет в сферу лунного притяжения. Корабль нацелен так, чтобы не попасть в саму Луну, а совершив пол оборота вокруг нее, как камень в праше гравитации, или как комета, делающая петлю вокруг Солнца. После этого, ракета возьмет курс обратно на Землю...

Мэл говорил, пока космическая болезнь совсем не скрутила его. Он снова пристегнулся к полу, но чувствовал себя так, словно жерлудок куда-то исчез, а вместо него возник комок боли. Он даже не помнил, как выключил микрофон. Мучаясь, он все же сумел с горем пополам заснуть, и ему тут же приснились кошмары. Он взлетал ввысь и падал. Или страдал от жары в пустыне, пытаясь поймать попутку, но никто не останавливался.

В периоды бодрствования он сообщал по радио: «Все хорошо». А через несколько часов это стало правдой. Как и морская болезнь, космическая тоже когда-нибудь заканчивается.

Первыми словами, которые он услышал от Нормы, были: «Что делаешь, Мэл?», сопровождаемые приятным смехом. Так она обычно окликала его с кухни в их квартире в Лос-Анджелесе. Мэл понял, что она именно это хотела напомнить ему.

Голос Нормы доходил до Роббинса на отдельной частоте, так что никто другой не мог его слышать. Но сигнал общей связи был далеко не таким узким — его слова предназначались для трансляции на весь мир. Хотя почему его должен заботить недостаток уединения? Все шло просто отлично. Наибольшая опасность осталась позади. Мэл расслабился и повеселел.

— Сейчас я попробую сделать то, что описано в фантастике о космосе, дорогая, — усмехнулся он, включив передатчик. — Вот, вытряхнул воду из бутылки, — она действительно собирается в цепочку шариков, и свободно летает по воздуху. Я могу так же легко воспарить к потолку... Люблю тебя, дорогая... Как бы я хотел, чтобы ты увидела то, что вижу я, например, солнечную корону, какой она выглядит в космосе...

Норма опять засмеялась. Ее голос звучал очень нежно.

— Ты рад, Мэл? — спросила она. — Получил, что хотел?

Она говорила ласково, с нежностью и добрым женским цинизмом, смешанным с облегчением. Ему всегда казалось, что эту сторону ее натуры он никогда не поймет. Но и он чувствовал нежность.

— Несомненно, — сказал он.

Время шло. Роббинс говорил по радио: со всеми вообще, с Нормой, с Карнотом. Спал. Ел шоколад и пищевые концентраты. Проверял очистители воздуха, камеры и инструменты, до которых можно было добраться, снимая секции покрытия пола и потолка.

Луна превратилась в щербатый полумесяц, пугающий своей близостью. Наконец, пришло время менять курс. Тяжелое основание «ЛР-1» стало лениво разворачиваться, пока не нацелилось на меньший из миров. Лунная гравитация мягко тянула ракету к себе. Какое-то время корабль раскачивался, как маятник.

Мэл повернулся к микрофону:

— Сейчас я вижу сторону Луны, невидимую с Земли. На ней такие же кратеры, что и на видимой части, такие же лунные моря. Хотя они вовсе и не моря, а безжизненные лавовые пустыни, засыпанные, как считается, пемзой. Тем же самым веществом, которым люди чистят чайники...

Роббинс разглагольствовал, пока огромный шар спутника не начал затмевать Землю. «ЛР-1» сейчас скроется за Луной. Радиосвязь тоже прервется.

Он переключил передатчик на прием.

— Ты слышишь меня, Мэл? — голос Нормы уже стал обрывистым, наполненным необычным эхо. Ее тон стал чуть строже.

Он щелкнул тумблером и сказал:

— Да, пока еще слышу... Но скоро пропаду на пару часов, Норм...

Ответом ему был лишь тихий треск в динамике. Роббинс остался в таком одиночестве, как никто до него — более чем в трети миллиона километров от ближайшего человека.

Вздымающиеся вверх стены кратеров оказались очень близко — всего в трех тысячах километров — и были полны солнечного света. Мэл глядел на них через окно в полу. «ЛР-1» все еще смотрела на Луну тяжелым основанием, хотя вес уже не чувствовался совсем — центробежная сила, возникавшая при движении корабля по орбите, уравновешивала гравитацию.

Некоторые кратеры походили на Тихо, расположенный на знакомом полуширине, — белые, с белыми прожилками, посыпанные камнями, лучами расходящимися из центра. Возможно, эти кратеры являлись не вулканами, а синяками, оставленными гигантскими метеорами, на засохшей, твердой коре, когда Луна уже постарела.

Почти все камеры и приборы работали в автоматическом режиме, но, тем не менее, Роббинс потратил много времени на то, чтобы убедиться, что все в порядке. Но мысли его шли своим ходом. Он достиг цели, самой дальней точки путешествия, и увидел неизведенное. Он совершил шаг вперед, открывая для человека абсолютно новые возможности. От этого бросало в дрожь — подавленную, леденящую. Все в его жизни казалось нацеленным именно на

этот миг. Но в таком полном одиночестве он не мог удержать свои мысли от хаотичного метания. Возможно, и никто бы не смог.

Роббинс представил себе, какой должна быть Луна полтора миллиарда лет назад – горячие вулканические газы, бьющие в открытый космос. Лунная гравитация никогда не была достаточно сильной, чтобы удерживать плотную атмосферу.

Механизмы гудели. Лучи радаров шарили по поверхности, фиксируя что-то, возможно, залежи минералов… или, можно бы надеяться, радиоактивных элементов. Возможно, они имелись на Луне, а может, и нет.

Еще давно Роббинс воображал колонизацию Луны: людей в странных костюмах, строящих воздухонепроницаемые убежища, обсерватории, наблюдениям которых не мешала атмосфера, и корабли, взлетающие с аппарелями к далеким планетам, которым нужно было преодолеть лишь одну шестую часть земной гравитации.

Роббинс знал, что тогда глаза его мечтательно сверкали. Теперь это уже было не так удивительно, как когда-то, хотя большая часть вскоре станет вполне реальной. Это направление цивилизации станет развиваться параллельно другим – медицине, возрастанию уровня жизни и, можно надеяться, социологии. Невозможно остановить прогресс, – да и не нужно, но если в эту эпоху невиданных сил случится война, то, она может разорвать всю планету на куски.

Мэл Роббинс теперь видел большую часть таинственного полуширья, и его внимание полностью переключилось на одно мимолетное воспоминание. Но в солнечном свете Луна была застывшей, как сухая кость.

– Нет тут никакой долины с воздухом, деревьями и городами, Арт Писсусдский, – произнес он вслух.

Каким-то образом этот факт затронул Роббинса и уронил его дух еще чуть ниже. Это станет большим разочарованием для мальчишки, как стало бы для него самого много лет назад, и всех наивных душ, тянувших к идеализму.

Роббинс знал, что это всего лишь угнетает его мерный гул механизмов, тишина космоса, полное одиночество и мертвый лунный пейзаж, находящийся так близко, буквально под ногами. Но он, также, понимал, что его пессимизм не сильнее, чем тот, что давным-давно крылся в самой глубине сознания. И для него были причины: невозможно закрыть глаза на факты, вызывавшие его и имевшие под собой совершенно реальную основу. Как можно бороться с недоверием миллионов людей к миллионам других иной национальности? Ответ был прост: «рано или поздно…». Роббинс шмыгнул носом, пожал плечами и криво усмехнулся, покоряясь судьбе.

Но это длилось лишь минуту, потому что, когда прежние размышления пришли к логическому завершению, его мысли переключились на другое. Путешествие займет еще четыре дня. Вероятно,

все пройдет четко по плану. Скоро он сможет снова поговорить по радио, с Нормой, только уже с другой стороны Луны. Затем последует длинное, с нарастающей скоростью, падение к Земле. Возле поверхности, из дюз вырвется пламя и слегка уменьшит скорость. В трехстах двадцати километрах над Атлантикой, в верхних слоях атмосферы раскроется огромный парашют из металлизированной ткани, еще больше тормозя корабль. «ЛР-1» способна держаться на воде. Роббинс вернется к Норме, Карноту и прочим друзьям. В историю, как это водится, он войдет под именем «Космического Колумба».

Это такой отличный, такой романтический титул... Роббинс засмеялся. От него даже ничего особо не требовалось. Он летел на полностью автоматическом корабле. Если в его теле когда-то и жил герой, то это было давным-давно, когда его никто не знал. Как и множество другого, мечты осуществились с большим опозданием.

И снова его размышления пошли по неизбежному пути. Роббинс вспомнил мальчишку, обожженного солнцем, в грязной одежде, лежавшего на песке пустыни, с нелепым выражением восторга на лице. Испуганный и неопытный, он умолял, чтобы его подвезли, целых пять тысяч километров. Такая смелость достойна восхищения. Пойманный копами, он все равно был рад находиться рядом с «ЛР-1». И даже не думал, что будет с ним дальше.

Может, сказался инстинкт защищать детей, может – слезливая сентиментальность, возникшая у него на орбите Луны, а может – просто жалость, Роббинса тогда не интересовало, что именно. Мальчишка был для него важен, казалось, одним своим существованием он заставлял чувствовать, кем Роббинс является на самом деле. И Роббинс понял, что обязан что-то сделать для этого Арта Пилсудского: воодушевить, уберечь от того, что его ждет, дать ему понять, что с миром еще все в порядке.

И сделать это будет нетрудно. Мэл глянул вниз на лунное «море» – огромное одинокое пятно. *«Море Пилсудского»?* Нет, это было бы через чур, да и слишком официально.

Роббинсу тут же пришла в голову другая идея. Он вытащил из камеры снимок – первое изображение таинственного полушария, И ручкой, писавшей в условиях космоса, с трудом принялся черкать на фотографии.

К удивлению Роббинса, это оказалось именно тем, от чего ему сразу стало лучше. Теперь он радовался за мальчишку и за то, что сделал для него. Ему показалось, что Пилсудский, несмотря на свою молодость, оказался символом будущего – притом блестящего будущего. Этого хватило, чтобы мысли Роббинса сменили курс, заставляя его рассуждать в другом направлении.

Слово «чувства» стало точкой опоры его доводов. Можно ли повлиять на будущее тем, что ты думаешь о нем. Чувства всегда были

критическим фактором в эпоху опасностей и триумфов, когда самым слабым звеном являлся сам человек. Некоторые чувства помогали, другие разочаровывали и убивали. Но все они могли передаваться от одного человеку к другому – через целые страны или даже континенты – точно так же, как что-то хорошее пришло к Роббинсу от Пилсудского.

Существовало, как тогда, так и сейчас, множество распространителей чувств: эгоистичные диктаторы, честные политики, моралисты. Те, у кого были хорошие намерения, долгое время пропагандировали честность, свободу от предрассудков, равенство и оптимизм, пока пытались вывести мир из невзгод. Большая часть из них выставляла себя дураками, но они хотя бы попытались. Другие стали лицемерами. Можно сказать, и не сильно при этом ошибиться, что таковыми являются все бизнесмены. Но самое главное в том, что самое плохое еще не случилось, – возможно, хорошие люди помогли этому, и будут продолжать помогать, пока не будет найдено окончательное решение.

Мэл Роббинс обрел новую надежду. Он тоже может помочь. Внезапно глаза его засверкали. Он тот парень, который пролетел по космосу, не так ли? Теперь он стал для подростков всего мира настоящим героем.

Может, голос Роббинса сможет добраться и до более темных закоулков. В мире должны быть миллионы молодых идеалистов, таких, как Пилсудский, с такими же или иными интересами. Они и станут основой будущего. Если молодежь во всем мире что-то и хочет узнать о будущем, так это правду. Помоги им, если они заслужили этого. Дай им понять, что со Вселенной все в порядке.

Роббинс прочитал вслух свою надпись на фотографии обратной стороны Луны: «*Арту Пилсудскому: когда ты впервые направишь атомный корабль ну... скажем... на Ганимед, самый большой спутник Юпитера, помни обо мне и продолжай мыслить честно и справедливо. Всего наилучшего от Мэла Роббинса. Написано в космосе, на орбите Луны, на борту «ЛР-1». 1959 год*»

Роббинс улыбнулся. Его предсказание очень даже может оказаться верным. У Пилсудского есть храбрость и мечта. Роббинс почувствовал себя просто отлично. По крайней мере, у него были принципы и кое-какие достижения. Тень, брошенная на него прошедшими годами, слегка рассеялась. Пилсудский дал ему что-то. Теперь он ответит тем же.

Роббинс знал, что, когда мальчишка получит снимок с такой надписью, беспокойный, тревожный мир станет для него Раем на Земле.

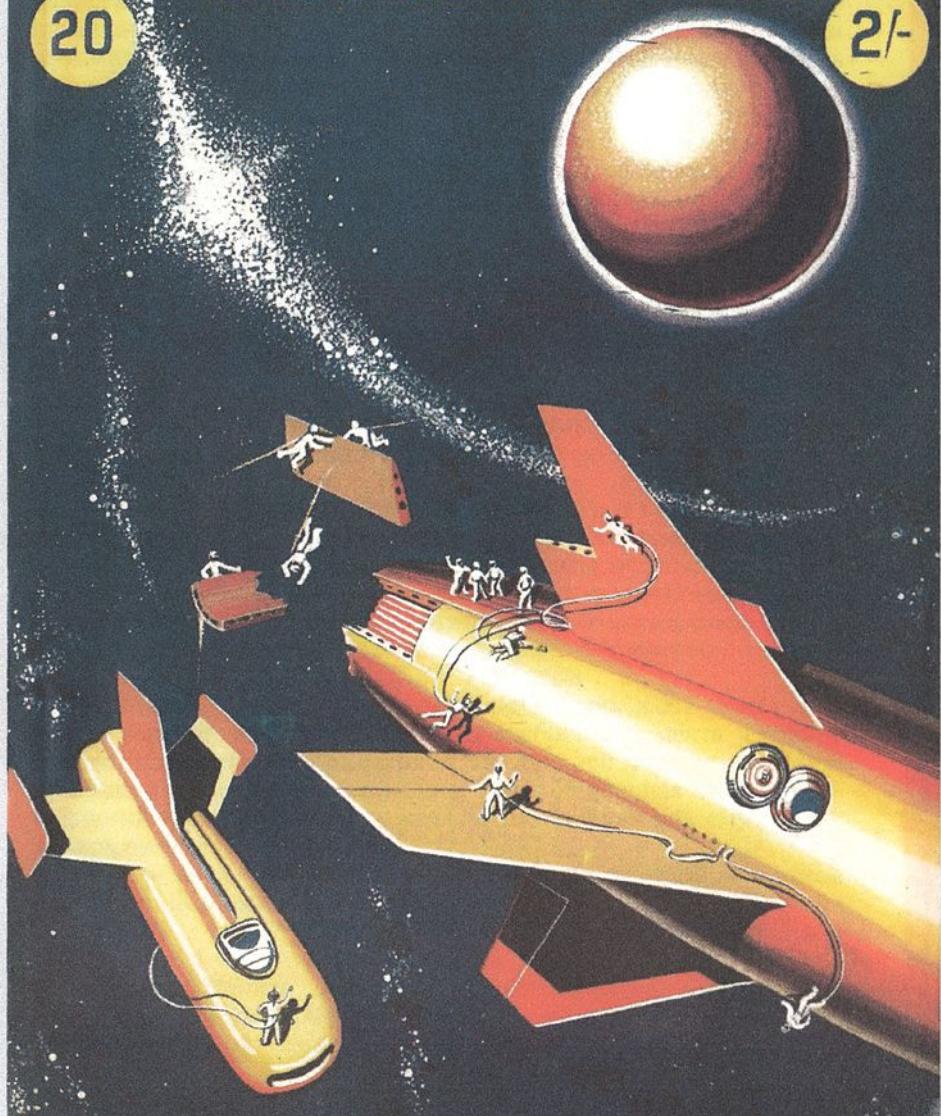
*Operation Pumice (Thrilling Wonder Stories, April 1949)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)*

NEW WORLDS SCIENCE FICTION

20

2/-

БЕРТРАМ ЧАНДЛЕР

ВЫБРОШЕННЫЙ ГРУЗ

С обманчивой легкостью ракета опускалась все ниже и ниже, а огненный шлейф выхлопа был четко виден на фоне черного неба – длинный, летящий вниз поток раскаленных газов, превращающий мелкую пемзовую пыль в сверкающий вихрь, а затем, когда корабль опустился еще ниже, поток расплавил практически неосыпаемую пыль в шлак, пылающий красным, ставший затем багровым под толстой серой коркой еще несколько минут после прохождения ракеты.

Вспомогательные двигатели на мгновение вспыхнули, чтобы ликвидировать горизонтальное смещение. Потом опять заработали, а затем и в третий раз. Ракета оказалась в трех метрах над не примечательной поверхностью, когда, внезапно, основной и вспомогательные двигатели погасли, словно задули свечи. Ракета упала... но со странной, почти кошмарной медлительностью. Корабль приземлился так же беззвучно, как и спускался, сначала сильно качнулся в одну сторону, затем, уже слабее, в другую, когда мощные, заполненные жидкостью амортизаторы, незначительно отличающиеся от используемых в откатниках артиллерийских орудий, приняли на себя вес и толчок, и, после серии затухающих колебаний, позволили ракете занять строго вертикальное положение.

Она стояла, блестя в жестком солнечном свете – яркий эллипс на треноге шасси. Ракета, скорее всего, должна была выглядеть неправдоподобно, чужеродно, – но нет. Она вполне подходила к ландшафту: равнине, покрытой пемзовой пылью, круглым кратером, зазубренным хребтам далеких гор, над которыми в черном, усыпанном алмазами небе висел, казалось, цепляясь за торчащие вершины, огромный облачный опал под названием Земля. Ракета была новая и блестящая, быстрый взлет через атмосферу родного мира, которому она принадлежала, лишь слегка поцарапал ее корпус. Новая и первая в своем роде... но мечтали о ней давно, очень давно.

Но ракета была лишь частью мечты.

Внутри корабля, в тесном жилом отсеке, являющимся заодно и рубкой, экипаж надевал на плотное, пористое пластиковое белье громоздкие, неудобные скафандры. Самый большой из людей, капитан, флегматично щелкал молниями и защелками, даже не глядя в

уже открытые иллюминаторы на теневой стороне ракеты. Пилот, связист и инженеры повторяли его размеренные движения. И только навигатор, чье стройное тело было еще почти что мальчишеским, и кто не растратил юношеский энтузиазм, разглядывал лунный ландшафт, а пальцы его неуклюже нащупывали воздухонепроницаемые застежки, совершая глупые ошибки, заставившие командира хмуриться.

Ведь все это было частью мечты, которой он жил.

— Связист, — сказал капитан, — позаботься, чтобы звездочет правильно застегнул свой скафандр. Иначе уж и не знаю, как мы найдем дорогу домой.

— Мы справимся и без него, сэр, — вставил офицер связи. — Земля слишком большая, чтобы промазать... с такого расстояния.

— Парни из гарнизона скажут тоже самое, — рассмеялся пилот, — когда мы развернем пусковую площадку.

— Если нам дадут время, — добавил инженер.

— Прекратите, — сказал капитан. — Мы здесь, и только это сейчас важно. Нам есть чем заняться: предварительный осмотр, выемка образцов почвы и камней, и все такое прочее. Пока наши друзья по другую сторону железного занавеса проявляют интерес к Луне, мы всего лишь научная экспедиция. Понятно?

— Так точно, — ответили люди.

— Поторапливайся, звездочет, — поторопил капитан. — Снаружи вид гораздо лучше.

— Да, сэр, — ответил навигатор, застегивая последние молнии скафандра, и добавил шепотом. — Но все неправильно. Должно быть так, как вы и сказали, сэр — просто научная экспедиция...

— Не будь дураком! — рявкнул капитан. — Ты сам твердил, что ты всегда об этом мечтал... с тех пор, как еще мальчишкой начал читать книжонки с цветастыми обложками. Вот и получай свою мечту...

У меня ее отняли, — подумал навигатор.

— Получил мечту? А теперь кончай ныть. Надеть шлемы! Прове-ряем связь.

In the political scramble to be first nation on the Moon, nobody gave a thought that the cycle may have repeated itself—that in another time somebody else had been there.

JETSAM

By A. BERTRAM CHANDLER

Illustrated by HUNTER

нескладной.

— Вон тот холм. В полутора километрах отсюда.

Два человека подняли большой квадратный ящик маяка. Двое других открыли люк в шлюз, залезли в маленький отсек и протянули руки, чтобы принять ящик. Они осторожно опустили его на палубу.

— Отлично, возница, — сказал капитан. — Выходим. Шлюз вмещает только двоих... и первым человеком на Луне буду я. Вторым пусть будет навигатор... так что стой, где стоишь, звездочет.

— Но ракету посадил я, капитан, — сердито сказал пилот.

— Ага... и если бы не то, что ты можешь сослаться на недостаток опыта, я бы тебя разжаловал за то, как именно ты это сделал. Хватило бы одного толчка маневровых двигателей. Спасибо за то, что так тратаишь топливо, которое нам может еще понадобиться... Флаг взяли?

— Спускаюсь, капитан, — отозвался инженер, передавая командину длинный цилиндрический чехол.

— Закрой за собой люк!

В тесном пространстве шлюза оказались двое. Капитан и навигатор, следившие за стрелкой барометра, рывками стремящейся к отметке «Нуль».

Наконец-то, — подумал навигатор. — Вот этот момент. — И тут ему в голову пришла безумная мысль: *Нужно всего лишь оттолкнуть его, когда откроется дверь, и прыгнуть... И это сделает меня, как я всегда себе говорил, первым человеком, побывавшим на Луне... и это станет моим последним полетом. Кроме того, мне придется провести лет двадцать в военной тюрьме...*

— Что случилось, звездочет? — спросил капитан. — Ты выглядишь за стеклом своего шлема, как больная золотая рыбка... Живо открывай люк!

Забормотали голоса, противно звучащие, искаженные, а затем снова раздался резкий, командный голос капитана.

— Первая задача, — сказал он экипажу, — поставить маяк.

Он повернул голову к окну и махнул рукой — в скафандре, его рука выглядела раздутой и

Навигатор повернул запирающее колесо и почувствовал сквозь толстые, неудобные перчатки, как щелкнул замок. Люк открылся внутрь. Через круглое отверстие он уставился на яркую, белую равнину, на кольца кратеров вдали и черную тень корабля. Капитан протиснулся мимо него, просунув одну раздутую руку за лямку чехла с флагом. Осторожно сунул ноги в люк, нашаривая специальные выступы в стойке шасси. Двигаясь медленно и осмотрительно, капитан исчез из виду.

— Давай ко мне. Остальные могут передавать маяк, — прокричал капитан.

Я еще могу упасть, — подумал навигатор. — Случайно. И стать первым...

Но он с такой же осторожностью последовал за капитаном, остановившись на секунду на лестнице, чтобы передать по радио остальным членам экипажа закрыть внешний люк шлюза с помощью дистанционного управления, предотвращая разгерметизацию отсека. С последних трех метров, однако, — капитан теперь был отлично виден на трапе, надменно стоящий, широко расставив ноги, — навигатор спрыгнул и, пока медленно падал, почувствовал, как мечта, жившая в нем всю жизнь, становится реальностью.

Стоя рядом с капитаном, он смотрел, как открылся люк, и как спускаются по лестнице пилот и связист, различаемые по цветам скафандров. Люк закрылся за ними. Все четверо молча стояли, пока люк не открылся вновь, и в отверстии появился инженер.

— Не забудь маяк, ракетчик! — неизвестно зачем напомнил капитан.

Инженер не забыл. Плавно и осторожно, он спустил на веревке квадратный ящик. После того, как пилот принял его и отвязал толстую веревку, инженер стал медленно и аккуратно поднимать трос, методично сворачивая его бухтой.

— Не трать на это время! — отреагировал капитан. — Мы ведь ждем.

Наконец, все пятеро встали рядом с тенью ракеты. На солнце было жарко. Изоляция и система охлаждения скафандров, — подумал навигатор, — оказались далеко не такими эффективными, как их заставили верить. Или, может, жара больше ощущалась психологически, чем физически. При таком ярком свете и ослепительном на фоне черного неба солнце, разум ожидал жару и, в отличие от приборов, которые использовались при проверке скафандров, усиливал чувство жары даже при отсутствии настоящей.

Капитан что-то говорил. Навигатор все еще мысленно философствовал про объективность и субъективность, слыша лишь обрывки фраз, трещащие в динамике шлема.

— ...вступить во владение...во имя...

Командир экспедиции достал из чехла флаг и воткнул его острый металлический наконечник глубоко в песок. На несколько секунд складки тонкой ткани расправились, и на мгновение показалась геометрически правильная форма белого, красного и синих цветов. Затем флаг стал всего лишь двухметровой разноцветной материей, безвольно свисающей с вертикально воткнутой палки, и краски, казалось, уже начали выцветать на палившем солнце.

Для таких веяний нужна атмосфера, – подумал навигатор. – Воздух и ветер...

Внезапно он вспомнил слова капитана, слова, которые, как и церемония установки флага, символизировали идею.

Вступить во владение... – подумал навигатор. – Владение. Какое мы имеем на это право, если только не действуем от имени всего Человечества. Мы построили ракету, прилетели сюда, но идеи, технологии, на которых базируются ее постройка, запуск и весь полет – это принадлежит всему Человечеству. Наука не знает границ. Так же, как и мечта, которую повезло осуществить именно нам...

Он криво усмехнулся.

– Мечта, – прошептал он вслух, – приобретает кислый привкус.

– Что ты сказал, звездочет? – резко спросил капитан.

– Ничего, сэр, – соврал навигатор.

– А теперь осторожнее, отряд, – предупредил капитан. – Никаких трюков. Для тех, кто не понял, – даже не пытайтесь прыгать. Тут можно сломать ногу или разбить стекло шлема также легко, как и на Земле.

Связист и инженер взяли с двух сторон ящик и последовали за тремя остальными, медленно и осторожно шагая по равнине к небольшой возвышенности, на которую указал командир, как на лучшее место для установки маяка, сообщающем об удачном прибытии.

Холмик, когда они к нему подошли, оказался небольшим кольцеобразным кратером. Подъем к его кромке был едва заметен, но углубление в центре выделялось довольно хорошо. *Выглядит так, подумал навигатор, словно какой-то гигант мощно и ровно дунул на толстый слой пемзового песка. Гигант, – подумал он, – с очень горячим дыханием, поскольку песок, особенно ближе к центру кратера, оказался покрытым тонкой хрупкой окалиной, ломавшейся под тяжелыми ботинками, как корка льда на снегу.*

Вдруг навигатор остановился и упал на колени в песок. Его руки в толстых перчатках тут же вырыли предмет, о который он запнулся. То, что навигатор вытащил на свет, оказалось сильно по-

врежденным: его руками, неуклюжими ногами и сильной жарой, которой он был подвергнут... когда?

Остановившись рядом, капитан, ожесточенно выругался.

– Видимо, мы здесь не первые! Они нас опередили!

Навигатор поднялся на ноги, аккуратно держа сломанный и изогнутий предмет.

– Они? – спросил он. – *Они*, капитан? Кто *они*? Точнее, кем *они* были? Это же какой-то прибор. Насколько я вижу, его корпус металлический – но ни мы, ни наши друзья с противоположной стороны занавеса не могли позволить себе использовать металл там, где можно обойтись деревом или пластиком... Смотрите, вот тут, на другой стороне... Что это? Инструкция по применению? На языке, который для кого бы то ни было на Земле является непонятными каракулями?

– Нам стоило взять с собой археолога, – полусерьезно порекомендовал Связист.

– Кто-нибудь понимает марсианский? – спросил пилот.

– Прекратить! – рявкнул капитан. – В этом нет ничего смешного. Все очень серьезно. Кто-то был тут до нас, а может, и до сих пор здесь. Наш долг узнать, кто, когда и зачем. Связист и ракетчик, оттащите маяк к северу еще километра на полтора. Вот к тому одиноко стоящему камню. Если, конечно, это камень. Если он окажется еще одним чертовым артефактом, сразу же дайте мне знать. Остальные... копайте!

Какое-то время они ничего не находили.

У них не было никаких инструментов, кроме рук в толстых перчатках,. Конечно, в корабле остались лопатки, но никто не подумал вернуться за ними. Странное чувство, что надо спешить, овладевшее ими, сделало бы короткую пробежку до ракеты и обратно напрасной тратой драгоценного, быстро убегающего времени. Кошавшиеся в песке сильно вспотели, влага насквозь пропитала белье, надетое под скафандрами. Если кто-то из них работал, повернувшись спиной к солнцу, более минуты, то прозрачный пластик шлема запотевал.

Тем временем, Связист и ракетчик добрались до нового места для маяка. Голос Связиста звенел в динамике шлема:

– Все готово, капитан. Установлено к северу от вас.

– Хорошо. Заметили еще какие-нибудь следы наших гостей?

– Нет, сэр.

– Тогда включайте маяк и возвращайтесь.

Словно по общему согласию, все трое землекопов выпрямили нюющие спины, наблюдая, как их товарищи устало бредут по залитой солнцем равнине. За двигающимися рывками фигурами, возникла

и тут же погасла красная вспышка, и за ней появилось плотное черное облако, увеличивающееся подобному тому, как растекается капля чернил, упавшая на чистый листок промокашки. Зрелище оказалось разочаровывающее неинтересным. На фоне светло-голубого... или белого... или закрытого серыми тучами неба Земли, взрыв контейнера дымного пороха произвел бы большее впечатление. Но тут, где нет воздуха, чтобы задержать взлетевшие частицы, большая часть эффекта терялась.

Но этого достаточно... – подумал навигатор. Наши астрономы заметят его. И не только наши. А тогда...

– Продолжайте копать, – приказал капитан. – Связист и ракетчик – займитесь тем же, как только доберетесь до нас.

– Сэр! – закричал пилот. – Капитан, я нашел! Человека!

Это, конечно, оказался не человек, а скафандр, не сильно отличающийся от тех, что носил экипаж ракеты. Он принадлежал кому-то, кто, по человеческим стандартам, был настоящим гигантом, по крайней мере, в полтора раза выше их. Можно было предположить, что владелец скафандра был исключением, но три других скафандра, найденные рядом с первым, оказались такими же большими.

– Кем бы они ни являлись, – сказал, наконец, капитан, – они настоящие великаны, черт их подери. Хотя и гуманоиды. Две ноги, две руки, одна голова. Все очень большое.

– Марсиане, – сказал пилот. – Как я уже говорил.

– С чего ты это взял, водила?

– Ну, сэр, взгляните сюда... Полагаю, это можно назвать кратером. Уберите наш корабль – и что останется? Такой же кратер. Реактивная струя расплывет часть пемзы, а часть сдует. И если нам придется сбросить ненужное оборудование, чтобы облегчить корабль, оно будет разбросано таким же образом, и мы сможем его подобрать по возвращении.

– Но почему марсиане? – спросил капитан.

– Сэр, если на Марсе есть люди, похожие на нас, то они должны быть выше и стройнее нас из-за более слабой гравитации. Те, кто носили эти костюмы – тоже высокие. Более того, им больше захотелось бы высадиться на Луну, чем на Землю. Возможно, их корабли, как и они сами, были... слишком хрупкими для приземления на планету с относительно большой силой тяжести. Так что они прибыли сюда, осмотрелись, возможно, сделали снимки, – думаю то, что нашел звездочет, весьма похоже на фотокамеру, – проверили топливо и обнаружили, что им немного не хватает скорости, чтобы покинуть Луну, так что они выкинули все эти вещи.

– Неплохая теория, – сказал капитан. – Но если марсиане такие долговязые хиляки, как ты говоришь, то тогда эти костюмы слиш-

ком тяжелы для них. Взгляни сам. Они использовали металл даже там, где пластик его прекрасно бы заменил.

— Может быть, они действительно слишком тяжелые, — нехотя признал пилот и добавил, — но, сэр, здесь, на Луне, скафандры весят ведь гораздо меньше!

Капитан засмеялся.

— Считай, что убедил меня, водила. В любом случае... это не наши друзья из-за железного занавеса. Если только, — он опять засмеялся, — их биологи не вывели новый вид людей специально для лунных условий. Но мне было бы интересно узнать, когда именно твои марсиане побывали тут. И хотелось бы знать, когда они вернутся.

— Никогда, — сказал навигатор. — Видимо, это был одиночный полет. Подойдите сюда, сэр.

Капитан последовал за ним в центр небольшого кратера, и его охватило любопытство, когда подчиненный встал на колени и принялся копаться в пыли.

— Что ты хочешь мне показать, звездочет?

— Только это. Пыль. Посмотрите на нее. Потрогайте.

— Но зачем?..

— Здесь, под ней, нечто похожее на окалину — то же самое можно найти прямо под нашими дюзами. Тут она толстая и прочная — не то, что тонкая корка рядом с краем кратера. Слой пыли над ней, по меньшей мере, сантиметр толщиной. В мире, где нет ни воздуха, ни ветра, остается лишь медленное, очень медленное просачивание микроскопических частиц пыли из склонов кратера. Что заняло бы целые века... нет, не века. Возможно, тысячелетия. Или еще больше.

— Жаль, — сказал капитан. — Мне уже захотелось встретить марсиан, водила. Но кто они такие?

Навигатор повертел головой внутри шлема, пока не нашел губами трубку подачи воды и сделал небольшой, не утоливший жажду глоток, прежде чем ответить. Рот его внезапно пересох от некоторого закравшегося, ужасного подозрения.

— Не знаю, капитан, — сказал он. — Не знаю.

— Но у тебя же есть предположение.

— Да, есть. Я что-то чувствую... Но лучше оставлю свои догадки при себе, пока не найду доказательств моей теории.

— Как скажешь. Но нам скоро нужно возвращаться на корабль. Я уже почти совсем обезвожен. А, а вот Связист с ракетчиком, они нам помогут.

Куча найденного оборудования постепенно росла. Еще одна камера, поменьше, но не такая поврежденная, чем первая, металлические цилиндры с кислородом, — по крайней мере, так предпо-

ложили исследователи, — две стеклянные бутылки с нетронутыми этикетками, с ясно видневшимися на них непонятными надписями. Бинокль, куча одежды, рассыпающаяся при прикосновении в мелкую пыль, три ножа в хрупких ножнах, которые когда-то были кожаными, металлический ящик, полный каких-то проводов.

Именно навигатор нашел книгу. Скорее, это был журнал, хрупкий набор когда-то глянцевых листков, с рисунками, все еще сохранившими кое-какие цвета. Когда астроном его раскопал, журнал оказался открыт, — небрежно брошен, или, возможно, оставлен так давно умершим астронавтом, неловко листавшим его толстыми перчатками.

Журнал был открыт на картинке с девушки, нагой, полулежащей на лужайке. На заднем плане стояли деревья. Рядом с хозяйствкой сидел пес. Под картинкой виднелась надпись на неизвестном языке.

— Смотрите, — сказал навигатор. — Вот и доказательства. Эту женщину определенно породила не какая-то там чуждая ветвь эволюции. И собаку. И деревья.

— Доказательство чего, звездочет?

— Что люди, облегчившие корабль, чтобы вернуться, прилетели с Земли, с нашей Земли.

— Чушь! — взорвался капитан.

— Нет, вовсе не чушь. Конечно, это произошло давным-давно.

— Значит, у них, в средневековые, были ракеты, фотография и печать? Ты это пытаешься мне сказать?

— Нет, сэр. Не в средних веках. Еще до Великого Потопа.

— Кончай, звездочет. Это уж слишком даже для тебя.

— Тогда как вы все это объясните? Взгляните на это вот с какой стороны. В любых мифологиях... во всех религиях существует легенда о Великом Потопе, убившем все живое, за исключением избранных. Эти немногие, возможно, были выбраны Богом, а может, им просто повезло. Как бы то ни было... они оказались нашими предками. А сам Потоп... было ли это наводнение, как мы его понимаем? Необычайно высокий прилив, вышедшая из берегов река? Помните, сэр, что у всех народов, севера и юга, востока и запада, есть в мифологии Потоп. Наводнение... и легенда о потерянных континентах...

— Продолжай.

— Был Потоп и континенты... населенные, высокоразвитые... которые исчезли. Все это часть одной истории. Мощнейший сейсмический сдвиг, в результате которого огромные участки суши опустились вместе со всеми обитателями в океанские пучины, а на смену им поднялись новые земли.

— Эти люди, если они вообще были людьми, — возразил капитан, — являлись учеными. Они, достигли, по крайней мере, такого же развития, как и мы. И уж они-то сумели бы справиться с подобной катастрофой.

— Только если не они сами не стали ее причиной. Разумно предположить, капитан, что определенный уровень развития технологий создает как и космический корабль, так и атомную бомбу. Представьте эффект от, скажем, двадцати водородных бомб, взорванных в местах геологических разломов.

— Но довольно странно, — вставил пилот, — что они ни разу не вернулись сюда. Удивительно, что сдвиг произошел именно после первого успешного полета на Луну.

— Что в этом такого? Возможно, у них, как и у нас, было подобие железного занавеса. Вероятно, они, как и мы, намеревались использовать этот мир в военных целях — и радиосигнал, возвещающий об удачной посадке на Луну, стал детонатором для атомной войны...

Все пятеро молча уставились на низко висящую Землю.

— Это все только теории, — с трудом, наконец, сказал капитан. — Берите, что можете... приборы, скафандры, и несите все на корабль. Мы всего лишь офицеры на службе матери-императрицы, исполняющие свой долг... а ученые пусть выдумывают себе сказочные истории.

Когда капитан наклонился, чтобы подобрать бинокль, то нашел еще одну безделушку, наполовину зарытую в пемзовый песок. Он аккуратно поднял ее неуклюжей перчаткой скафандра. Она оказалась хрупким, пустым пакетиком, в котором когда-то что-то лежало. В нем был тонкий слой из металлической фольги и еще более тонкая бумажная коробочка, с внешним слоем из какого-то прозрачного вещества, сохранившего текст и картинку, изображавшую знакомое животное, обозначающее... *что-то*.

Капитан долго смотрел на рисунок.

— Верблюд, — наконец, удивленно сказал он. — Верблюд. Хотел бы я знать, что было в этом пакетике.

*Jetsam (New Worlds Science Fiction, #20 March 1953)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)*

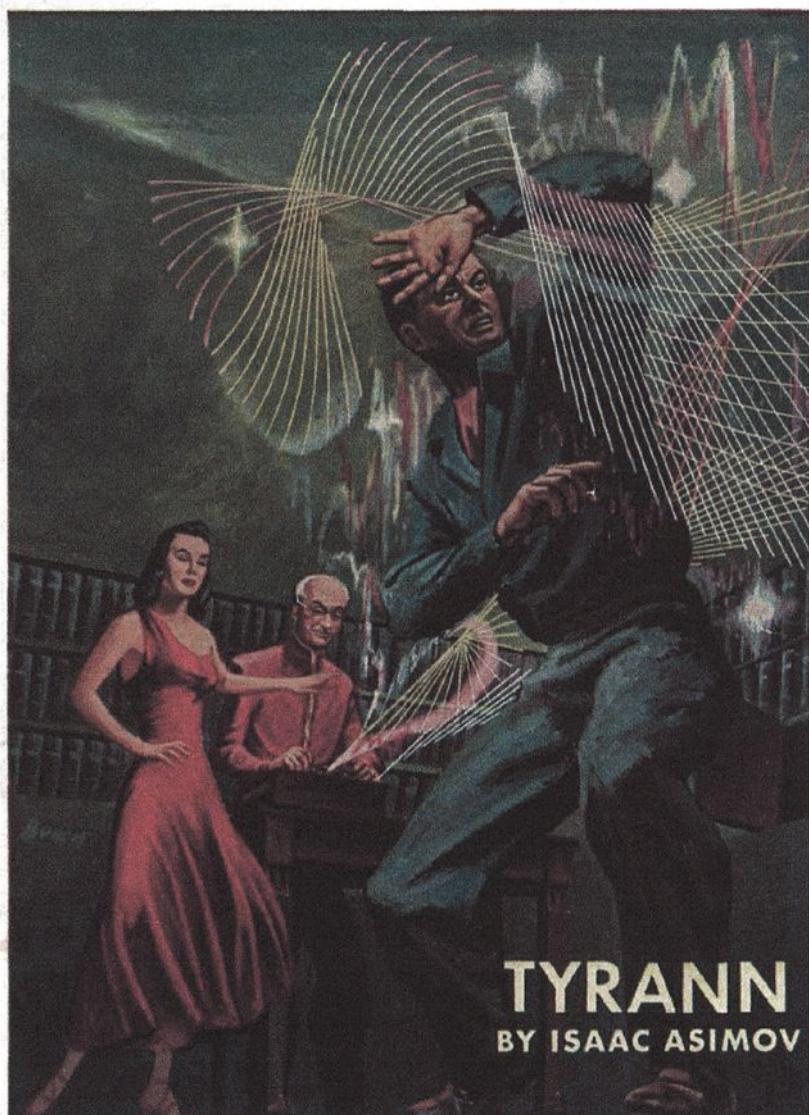

Galaxy

SCIENCE FICTION

JANUARY 1951

25¢
ANC

TYRANN
BY ISAAC ASIMOV

ФРАНК М. РОБИНСОН

ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ

Молодой парень с обеспокоенным видом сидел на самом краю дивана, внимательно рассматривал ногти, чесал голову и выдергивал воображаемые ниточки из обивки.

— У меня есть возможность попасть в состав первой экспедиции на Венеру, — сказал он.

Старик задумчиво посмотрел на него, протянул руку к сигарете и предложил ему сигару.

— Хорошо, что теперь у нас новые очистители воздуха. Когда-то, давным-давно, нам приходилось быть очень осторожными с такими вещами, как курение.

На лице у молодого человека появилось раздражение.

— Не думаю, что хочу туда попасть, — выпалил он. — Я не вынесу там целых два года.

Старик выдохнул кольцо дыма и посмотрел, как оно уплывает в вентиляционную решетку.

— Хочешь сказать, что соскучишься: по знакомым и тем, с кем ты вырос, по мелочам, из которых состоит твоя жизнь. Ты борешься, исчезнет очарование, и ты возненавидишь Венеру.

Парень жалобно кивнул.

— Наверное, так.

— Есть что-то еще?

Молодой человек вновь посчитал свои ногти очень интересными и, наконец, тихо сказал:

— Да.

— Девушка?

Кивок подтвердил догадку.

Настал черед его собеседника задуматься.

— Знаешь, я уверен, психологи и прочие ученые согласны, что в научных станциях должны работать пары. Но это, конечно, произойдет, когда станет выгодным.

— Но ведь до этого может пройти еще очень много времени! — запротестовал юноша.

— Возможно... но, скорей всего, это случиться раньше, чем ты думаешь. И цель того стоит.

— Да, наверное, но...

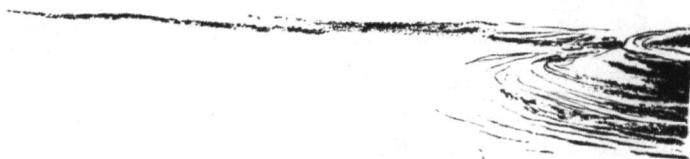
Старик улыбнулся.

— Ох, уж эти герои поневоле, — сказал он, обращаясь отчасти к себе.

The Reluctant

Pioneers have always resented their wanderlust, hated their hardships. But the future brings a new grudge—when pioneers stay put and scholars do the exploring!

By FRANK M. ROBINSON

Чапмен уставился на кнопку радиоприемника.

Три года на Луне, а они до сих пор не захотели, чтобы он возвращался.

Три года на Луне, и они решили, что он захочет остаться еще. Нужно просто поднять ему зарплату или выдать премию — по идее, «у каждого человека есть цена». Они, наверно, считают, что ему тут понравилось.

Конечно, он просто в восторге. Кофе в банках, консервированные бобы, таблетки, воздух в баллонах, пока не почувствуешь, что у тебя внутренности покрываются жестью. Жизнь в тесном вонючем домишке, где можно сделать не больше десятка шагов в одном направлении. Маленькая научная лаборатория будущего без единого современного удобства, очаровательное местечко, где нельзя принять душ, почистить зубы, и где почки не работают так, как должны.

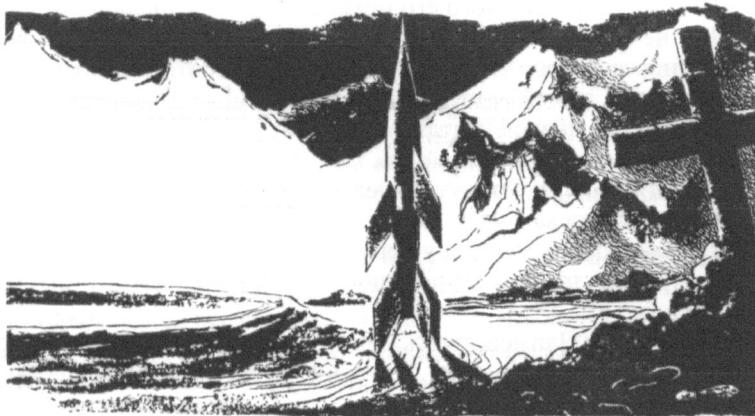
И они думают, что за двойную зарплату Чапмен с радостью пробудет тут еще полтора года. Или даже три. Ему, наверное, стоит ценить такую заботу.

Радио вновь закашляло, требуя ответа.

Он отстучал свой ответ: «Нет».

Спустя некоторое время, клавиша застучала во внезапном припадке бюрократической ярости. Чапмен засунул под нее тряпку и

Heroes

Illustrated by DON SIBLEY

проигнорировал. Он пошел к гамакам, натянутыми между переборкой и противоположной стеной комнаты.

Треск клавиши никого не разбудил, все продолжали спать, издавая животные звуки, которые люди обычно производят во сне. Доуден, частично в нижнем гамаке, частично на полу, мирно храл. Дал, бедный парень, застрявший тут из-за смены обслуживающего персонала, что-то бормотал себе под нос. Джюлиус Клейн лежал с выражением неописуемого счастья на лице, словно только что залез под шатер в своем личном раю. Донли и Бенинг, чьи одеяла не были даже смяты, лежали совершенно спокойно и беззаботно дрыхли.

Боже, подумал Чапмен, как я буду счастлив, когда я увижу чужие лица.

— Чего они хотели? — Клейн с вопросительным видом приоткрыл один глаз.

— Они хотели, чтобы я остался, когда прибудет корабль с новой сменой, — прошептал в ответ Чапмен.

— И что ты ответил?

Чапмен пожал плечами.

— Нет.

— Ты был краток, — прошептал кто-то еще, это оказался Донли, проснувшийся и севший в гамаке. — Я бы сказал им, что они могут сделать со своим предложением.

Остальное тоже проснулись, все, кроме Дала, уткнувшегося лицом в переборку и положившего на голову подушку.

Доуден сонно протер глаза.

— Больное место, да?

— Похоже на то. А у кого его нет?

— Ну, не давай им достать тебя. Они никогда не были на Луне. Они не знают, каково это. Они только и делают, что пытаются заставить хороших людей оставаться на работе подольше.

— Пусть себе дальше пытаются, — язвительно сказал Чапмен. — У них была отличная возможность.

— Они думают, что ты тут нашел свой дом, — встриял Донли.

— Какого черта вам не до утра спится?

Дал тоже проснулся, вид у него был неважный.

— Кому-то из нас все равно придется оставаться. Кое-кто нынче не вернется.

Нет, подумал Чапмен, пусть не вернется кто-то другой. Ты останешься. И Диксон останется. Диксон вообще никогда не улетает на Землю.

Клейн кивнул на койку Дала, поднес палец к губам и бесшумно подошел к маленькой электрической плите. Сегодня был его черед готовить завтрак.

Остальные начали заправлять постели, готовясь к последнему дню работы на Луне. Через несколько часов их сменят участники третьей исследовательской группы, и они полетят к Земле.

И я в их числе, подумал Чапмен. Я возвращаюсь домой. Наконец-то.

Он молча подошел к единственному окну в комнате. Было утро... лунное утро, и он слегка вздрогнул. Солнечные лучи только начали пробиваться из-за дальнего края кратера, и на его дне вытянулись длинные тени. Остальная его часть все еще была накрыта темным покрывалом пемзовой пыли с торчащими из нее вершинами, после которых черные холмы Дакоты покажутся раем.

В сотне метров от исследовательского бункера, Чапмен мог различить кучку камней и одинокий, наспех сделанный крест из баночек из-под сгущенки, нанизанных на скрещенные железные прутья. На песке до сих пор виднелись отпечатки подошв, там, где команда собиралась вокруг могилы. Прошло более полутора лет, но тут не было ветра, чтобы стереть следы. Следы будут здесь вечно.

Вот что случается с такими парнями, как Диксон, подумал Чапмен. На Луне достаточно одной ошибки, чтобы исчерпать весь запас удачи.

Клейн вернулся с кофе. Чапмен взял чашку, с трудом сделал глоток и заставил себя проглотить остальное. Кофе так долго находился в банке, что можно было почувствовать вкус клея от этикетки.

Донли с задумчивым видом грел руки о чашку. Доуден и Бенинг забирались в костюмы, собираясь наружу. Дал все еще сидел в гамаке, пытаясь не глядеть на остальных.

— Думаю, стоит радиоровать на космическую станцию и узнать, отбыл ли корабль, — сказал Клейн.

— Я говорил с ними на последнем сеансе связи, — сказал Чапмен.

— Сменная ракета покинула станцию двенадцать часов назад. Они должны попасть сюда... — он взглянул на часы, — ...через шесть с половиной часов.

— Чап, знаешь, я тут кое о чем подумал, — тихо сказал Донли. — Ты вот провел тут вдвое больше времени, чем любой из нас. Чем займешься по возвращении?

Это задело всех. Доуден и Бенинг уставились на минуту в пустоту и вслепую нашарили ящики, чтобы присесть. Верхние половины их костюмов все еще висели на стене. Клейн поставил чашку с кофе и помрачнел. Даже Дал взглянул на них, словно чего-то ждал.

— Не знаю, — медленно сказал Чапмен. — Наверное, я стараюсь об этом не думать. Кажется, никто из нас не думает об этом. Мы, словно маленькие дети, так долго ждущие Рождества, что уже не можем поверить вот оно, настало!

Клейн кивнул.

— Я пробыл тут меньше трех лет, в отличие от тебя, но, думаю, понимаю, о чем ты. — Он воодушевился, проникнувшись этой мыслью. — Но все-таки, какого черта ты будешь там делать?

— Да ничего особенного, — улыбнувшись, сказал Чапмен. — Планирую снять комнату на Таймс Сквер, достать свежие записи из «Рики-тика»*, пить, слушать музыку и смотреть на проходящих внизу людей. Затем начну с кем-нибудь встречаться.

— С кем? — спросил Донли.

— Просто с кем-нибудь, — рассмеялся Чапмен. — А ты что будешь делать, Дик?

— Ну, я собираюсь заняться чем-нибудь полезным. Для начала, передам все мои геологические образцы правительству. Затем планирую продать историю моей жизни киношникам, а потом... а, что, потом можно и напиться!

Все расхохотались, и Чапмен обратился к Клейну.

— А как насчет тебя, Джулиус?

Тот вдруг посеръезнел.

— Как и Дик, сначала избавлюсь от обязательств перед экспедицией. Затем поеду домой, чтобы увидеться с женой.

Все затихли.

---

* Рики-Тик — английский музыкальный клуб.

— Я думал, все члены экспедиций должны быть одинокими, — сказал Донли.

— Так и есть. И я понимаю, почему. Но кто может пройти мимо денег, которые платит Комитет? Если бы пришлось, я бы прошел через это снова, — быстро сказал Донли.

Они засмеялись.

— Включи свою песню, Чап. Сегодня самый подходящий день, — сказал кто-то.

Фонограф был старый, механический, который Чапмен взял с собой, когда прибыл с первой экспедицией. Запись тоже была старой, а лак, покрывающий прибор — потрескавшийся, но музыка — отличной.

*Дороги самые пыльные,
Ветра самые порывистые
Ворота самые скрипучие
Пироги самые хрустящие,
Песни самые страстные,
Друзья самые надежные,
На пути домой...*

Они прослушали ее дважды.

Теперь они начинали понимать, подумал Чапмен. Совсем скоро они отправятся домой и уже стали проникаться этой мыслью.

— Знаешь, Чап, — сказал Донли, — без тебя Луна уже не будет прежней. Без нашей трепотни тут все будет совсем иначе.

— Как говорят в армии, — сказал Бенинг, — тебе никогда не было так хорошо. Здесь ты обрел свой дом.

Остальные поддержали сентиментальный настрой, и Чапмен улыбнулся. Вчера, или неделю назад, они бы так не говорили. Он пробыл тут слишком долго и слишком сильно возненавидел это место.

Через какое-то время все умолкли, а Доуден и Бенинг закончили надевать костюмы. Когда они вышли, еще виднелась часть неба, по которой можно было ориентироваться. Донли отправился вместе с ними. Он хотел взять еще один образец породы и обследовать несколько каменных пластов.

Кроме того, время идет быстрее, когда ты занят.

Чапмен остановил их у шлюза.

— Не забудьте проверить костюмы на утечку, — предупредил он. — И про клапаны кислородных баллонов тоже помните.

Донли выглядел угрюмым.

— Я выходил наружу, по меньшей мере, раз пятьсот, — сказал он, — и каждый раз ты предупреждаешь меня.

— И сделаю это еще столько же, — ответил Чапмен. — Достаточно лишь одной ошибки. И следите за полостями под коркой пемзы. Провалишься в такую — и все, брат.

Донли вздохнул.

— Чап, ты как старая курица-наседка: заботишься о наших костюмах, о том, чтобы мы разруливали всякие разногласия, чтобы мы не скучали и оставались здоровыми и счастливыми. Думаю, ты бы вытипал нам носы, если бы мы вдруг простыли. Но когда-нибудь, старик Чап, ты поймешь, что твои цыплята могут ухаживать сами за собой.

Но Донли все равно проверил, нет ли в костюме утечки, и не проходился ли клапан баллона.

В бункере остались только Клейн и Чапмен. Клейн стоял у рабочего стола, аккуратно наклеивая ярлыки на образцы лишайников.

— Я и не знал, что ты женат, — сказал Чапмен.

Клейн не обернулся.

— Не было смысла говорить об этом. Тогда начинаешь думать и захочется вернуться — а вернуться все равно нельзя. Когда говоришь об этом, все становится только хуже.

— Она отпустила тебя без всякого шума, а?

— Да, она не возражала. Но не думаю, что ей хотелось, чтобы я уехал. — Он слегка засмеялся. — По крайней мере, надеюсь на это.

Какое-то время они молчали.

— Чего тебе не хватает больше всего? — спросил Клейн. — Да, знаю, что мы об этом говорили совсем недавно, но мне, правда, интересно.

Чапмен секунду подумал.

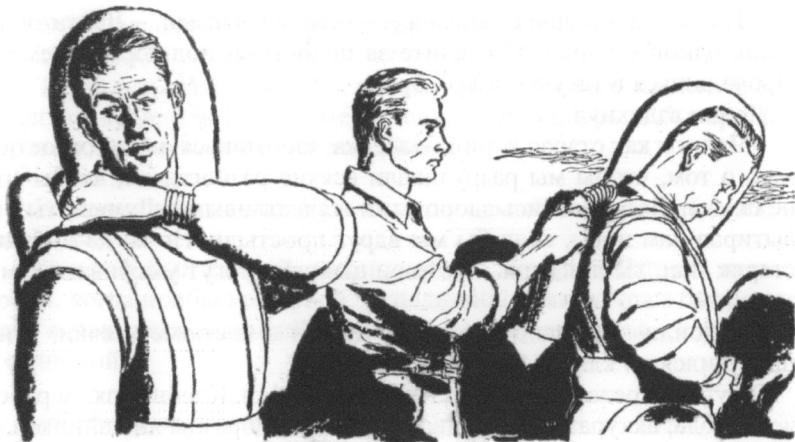
— Наверное, неба, — тихо сказал он. — Голубого неба, зеленой травы и деревьев с листьями, меняющими цвет с наступлением осени. Когда я вернусь, то дождусь сильного ливня, выйду на улицу голышом и буду наслаждаться водой, падающей на кожу.

Он остановился, засмущавшись. Но Клейн одобрительно подмигнул ему.

— А я бы пошел туда, где больше всего людей, и просто бы наблюдал за торговцами на тротуарах. Или даже в стрип-бар, подышать запахом дешевых духов, попкорна и потеющих в темноте людей.

Чапмен посмотрел на свои руки.

— Думаю, больше всего мне не хватает людей... разных людей. Плохих и хороших, толстых и худых, даже тех, кого я не понимаю. Тех, кто не может отличить атом от артишока. Людей, которым на все наплевать. Мы в трети миллиона километров от Земли, Джуллиус, и, как бы это сказать понятнее... по человечеству я скучаю больше всего на свете.

— У тебя дома осталась девушка? — будничным тоном спросил Клейн.

— Да.

— Ты не такой, как Дал. Ты никогда не упоминал о ней.

— По той же причине, что и ты не говорил о своей жене. Начинаешь об этом думать.

Клейн открыл крышку коробки с образцами.

— Собираешься жениться, когда вернешься?

Чапмен снова подошел к окну и уставился на унылый ландшафт.

— Мы очень на это надеялись.

— Поселиться в маленьком уютном домике и воспитывать много маленьких Чапменов, так?

Чапмен кивнул.

— Это для нас единственное будущее, — сказал Клейн.

Он отодвинул коробку и тоже подошел к окну. Чапмен подвинулся, чтобы обоим было видно.

— Чап, — помедлив немного, спросил Клейн. — Что случилось с Диксоном?

— Он погиб, — ответил Чапмен. — Он был славным малым, весь в науке. Побытать на Луне — такое выпадает лишь раз в жизни. Он столько думал о ней, что выкинул из головы самое главное — как остаться в живых. За день до прибытия второй группы, он вышел закончить какую-то работу. И забыл проверить костюм и клапан кислородного баллона. Мы не успели добраться до него вовремя.

— У него была с собой радиация?

— Да, и работала исправно. Мы слышали все, что он говорил, до самого конца.

Лицо Клейна ничего не выражало.

— Чем ты тут на самом деле занимаешься? Почему кому-то приходится торчать тут дольше остальных?

— По многим причинам, Клейн. Нельзя просто передать все другой команде, ничего не рассказав. Им нужно знать, где ты закончил, где что лежит, как все работает, за чем следить. И потом, поскольку ты пробыл тут полтора года и знаешь все подводные камни, приходится следить, чтобы новички сами себя не угробили. Жизнь на Луне для них в новинку, и нужно учиться тут жить. Есть много всяких тонкостей... но некоторые так и ничего не понимают.

— Значит, ты нянька?

— Думаю, можно сказать и так.

— Ты не ученый, верно?

— Нет, ты вроде и так это знаешь. Я прибыл качестве пилота первого корабля. Из его частей мы построили бункер, так что возвращаться нам было не на чем. Я хороший слесарь и всегда занимался механикой. Когда случилось, что кому-то понадобилось остаться, вызвался я. Я считал, что остальные более важны, чем я, и лучше чтобы они отвезли образцы и собранные данные обратно на Землю с первым кораблем.

— Ты бы не поступил так снова, да?

— Да.

— Думаешь, Дал справится с твоей работой так же хорошо, как и ты?

Чапмен нахмурился.

— Честно говоря, я даже не думал об этом. Наверное, мне все равно. Я отдал достаточно сил и времени, теперь черед кого-нибудь другого. Он сам вызвался. Думаю, я был справедлив, когда объяснял, в чем состоит работа.

— Да, но мне кажется, Дал не тот человек. Он слишком молод, как телом, так и душой. Он вызвался, потому что думает, будто это сделает его героем. Он не обладает рассудительностью взрослого человека, которая есть в тебе.

Чапмен медленно повернулся и уставился на Клейна.

— Я не незаменимый человек, — медленно сказал он, — и, даже если бы я был таковым, ничего бы не изменилось. Мне жаль, что Дал молод. Я тоже был таким. Я провел тут три года. И больше не собираюсь терять ни минуты.

Клейн поднял руки.

— Слушай, Чап, я не говорю, что ты должен оставаться. Я знаю, сколько времени ты тут провел и как сильно возненавидел это место. Просто... — его голос стал тише. — Просто, мне кажется, это чертовски важная работа.

Клейн вышел последний раз посмотреть на лишайники, и Чапмен стал наслаждаться одним из относительно редких моментов одиночества. Он подошел к койке и открыл вешмешок. В сотый раз убедился, что белье, зубная щетка и набор для бритья на месте, и стал заталкивать одежду поглубже в мешок. Это было глупо, потому что Чапмен собрал его еще неделю назад. Он помнил, как откладывал это, сколько мог, и какое затем почувствовал удовлетворение неделю назад, когда открыл свой шкафчик и переложил его скучное содержимое в мешок.

Вообще-то, конечно, особенно нечего было и собирать. Менее чем через двадцать четыре часа он будет на Земле, где сможет утопиться в зубной пасте и накупить больше футбольок, чем он сумеет сносить за всю оставшуюся жизнь. Чапмен мог смело оставить здесь шорты, носки и не по размеру большие рубашки, унаследованные им от... кого? Да, от Дрисбаха... из первой группы. Возможно, их доносил бы Дал, или парни из третьего отряда.

Но возвращаться домой не собранным было как-то странно. Это являлось частью ритуала, как рисовать ручкой черточки на серой стали переборки рядом с гамаком последние три недели. Всего пару часов назад, проснувшись, он поставил последнюю отметку и указал свое имя и дату. Его подпись расположилась прямо под подписью Диксона.

Чапмен нахмурился, когда подумал о Диксоне, и принялся завязывать мешок. Нельзя было посыпать на Луну такого парня, как Диксон.

Только закончив с мешком, Чапмен услышал грохот шлюза и слабое шипение воздуха. Кто-то вернулся раньше, чем собирался. Он увидел, как внутренняя дверь распахнулась и, тяжело стуча башмаками, в бункер вошла фигура в скафандре и сняла шлем.

Дал. Он выходил, чтобы помочь Доудену с телескопом Шмидта. Может быть, Доудену не понадобилась помощь, поскольку рядом был Бенинг? Или, скорее, учитывая обстоятельства, Дал оказался сегодня не в состоянии работать.

Дал освободился от костюма. Его лицо покрывали капли пота, а в глазах застыл страх.

Он слегка облизнул губы.

— Думаешь... думаешь, когда-нибудь будут отправлять новые смены чаще, чем раз в полтора года, Чап? Я имею в виду, развитие...

— Нет, — резко оборвал его Чапмен. — Я так не думаю. И уж точно не в ближайшие десять лет. Топливо слишком дорогое, а полеты опасны. При запуске корабля на Луну, килограмм твоего веса стоит дороже килограмма платины. Если даже это и подешевеет, Боб, длительность смен сразу не сократится.

Чапмен остановился, чувствуя жалость к Далу.

— Будет не так уж плохо. Прибудут другие люди, ты будешь много общаться с ними.

— Понимаешь, — начал Дал, — зачем я пришел пораньше? Я хотел с тобой поговорить о пересменке. Дело вот в чем...

Казалось, он ищет, как бы попроще выразить то, что хочет сказать.

— Я обручен... На очень хорошей девушки, Чап, она бы тебе понравилась, если бы ты познакомился с ней. — Он порылся в кармане, нашел фотографию и положил ее на стол. — Это мы с Элис на пикнике. — Чапмен даже не взглянул. — Она... мы... собирались пожениться, когда я вернусь. Я никогда ей не говорил, что согласился остаться, Чап. Она думает, что завтра я прилечу. Я все думаю, надеюсь, что, может, как-нибудь...

Выкладывает он это не лучшим образом, подумал Чапмен.

— Ты хочешь поменяться со мной местами, не так ли, Боб? Подумал, что я, возможно, останусь на еще одну смену вместо тебя?

В глаза Дала было больно смотреть. Это был взгляд человека, отчаянно пытающегося перебороть себя и не сделать того, что собирался, но он просто не мог сдержаться.

— Ну, да. О, Боже, Чап, я знаю, что ты хочешь уехать домой! Но я не мог просить никого другого — только ты можешь, только ты годен для этой работы!

Дал выглядел так, словно его сейчас стошнит. Чапмен попытался вспомнить все, что он знает о нем. Дал, Роберт. Хорошо разбирается в математике. Закончил один из университетов Лиги Плюща. Отец занимается производством печей или чего-то подобного.

Все равно этого было мало.

— Знаешь, я хочу тут остаться не больше твоего, — медленно сказал Чапмен. — У меня тоже осталась дома невеста. Почему ты думаешь, что я изменю свое решение?

Дал пошел еще дальше.

— Ну, знаешь, — подхватил он, напрочь забыв такую вещь, как гордость, — мой отец — обеспеченный человек. Он бы хорошо тебе заплатил, Чап. — Он сильно развелся. — Да, это будет означать еще восемнадцать месяцев, Чап, но они принесут тебе много денег!

Чапмен почувствовал усталость. Приятные мысли о возвращении домой медленно испарялись.

— Если тебе нужно заполнить отчеты, думаю, стоит заняться этим прямо сейчас, — отрезал он, пытаясь вложить в слова всю горечь, какую он сейчас чувствовал. — Когда прибудет корабль, будет уже поздно. Проще отдать отчет капитану, чем передавать его содержание на Землю отсюда.

Он жалел Дала больше, чем кого-либо в жизни. Задолго до того, как вернуться домой, Дал вспомнит все это. Оно будет разъедать его, как рак.

Человек никогда не прощает себе трусость.

Донли ел сэндвич и смотрел в окно, так что, естественно, он первым заметил корабль.

— Смотрите! — закричал он. — У нас гости!

Он рванулся к скафандрю. Доуден и Бенинг поспешили за ним, и все трое подошли к шлюзу.

Чапмен встал перед ним.

— Проверьте свои скафандры, — тихо сказал он. — Просто сделайте это.

— О, какого черта, Чап! — начал раздраженно Донли.

Потом замолчал и стал копаться в костюме. Он добрался до баллона и побелел. Пуст. До приземлившейся ракеты было всего лишь около восьмисот метров, так что, скорей всего, его успели бы найти вовремя, но... Он закусил губу и взял полный баллон.

Чапмен и Клейн смотрели, как они несутся по пемзе, совершая огромные прыжки, про которые они когда-то читали в воскресной почте. Люк ракеты уже открылся, и крошечные фигуры спустились по лестнице. Маленькие фигуры из бункера добежали до них и исполнили что-то вроде короткой приветственной пляски. Затем фигуры взялись за руки и направились в лабораторию. Чапмен отметил кое-что, — кажется, Донли нежно похлопал корабль, прежде полезть в люк.

Они вошли в шлюз, накачали туда воздух, и вот уже снимали скафандры в бункере. Новоприбывшие были под впечатлением, но сохраняли серьезность, прекрасно понимая громадную ответственность, ложившуюся на их плечи. Как Донли, Клейн и остальные члены второй группы в первые часы после приземления на Луну. Как и Чапмен до них.

Донли и остальные окружили новую смену.

Как там на Земле? Кто выиграл кубок? До сих пор ли такой-то преподает в университете? Какова международная обстановка?

Голубое ли еще небо, зеленая ли еще трава, до сих пор ли листья меняют осенью цвет, до сих пор ли люди способны любить и плакать и остались ли еще люди, не знающие, что такое атом, и которым на это наплевать?

Чапмен уже проходил через это. Но была ли Джинни все еще Джинни?

У некоторых из третьей группы оказался багаж. Один из них — здоровый краснолицый детина по имени Уильямс — открывал квадратную коробку длиной сантиметров тридцать и высотой раза в два меньше. Чапмен с любопытством наблюдал за ним.

— Будь я проклят! — чертыхнулся Клейн. — Эй, парни, смотрите, что тут у нас!

Чапмен и остальные обступили коробку, и, вдруг, Донли нагнулся и сделал глубокий вдох. В коробке, покрывая толстый слой обычной земли, была трава. Они с трепетом смотрели на нее. Клейн потрогал ее рукой.

— Приятные ощущения, — просто сказал он.

Чапмен отрезал ногтем одну травинку и зажал между губами. Прошли годы с тех пор, как он видел траву и имел роскошь ходить

по ней и лежать на ее прохладной густоте в течение знойный летних ночей, когда спать в помещении было слишком жарко.

Уильямс покраснел.

— Я думал, мы польем ее водой и будем иногда светить на нее ультрафиолетовой лампой. Не мог не взять это с собой: некий символ, знаете ли...

Он смущился.

Чапмен одобрил. Если бы он хоть немного подумал головой, то попытался бы протащить на Луну нечто подобное, а не дурацкий фонограф.

— Это дорогая трава, — резко сказал Дал. — Ты понимаешь, что при текущих ценах на полезный груз, каждая травинка стоит около десяти долларов?

У Уильямса стало такое лицо, словно его ударили, а кто-то сказал: «О, заткнись, Дал!».

Один из мужчин отделился от общей группы и подошел к Чапмену.

— Меня зовут Эберлейн. Капитан прибывшего корабля. Я так понимаю, вы тут главный, — сказал он и протянул руку.

Чапмен кивнул и пожал руку. На его корабле не было капитана. Только пилот и экипаж. При первом взгляде на Эберлейна становилось понятно, что он капитан. Суровое лицо, седые волосы, решительный подбородок человека, уверенного в себе.

— Да, можно сказать, я тут главный, — сказал Чапмен.

— Хорошо, мистер Чапмен, есть ли тут местечко, где мы можем поговорить наедине?

Они подошли к одному из углов бункера.

— Самое лучшее, что я могу предложить, капитан, — сказал Чапмен. — В чем дело?

Эберлейн уселся на пустой ящик. И посмотрел на Чапмена.

— Мне всегда хотелось поговорить с тем, кто пробыл тут дольше всех, — начал он.

— Уверен, что причина не только в вашем любопытстве.

Эберлейн достал пачку сигарет.

— Не возражаете, если я закурю?

Чапман указал пальцем на Дала.

— Спросите его. Он теперь главный.

Капитан не стал этого делать. Он убрал пачку обратно.

— Знаете, у нас большие планы на эту станцию, — продолжил он.

— Первый раз слышу.

— Ну, так вот. Идут работы над большими беспилотными ракетами, способными нести груз и листовую сталь для других таких бункеров. Они собираются увеличить лабораторию, соединив несколько бункеров в один. Привести новое оборудование и улуч-

шить условия жизни для вас. – Его глаза обвели комнату. – Но это пока что еще секрет.

Чапмен кивнул.

– Вон те парни тоже были бы не прочь услышать такие новости. Капитан заметил упрек.

– Ну, это только одна из причин, по которой я хотел поговорить с вами, Чапмен. Комиссия все обсудила, и они хотят, чтобы остались вы. Им кажется, что если они собираются увеличивать лабораторию, добавлять еще бункеры и держать тут больше людей, то управлять всем должен тот, у кого есть реальный опыт. Они полагают, что вы – единственный подходящий человек, и, к тому же проявивший себя на деле.

Капитан смутно почувствовал, что его подход был неверным.

– Это все? – резко спросил Чапмен.

Эберлейну сразу стало неловко.

– Естественно, вам хорошо заплатят. Я прекрасно понимаю, что никому не понравиться торчать тут вечно. Они согласны удвоить зарплату... возможно, даже дать премию... и вы будете заправлять всем. Вы станете директором лунных лабораторий.

Еще и титул в придачу, подумал Чапмен.

– Еще что-то? – спросил он.

Эберлейн нахмурился.

– Ну... комиссия обещала рассмотреть все, что придет вам на ум, и если вы хотите больше денег...

— Мой ответ — нет, — сказал Чапмен. — Меня не интересуют дополнительные деньги за то, чтобы я остался, потому что я не хочу тут оставаться. Деньги не помогут, капитан. Мне жаль, но, чтобы понять, вам придется пожить тут какое-то время. Боб Дал остается вместо меня. Если есть что-нибудь важное, касающееся проекта целиком или предстоящих изменений, возможно, вам стоит сказать это ему, прежде чем вы покинете Луну.

И он ушел.

Чапмен держал письмо обеими руками, но листок все равно дрожал. Остальные покинули бункер, — члены второй группы показывали коллегам из третьей приборы и механизмы, находящиеся снаружи, предостерегали о смертельно опасных полостях под коркой пемзы и объясняли, как укрываться от палящего солнца и следить за подачей воздуха.

Он был рад, что остался один. Чапмен ощущал, как что-то тонкой струйкой течет по лицу, и почувствовал на губах соленый вкус.

Почту раздали, и он не распечатывал конверт, пока не ушли остальные, чтобы прочитать письмо в одиночестве. Оно оказалось очень коротким.

Начиналось оно так: «Дорогой Джоэль, это будет не очень приятное письмо, но лучше, чтобы ты все узнал, прежде чем вернешься домой».

Там было что-то еще, но Чапмен уже и так все понял. Разумеется, ничего нового. Женщины, меняющие свое решение, не являлись чем-то необычным.

Он смял листок, поднес к нему спичку и смотрел, как он догорает на стальном полу.

Три года — долгий срок. Слишком долгий, чтобы продолжать любить мужчину, находящегося в трети миллиона километров. Возможно, гуляя с другим, она смотрела в ночное небо, говоря тому, что когда-то была обручена с Человеком на Луне.

Хорошая выйдет беседа. Будет весело. Вероятно, даже станет шуткой.

Чапмен встал, подошел к фонографу и включил запись. Скрипучий голос запел, словно ни в чем не бывало:

*Домашняя еда самая разнообразная,
Старое вино самое опьяняющее,
Старые приятели самые отзывчивые,
Девушка дома самая верная,
Любовь самая яркая,
Жизнь самая прекрасная,
Там, где мой дом.*

Пластинку заело, последняя строчка крутилась снова и снова.

Он вообще-то не хотел ставить пластинку. Это была непроизвольная реакция. Чапмен проигрывал ее множество раз, когда думал о Земле. О возвращении домой.

Он схватил пластинку, швырнул ее в стену и смотрел, как она ударяется о стальную переборку и разлетается на мелкие кусочки.

Остальные вернулись в бункер, члены второй группы стали хватать свои вещмешки и другие вещи, собираясь уходить. Дал сидел в углу с характерным выражением на лице. Он выглядел так, словно хотел заплакать, но, тем не менее, чувствовал, что момент был радостный.

Чапмен подошел к нему.

— Собирай свои вещи и уходи с остальными, Дал, — сказал он тихим, но твердым голосом.

Дал поднял глаза, открыл рот, собираясь что-то сказать, но затем закрыл, так ничего и не выдавив. Донли, Бенинг и Доуден уже стояли в шлюзе, готовые к выходу. Клейн услышал и подошел. Он схватил Чапмена за руку.

— Что за черт, Чап? Бери мешок и пошли. Я знаю один бар, где можно отметить наше возвращение...

— Я не лечу, — сказал Чапмен.

Клейн глядел раздраженно и не верил ему.

— Ну же, что случилось? Ты вдруг решил, что тебе не нравятся голубое небо, деревья и все остальное? Идем!

Стоявшие в шлюзе удивленно смотрели на них. Некоторые из третьей группы засмущались, словно посторонние, ставшие свидетелями семейной ссоры.

— Джгулиус, я остаюсь, — просто повторил Чапмен. — Мне незачем туда возвращаться.

— Ты поступаешь гораздо храбрее, чем думаешь, — раздался голос со стороны.

Он принадлежал Эберлейну.

Чапмен посмотрел на него. Эберлейн покраснел, отвернулся и заковылял к остальным.

Прежде чем внутренняя дверь шлюза захлопнулась, они слышали, как Чапмен, упирев руки в бока, дрессирует третью группу, как оставаться на Луне живыми и невредимыми. Его голос был грубым, напряженным, он напоминал старшего сержанта, муштрующего отряд.

Дал и Эберлейн стояли у входа в корабль, глядя назад, в сторону исследовательского бункера. Его наполовину скрывала тень от каменного навеса, защищающего постройку от метеоритов.

— Они с утра промывали ему мозги, — нарушил тишину Дал. — Сказали, что он нашел на Луне свой дом.

— Если бы мы остались на час дольше, он мог передумать и улететь вместе с остальными, — размышлял Эберлейн, чье лицо покрыла маска задумчивости.

— Я предложил ему деньги, — сказал Дал с горечью. — Я струсил и предложил ему деньги, чтобы он остался вместо меня.

Лицо его выражало горечь и отвращение к самому себе.

Эберлейн быстро повернулся к нему и сказал единственно правильные слова.

— Любой из нас иногда бывает трусом, — серьезно сказал он. — Но деньги никак не повлияли на его решение оставаться. Он не улетел, потому что пришлось. Остаться его заставили мы.

— Не понимаю, — сказал Дал.

— У Чапмана было много причин улететь. Он собирался жениться.

— Дал поморщился. — Мы уговорили ее написать ему письмо, будто она его бросает. Мы знали, что это снимет одну из основных причин, почему он хотел вернуться на Землю. Думаю, он бы все равно улетел, если бы мы остались и убедили его отправиться домой. Но мы ушли, прежде чем он передумал.

— Это... это же настоящая подłość!

— У нас не оказалось выбора. Мы оставили это на крайний случай.

— Ни одна девушка ни за что бы не согласилась, если она любила такого парня, как Чапмен, — сказал Дал.

— Одна все-таки есть, — уточнил Эберлейн. — Джинни Диксон. Она поняла, что мы пытались ей объяснить. Ей пришлось, — здесь погиб ее брат.

— Почему Чапмен так важен? — взорвался Дал. — Что он бы смог сделать такого, чего не получилось бы у меня... обладай я хоть капелькой храбрости?

— Возможно, и у тебя бы вышло, — сказал Эберлейн. — Но я сомневаюсь. Не думаю, что нашлись бы многие, кто справился. А мы не можем рисковать. Чапмен знает, как жить на Луне. Он как охотник, который провел всю жизнь в лесах, и знает их, как свои пять пальцев. Он никогда не совершает ошибок и всегда все перепроверяет. И он не ученый. Он никогда бы не погрузился в исследования так, что забыл бы за всем проследить. Он может присматривать за теми, кто все-таки совершает ошибки. Джинни понимает это слишком хорошо.

— Откуда вы знаете столько всего о Чапмене? — спросил Дал.

— Частично нам рассказали члены первой группы. И у нас был тут свой человек. Бенинг нам все подробно докладывал. — Эберлейн задумчиво уставился на бункер. — Отправлять сюда корабли и строить колонию стоит кучу денег. Расширять ее — будет стоить еще больше. При таких вложениях, риски должны быть сведены к нулю. Приходится нанимать лучших из лучших. Даже если они этого

не хотят. – Эберлейн указал на пятнистый зелено-голубой шарик Земли, движущийся высоко в черном небе. – Помнишь, что было пять лет назад, Дал? Страны, вцепившиеся друг другу в глотки, и вооружающиеся до зубов. Сейчас совсем не так. У нас есть один, которого никто не сможет догнать, или повторить его достижения. Ни у кого нет нашей технической мощи. Я знаю, это – не военная база. Но мало ли что будет дальше. – Эберлейн резко оборвал себя. – Это даже не самые важные причины, Дал. Мы стоим у истоков космических путешествий, делаем первые, слабые шаги. Если эта база на Луне достигнет своей цели, вся человеческая раса будет готова к покорению космоса. – Эберлейн указал на звезды. – У тебя есть выбор: граница, лежащая где-то за пределами нашей Галактики, или невротичный маленький мир, спотыкающийся и падающий, тратящий время и таланты на поиск новых способов самоубийства. При таком выборе, Дал, нельзя рисковать. Можно пожертвовать жизнями отдельных людей ради общей цели. И иначе никак. Слишком многое стоит на кону. – Эберлейн секунду поколебался, затем заговорил о другом. – Странные вы парни, ты и другие, кто прилетает сюда, Дал. Черт побери, я знаю, что некоторых из вас притягивает ореол таинственности. Но никому из вас тут не нравится, и никто не остается в восторге. По большому счету, изначально ни один из вас не хотел сюда попасть. Вы – кучка героев поневоле, Дал. – Капитан мотнул головой в сторону бункера. – Лично меня все это совсем не радует. Мне не нравится вмешиваться в чужие жизни. Надеюсь, мне не придется делать это снова. Может быть, нам как-нибудь удастся все уладить. Мы постараемся.

Эберлейн запустил механизм запирания входного люка. Его лицо выражало сожаление и беспомощность. Он сам не особо верил в будущее, которое описал Далу.

– Чувствую себя, как тот еще сукин сын, – сказал Эберлейн.

– Им вообще-то не все равно, куда нас отправляют? Им интересно, что мы думаем? – спросил молодой человек.

Старик встал, подошел к окну. Бункеры, башни и плоские строения исследовательской колонии блестели в солнечном свете. Это уже был целый город, вмещающий несколько тысяч человек.

Восход солнца ознаменовал начало долгого утра, и далеко внизу расползались по дну кратера тени. Тихо самый красивый кратер, подумал Старик.

Было приятно осознавать, что очень молодой человек не поймет всего этого. Прошло много времени, прежде чем Старик полюбил кратер.

– Наверное, я бы согласился, – ответил Старик. – В каком-то смысле, поначалу они были жестокими. Но тогда им приходилось

так действовать. Они поставили перед собой слишком важную задачу. И достигли цели так быстро, как только смогли. Поэтому они не позволяли себе слишком долго помнить людей, жизни которых обменяли на звезды.

— А когда вы впервые попали сюда, то думали также? — спросил молодой человек.

Старик на минутку задумался.

— Нет, — признался он. — Нас это не волновало. Большинство из нас прилетело сюда просто подзаработать. Комитету нужны были люди, которые не развалиются на части, когда исчезнет первоначальное очарование Луны и не останется ничего, кроме нужды, тяжелой работы и одиночества. Люди, падкие на ореол таинственности, хороши для коротких путешествий, но не для полуторагодичной жизни в исследовательском бункере. Так что, комиссия предлагала высокие зарплаты, и мы неохотно брались за такую работу. О, да, за проектом стояла отличная идея, у Комитета было видение того, как все станет развиваться. Но это заняло долгое время.

В комнату вошла женщина, неся поднос со стаканами. Старик взял один и сказал:

— Нас с твоей мамой вчера уведомили, что тебя приняли. Мы бы хотели, чтобы ты полетел, но, конечно, окончательное решение за тобой.

Старик сделал глоток и обратился к жене:

— В этом есть свои тяготы, но, если рассматривать все в целом, мы никогда не жалели об этом, не так ли, Джинни?

The Reluctant Heroes (Galaxy Science Fiction, January 1951)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

SPACE SCIENCE FICTION

IN THIS ISSUE
UNTO HIM THAT HATH
BY PHILIP ST. JOHN
FYFE • MERRIL • SHELDON

NOVEMBER 1952 35c

ГОРАЦИЙ Б. ФАЙФ

ПЕШКОМ ПО ЛУНЕ

Радист закончил отправку сообщения и откинулся на спинку складного кресла из ткани и алюминия. Тревога проступала на его широком лице мексиканца.

Шаги в коридоре, ведущем к радиорубке, из-за лунной гравитации были почти не слышны, но их частота говорила о спешке. Вшли двое. Как и у радиста, на них были рабочие джинсы и толстые свитера, но у одного из них, седого человека, был весьма авторитетный вид.

— Доктор Берни хочет встретиться с тобой лично, Майк, — сказал тот, что помоложе.

Радист пожал плечами.

— Луноход-один в порядке, доктор, — отчитался он, — но, как, должно быть, вам уже сказал Джой, мы потеряли луноход-два.

— Когда он в последний раз выходил на связь? — спросил Берни.

Майк указал на карту сбоку на стене, и пожилой подошел, чтобы получше ее рассмотреть. На ней изображалась зона вокруг восьмидесятикилометрового кратера Архимеда.

— Синяя линия — это луноход-один, а красная — луноход-два, — сказал Майк. — Вы, конечно, знаете запланированные маршруты. Маленькие числа показывают, откуда они отправляли сообщения и сколько раз.

Берни глянул на синюю линию. Из черного квадрата рядом с северной стеной кратера, обозначавшего первую большую базу на Луне, она по диагонали ползла к краю кратера. После зигзагообразного спуска по разбитому внешнему склону и прохождения вдоль хребта, линия описала широкую кривую, сворачивая на север к Аристиллу и Автолику, следующими по диаметру за Архимедом, самыми большими кратерами региона, а, затем проходила через унылое Море Дождей, причудливо окрещенное Туманным болотом. После чего синий след вел к проходам через лунные Апеннины и к Морю Ясности.

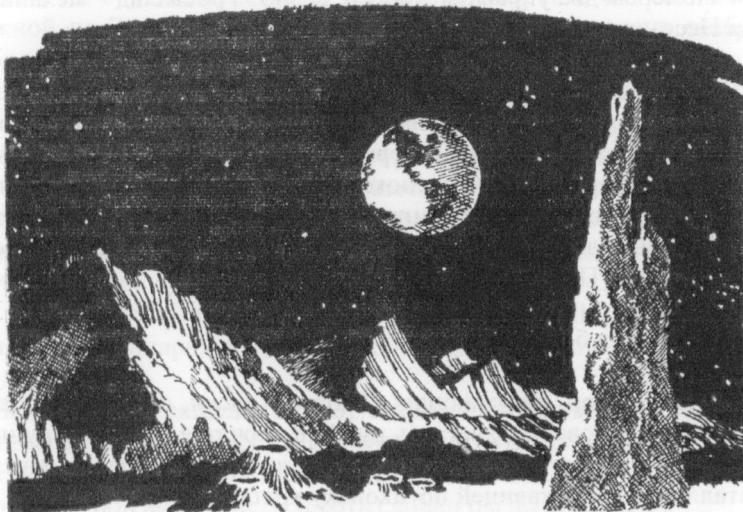
— Я ожидал, что на время потеряю луноход-один, — пробормотал радист, — из-за отсутствия радиовышки в том районе. Но путь лунохода-два еще не должен быть ничем перегорожен.

Красная линия была более ровной. Отделяясь от голубой у северной стены кратера Архимеда, она протянулась по плоской равнине, обходя одиноко стоящие горные цепи и десятикилометровые кра-

теры Кирх и Пьяцца Смита. Через пятьсот километров, красная линия прошла мимо горы Пико и отрывисто прозондировала дельту возможных маршрутов через кольцевую стену Платона. Избранный путь шел почти от самой Пико.

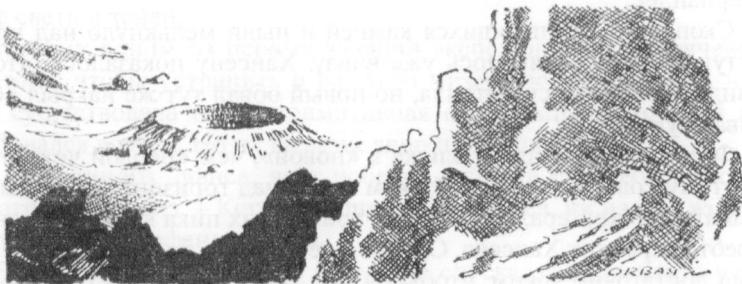
— Они должны были связаться перед тем, как попробуют спуститься, — задумчиво произнес Берни. — Возможно, Море Дождей глубже, чем мы рассчитывали. В этом случае, при такой кривизне

MOONWALK

BY H. B. FYFE

ILLUSTRATED BY ORBAN

чаши, между нами и луноходом окажется толща горных пород. Просто ужасающее количество камня.

— Может, они перебирались через стену кратера в спешке, — предположил Джой.

Берни обдумал это во время короткого молчания, почесывая лысую голову. Когда он задумчиво наморщил лоб, его узкое лицо покрылось сетью морщин.

— Номером два управлял Хансен, верно? Гросвальд — механик... ван Несс — астроном... и кто там еще?

— Фернандес из геологии, — добавил Джой.

Весь персонал базы насчитывал чуть меньше пятидесяти человек. Они только начинали проводить исследования поверхности после того, как закончили сборку строений. С такими скучными ресурсами, Берни сильно беспокоился по поводу пропажи четырех человек и одного из драгоценных луноходов.

— Они выходили на связь час назад, — сказал Майк, прикасаясь к микрофону. — Похоже, их рация накрылась.

Когда никто не ответил, он добавил:

— Или они в беде...

На уступе гор, окружающих Платон, Хансен, шатаясь, пытался удержать равновесие, хватаясь рукой в перчатке за серую лунную скалу. После многих миллионов лет воздействия тепла, камень под металлической рукавицей потихоньку крошился.

В громоздком скафандре оказалось сложным сильно наклониться вперед, но Хансен не мог не взглянуть вниз, когда луноход ужасно неторопливо упал по внутреннему склону.

— Я говорил им: «стойте на месте, пока я найду путь вниз!» — пробормотал он. — Я же предупреждал! Предупреждал!

Он едва ли осознавал, что говорит вслух. Где-то в той куче камней лежит теперь луноход, который он вел от Архимеда. Внутри вдребезги разбитой машины остались ван Несс, Гросвальд и Фернандес.

Скопление осыпающихся камней и пыли мелькнуло над краем уступа и снова появилось уже внизу. Хансену показалось, что он увидел яркий блеск металла, но новый обвал тут же накрыл образовавшуюся кучу.

Фаза Луны оказалась ближе к «новой», чем «первой четверти», поэтому солнце висело слишком низко над горизонтом, чтобы освещать дно кратера, или хотя бы три горных пика кольцеобразного хребта справа от Хансена. Однако, свет гораздо более полной Земли был достаточно ярким, чтобы он мог хорошо разглядеть окружающую местность.

Оползень, наконец-то, прекратился почти на километр ниже не-надежного положения Хансена. Он глубоко дышал и пытался рас-слабить затекшие плечи.

— Должно быть, это заняло целых пять минут, — прошептал он, понимая, что застыл в очень неудобной позиции, пока глядел вниз.

Казалось, прошел целый час. На тускло-освещенном дне кратера пыль быстро осела из-за отсутствия воздуха, но обломки лунохода

лежали на образовавшейся куче, форма которой была бы невозможной на Земле. Хансен ощущал через ботинки очень слабую вибрацию.

Он оказался один в тишине мира, мертвого уже целую вечность.

Так он и стоял — желтое пятнышко хромированного защитного костюма. Прозрачное забрало некрашенного шлема показывало молодого блондина лет двадцати шести, с узким лицом и квадратной челюстью. На фоне загоревшейся кожи, белесые брови выглядели нелепо, а голубые глаза под ними были наполнены ужасом.

Хансен был среднего роста, но громоздкий костюм увеличивал его телосложение, а баллон с кислородом, батареи для питания рации и аппарат для вентиляции воздуха делали его почти что квадратным.

Наконец, он пришел в себя от тихого шипения воздуха. С величайшей осторожностью, он выбрался с уступа на ровную поверхность, где должен был стоять луноход, пока он искал путь вниз. В сотнях метров внизу часть хребта словно бы выкусили.

— Проделав такой длинный путь от Архимеда, мы ни разу не взглянули на дно кратера, — прошептал Хансен.

На секунду, окинув взглядом длинный ровный шрам от оползня, он подумывал было спуститься на самое дно, чтобы исследовать его поверхность. Веками поверхность кратера Платон скрывалась из виду для земных наблюдателей восходящим солнцем до тех пор, пока в полдень не становилась почти совершенно черной. Ходили рассказы о туманных облаках, закрывающих дно, и необъяснимой игре света и теней.

Поэтому одним из первых заданий экспедиции было изучение Платона, чтобы устраниТЬ и без того мизерную вероятность, что там существовала некая примитивная форма жизни, которой не требовался воздух. Но их вылазке явно пришел конец.

— Ни единого, шанса, черт побери, — сказал сам себе Хансен, всматриваясь вниз. — Когда я вышел осмотреться, ни на ком из них даже не было скафандра.

На уступе, неподалеку от середины спуска, лежало нечто удивительно знакомой формы. Оно сияло зеленовато-голубым земным светом, и Хансен стал вглядываться более старательно. Этот предмет походил на один из запасных кислородных баллонов, крепившихся на крыше лунохода.

Хансен внезапно забеспокоился о состоянии своего баллона. Прежде чем сделать хоть что-нибудь, даже просто сидеть и обдумывать ситуацию, ему захотелось спуститься и узнать, полон ли тот баллон.

Несмотря на нетерпение, он все же не начал спуск, пока, как ему показалось, не нашел хороший путь. Для этого пришлось отойти на метров сто в сторону, но зато Хансен смог попасть на уровень ниже без серьезных трудностей, пару раз он соскальзывал, когда непрочный камень рассыпался в руках, но, даже считая скафандр и оборудование, он весил немногим больше пятнадцати килограммов. Падая с не слишком большой высоты, он всегда мог удержаться одной рукой.

Хансен шел по ровной полосе шириной около пятидесяти метров, пока не добрался до того места, где прошел оползень. Рядом, очевидно, оторвавшись от кувыркающегося лунохода, лежал баллон.

Хансен быстро его проверил.

— Так-так, ну, хоть что-то, — сказал он сам себе, обнаружив, что баллон был непочатый.

Оставив баллон, он подошел к внутренней границе ровного участка. Осматривая крутой спуск и обломки, разбросанные по склону, Хансен подумал, что сможет подобрать пару кусков искреженного металла. Больше ничего сделать было нельзя.

— Лучше подняться обратно и все обдумать, — решил он.

Хансен взял порванную цепь, которой крепился баллон к луноходу, и изогнул сломанное звено, чтобы сделать крюк. Чуть погодя, он использовал ее, чтобы тащить за собой удачно найденный кислородный баллон.

Вернувшись туда, откуда он спустился, Хансен увидел, что забраться на самый верх кольцевого хребта было проще простого. Они уже миновали один из нескольких перевалов, прорезающих южную часть скал, и Хансен проделал этот путь всего за несколько минут. Толщина гор здесь была всего около полутора километров, хотя в основании наверняка достигала пятнадцати.

Он вышел на небольшое плато, и впереди раскинулась унылая равнина Моря Дождей. Хансен вдруг почувствовал себя крошечным, потерянным и незначительным.

— Что же мне делать? — спросил он себя.

Впервые он признался себе, что оказался в затруднительном положении. Перчатка сама потянулась к груди, где из скафандра торчал переключатель радиации.

— Вызываю базу! Луноход-два вызывает базу! Луноход-два вызывает базу! Прием.

Хансен проходил несколько минут, повторив вызов пять-шесть раз. Он даже зажмурился, чтобы сосредоточиться на слухе.

Но ничей голос не нарушил тихое шипение в динамиках шлема. Хансен вздохнул.

— Конечно, сигнал не доходит до них! — проворчал он. — Эта штука полезна лишь на расстоянии вытянутой руки!

Он вспомнил, как ван Несс пожаловался на прием, когда они последний раз связывались с базой, и попросил Хансена подняться на вершину горного хребта, поближе к громадному силузту Пико. Хансен теперь оказался выше, но гораздо дальше от дома.

— Майк Рамирес и Джо Фридман не слишком-то любезны, не отвечая на мой вызов, — пробормотал он. — Пол Хансен, мальчик мой, кажется... теперь ты можешь рассчитывать только на себя!

Радио было призрачной надеждой, появившейся из-за высокого местоположения и баек о причудливом прохождении сигналов. Поэтому Хансен не слишком расстроился. Осматривая внешний склон хребта, он отметил, что спуск был далеко не такой крутой, как внутренний, что и определило его дальнейшие действия.

— Думаю, мне лучше идти, пока могу, — решил Хансен. — Когда будет обнаружена потеря связи с луноходом, они, вероятно, вышлют по следам второй экипаж. Если я встречу их по пути, возможно, даже неподалеку от Пико, это сэкономит массу времени.

После долгих мучений, Хансен, наконец-то, забросил большой кислородный баллон на спину поверх остального оборудования, держа его за цепь, перекинутую через плечо. Сначала, он стал спускаться по пологим склонам — там же, где поднимался луноход. Хансен намеренно старался не думать о том, сколько времени это займет: база может решить, что экипаж слишком занят обследованием хребта кратера и забыл связаться с ними, прежде чем скрыться за каменным массивом.

Хансену приходилось удерживаться от соблазна пронестись, сломя голову, километры неровных склонов. Даже со своей кучей вещей, благодаря лунной гравитации, он мог перемещаться семиметровыми прыжками, — но у него не было никакого желания пропахать носом путь из-за одной оплошности.

— Спуститься будет легко, — прошептал он. — А после этого я смогу определять направление по Земле.

Хансен поднял глаза на яркую планету. Земля висела высоко в лунном небе, хотя и не над самой головой, потому что он находился ближе к северному полюсу. Зелено-голубой шар покажет приблизительное направление на юг, к кратеру Архимеда. Рассматривая Землю, он заметил, что западное побережье Северной Америки, которое для него оказалось почти в центре видимого полушария, было покрыто облаками.

— Как бы я хотел сейчас оказаться там, — вздохнул он. — Дождь и все такое!..

Хансен обдумывал следующий шаг, пока пробирался по хребту вокруг меньшего кратера, расположенного в кольце гор, окружающих Платон. Хансен все еще отлично видел серую равнину, простирающуюся от самого подножия. Хотя и довольно пологие – вероятно, сглаженные огромным потоком лавы, сформировавшим Море Дождей, заполнившим старые кратеры и расплавившим окружающие горы, от которых остались лишь вершины, – холмы и неровности были гораздо лучше видимы для пешего человека, чем для сидящего в луноходе.

Хансен обошел слева меньший кратер, и, когда он находил относительно ровный участок, начинал двигаться прыжками. Попробовав сделать это в первый раз, он перевернулся в полете и испугался, что порвет скафандр, упав на торчащий камень. После этого Хансен стал более осторожен, пока не приспособился к тому, что его верхняя часть сильно перегружена из-за огромного кислородного баллона.

Наконец, спустившись, он оказался на ровном дне Моря Дождей – участке между Платоном и одиноко торчащей горой Пико. Справа, продолжение стены большого кратера формировало группу вершин, известных, как горы Тенерифе, напоминавшие стаю маленьких гор Пико. Участок поверхности, на котором стоял Хансен, возможно, когда-то был дном другого кратера размерами с Платона, но теперь обнаруживаемого только по едва заметным контурам и низким горам. В прошлом, некоторые астрономы называли его Ньютон, прежде чем дать имя сэра Исаака чему-то более важному.

Через полчаса Хансен остановился, чтобы перевести дух.

– Как же хорошо! – воскликнул он с облегчением. – Я столько всего тащу и так быстро бегу, но совсем не устаю. – Подумав секунду, он предупредил себя, – Но сильно утомляться, пожалуй, все равно не стоит!

Хансен повернулся посмотреть на стену кратера, возвышающуюся за ним. Она мрачно сияла, покрытая десятками черных расщелин, через которые не мог пробиться свет Земли – в семьдесят раз более яркий, чем тот, что приходит с Луны на нашу планету.

Хансен резко развернулся. Громада гор давила на него одним своим видом, – он помнил, как легко образовался оползень на внутреннем склоне.

– Мне лучше поторопиться!

Он направился на юг быстрым подпрыгивающим шагом, что на Луне требовало гораздо меньших усилий, чем обычная ходьба на Земле. Поверхность оказалась довольно ровной, и Хансен похвалил себя за приличную скорость. Пару раз он чуть не потерял равновесие, но быстро привык к ритму движения, а тяжелая ноша

на спине прекратила его донимать. Он слегка повернулся направо, к одной из торчащих вершин хребта, опоясывающего кратер.

Под ногами был мелкий серый песок. Огромный перепад температур в течение дня и ночи, тянувшихся по две недели, искрошил каменную поверхность, пока чередующиеся расширение и сжатие не изменили кристаллическую структуру верхних слоев. Отслаиваясь, порошок формировал изолирующий слой, и в результате, насколько мог видеть Хансен, путь пролегал по песку. Оглядываясь, он видел, что над последними следами все еще витала пыль. Ее частицы падали довольно ровно, поскольку воздуха, перемешивающего их, тут не было.

Постепенно Хансен понял, что ненавязчивые шумы в скафандре стали чуть громче. Маленькие умные механизмы трудились, ликвидируя отходы его учащенного дыхания. Хансен перешел на ходьбу, но, тем не менее, в условиях лунной гравитации, передвигался все равно довольно быстро.

— Теперь я еще и потеть начал, — сказал Хансен самому себе. — И, как только об этом подумал, во рту пересохло.

Он нагнулся, нашел губами тонкий резиновый шланг, торчащий слева от подбородка, сомкнул зубы на зажиме и сделал пару глотков воды. Она оказалась не особо вкусной, но, по крайней мере, прохладной. Вода была бы гораздо холоднее, если бы не находилась в теплоизолированном бачке, заметил Хансен. Ночью на Луне становится около минус ста пятидесяти градусов, и, когда солнце заходит, температура падала очень резко.

Освежившись, Хансен обрел новые силы и снова перешел на бег. Ему казалось, что он бежит на месте, а Луна вращалась под ногами. Попади он в такую пустыню на Земле, подумал Хансен, пришлось бы брести по колено в песке... если вообще он смог бы двигаться. Его собственный вес был между шестьюдесятью и шестидесяти пятью килограммами. В сумме со скафандром и вещами, которые он нес, масса приближалась к ста двадцати. Но тут Хансену это ничуть не мешало.

— Очень даже неплохо, — довольно подумал он. — Похоже на разминку перед забегом. Раз... Два... Три... Четыре... все еще в отличной форме! Даже дыхание не участилось!

Хансену показалось, что это напоминает бесконечное состязание в беге с самим собой. Он намеренно откладывал размышления о финише, пока не чувствовал усталость.

— О, я с ними где-нибудь да встречусь, — сказал он вслух, несмотря на легкое беспокойство из-за того, что постоянно разговаривает сам с собой. — Скоро я пересеку след лунохода, пойду по нему, возможно, до Пико и подожду там, пока меня не подберут. Спаса-

тельная команда не пропустит такой объект. Торчащая из плоской равнины гора имеет высоту в чертовых три километра.

Хансен немного замедлил шаг, внимательно рассматривая возвышенность впереди. Оказалось, что это лишь небольшой склон, и он легко перевалил через него. Однако, недавнее чувство удовлетворения стало пропадать. Теперь, двигаясь по плоской безжизненной равнине, он гораздо яснее ощущал мрачность лунного ландшафта, чем когда стоял на вершине хребта и поражался величию открывшегося перед ним зрелища. Повсюду были черное и белое, мелкий песок и глубокие тени, обнимающие Хансена, когда он скрывался от света Земли. А над ним, во тьме безвоздушного неба, мерцали одиночные звезды и яркая Земля.

Серый, черный, зеленый, белый... все слишком холодное и негостеприимное.

— Словно мне тут не рады, — подумал Хансен. — Что ж, это чувство взаимно!

Он оглянулся и поразился пройденному расстоянию. Платон уже выглядел, как далекие горы, а не высившаяся преграда из скал, как прежде.

— Долго это не займет, — убеждал он себя. — Должно быть, я пробежал километров восемь, а, может, и все пятнадцать.

Хансен обошел маленький кратер, всего несколько сотен метров в поперечнике. В самом его центре оказался небольшой холмик, соответствующий огромным горам в серединах почти половины лунных кратеров. В первый раз он пожалел, что камера пропала вместе с луноходом.

— Был слишком занят вождением, чтобы еще и делать снимки, — проворчал Хансен, — и вот теперь, когда я наткнулся на такое, у меня вообще нет камеры. В подобную экспедицию стоило взять отдельного фотографа!

Он отвлекся на несколько минут, раздумывая о том, какой он дурак, что вообще потащился на Луну. На самом деле, он не сильно-то хотел этого, и был уверен, что множество других людей с радостью бы взялось за эту работу и выполнило бы ее гораздо лучше. Тем не менее, удивительно, как человек делает то, что не хочет, лишь потому, что кто-то другой занят тем же самым.

Хансен взглянул на Землю, висевшую слева светящимся шаром, и продолжал двигаться на юг.

Майк и Джой сидели рядом с рацией — на складном кресле и пустом ящике соответственно, — и мрачно молчали, если только к ним не обращались напрямую. Их комнатушка становилась слишком уж людной, и перестала быть уютной.

Доктор Берни ходил взад-вперед возле карты Моря Дождей. Напротив него, на нижней секции двухъярусной койки радиостов – из ткани и алюминия, как и единственное кресло, – собралось трое.

Доктор Шерман, ведущий астроном, сидел между Баки О'Нилом и Эмилем Уолом. Кроме того, что он являлся главным геологом, Уол был на базе вторым после Берни, а О'Нил присутствовал тут на случай, если будет решено отправить ракету для фотосъемок в зону кратера Платон.

– Они могли бы посидеть и в своих комнатах, – прошептал Джой на ухо Майку. – У всех, кроме Баки, есть одноместные каюты. Как мы услышим входящий сигнал в таком-то шуме?

«Шум», на данный момент, состоял в основном из вздохов, барабанящих пальцев и раздражающего посвиста, доносившегося оттуда, где сидел Шерман, уставившийся на карту, подперев подбородок рукой.

– Насчет приблизительного местоположения сомнений нет, – повторил Берни, вновь сворачивая на знакомую тему. – Но мне крайне не хочется прерывать все работы, посыпая команду, когда мы даже не можем с уверенностью сказать, пошло ли что не так.

– Давай прикинем, – сказал Уол, – столкнулись ли они с какой-нибудь проблемой или нет, когда последний раз связывались с нами?

Поскольку все промолчали, Майк нехотя повторил свои предыдущие показания.

– Ван Несс сказал, что они забрались на какую-то гору, чтобы наладить связь. Жаловались на прием. Может они вышли за радиус действия радио?

– Тогда, – сказал Уол, – у нас вообще нет причин для беспокойства, не так ли? Возможно, они просто решили, что выполнять задание важнее, чем носиться кругами и искать хорошее место для связи?

Майк хмуро обдумал такой вариант.

– Странно, что они не могли немного сдвинуть назад и сообщить, что выходят за радиус приема, – проворчал он. – Со скоростью, которую развивает их колымага, это заняло бы совсем немного времени.

– Это было бы верным действием, – признал Берни, – но мы не должны требовать полной приверженности инструкциям, когда экипаж в поле и может иметь веские причины для их игнорирования. Так что нет, думаю, нам бы лучше... Кто там?

Баки О'Нил соскочил с койки и высунул голову за дверь. Его веснушчатое лицо тут же стало расстроенным.

– Джонни Пирс из картографии, – объявил Баки. – И с ним Лоис. Наверное, я вам больше не нужен.

Он осторожно вышел, когда в комнату зашли двое других сотрудников базы. Один из них, вел себя так, словно все вокруг принадлежало ему, был худым, в очках, придававших ему некоторый ученый облик, несмотря на рабочий комбинезон.

С ним пришла девушка, одетая в непрезентабельную форму, словно старалась раствориться среди мужской части персонала базы. Однако, бесформенная одежда не уменьшала привлекательности ее немного загорелого лица и ярких карих глаз. Темные волосы были уложены под вязаную шапочку, которую на Земле, вероятно, могли бы надеть разве что в виде шутки.

— Мы посмотрели на снимки, — сухим, хриплым голосом доложил Пирс. — Пропавшие могут уйти далеко за радиус действия связи. Кривизна поверхности на таком расстоянии весьма значительна, даже учитывая такие низменности, как, например, Море Дождей, созданное огромными потоками лавы.

Берни с облегчением воспринял эту информацию.

— Я слышала разговоры об экипаже, исследующем Платон, — вставила девушка. — Что случилось?

Ее голос оказался приятным и, как у певицы, сильным, не соответствующим ее миниатюрному телосложению.

— А-а… просто проверяли прием сигналов, — сказал Берни. — Можешь уточнить у Майка, если у тебя есть на это время. А мы уходим.

Майк нахмурился, а девушка недоуменно улыбнулась, но Берни, Уол и Шерман, толкаясь, вышли через дверь, словно их уже занимал какой-то новый проект. Шерман пробормотал что-то о постройке прозрачного купола для прямых наблюдений, и голоса стали удаляться дальше по коридору. Пирс выскочил следом за ними.

— Я что-то не так сказала? — спросила Лоис. — Я всего лишь хотела узнать новости.

— Наверное, им просто некогда, Лоис, — ответил Майк и переключил внимание на радио, отключив микрофон и надевая наушники.

— Ты же знаешь, как все обстоит. Почему не спросишь у Баки? Ему еще долго нечем будет заняться.

Лоис едва заметно улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. Джой поднял пустой ящик, на котором сидел, и деловито унес его в другой угол радиорубки.

— Простите, — сказала девушка, потупив темные глаза. — Спрошу кого-нибудь другого.

Они еще какое-то время слышали из коридора ее шаги. Майк посмотрел на Джоя и пожал плечами.

— А что я должен был ей сказать? — спросил тот. — Что ее муж забыл выйти на связь... или насмерть замерз, когда разбился его луноход?

Джой сочувствующе покачал головой.

— Ей тяжело. Не знаю, зачем ей приспичило лететь на Луну, — пожаловался Майк. — Меня не удивляет, что медсестра Джин приняла участие в экспедиции, или стенографистка, такая, как старая Эдна, которую все считают вышедшей в тираж. Но не девушка, вроде Лоис!

— Это все ее наука, — сказал Джой. — Она хочет разглядывать звезды с более близкого расстояния.

— У нас уже есть астрономы. Она — умная девушка, верно, — этого у нее не отнимешь. Но если бы она была моей женой, то осталась бы на Земле!

— А если бы моей, — парировал Джой, — я бы не взялся за второсортную работу, только чтобы последовать за ней сюда! Но прошлого уже не изменишь, босс.

— Ага, — проворчал Майк, снова включая наушники. — Я просто верю в равноправие полов. Тебе бы захотелось жениться на такой девушке, а затем тащиться за ней туда, где три женщины на сорок восемь мужчин?

— Для начала расскажи, как на ней жениться! — съязвил Джой.

Майк сдвинул абажур лампы, чтобы половина комнаты осталась в темноте. Он расправил одеяло, на котором посидело трое посетителей, взял еще одно с верхней койки, чтобы укрыться, и лег.

— Твоя смена, — холодно заявил он. — Разбуди меня, если что-нибудь произойдет!

Веревки, держащие ткань, заскрипели, когда Майк стал устраиваться поудобнее, и Джой остался наедине с тихим шипением радиостанции. Он откинулся на спинку кресла и расслабился.

Хансен остановился и повернулся, чтобы осмотреть пройденные им за последние полчаса километры. Жужжание вентиляторов и гул крошечных моторчиков внутри скафандра были его единственное отрадой в суровом окружении.

Хансен понял, что с такой легкостью бежит чуть ли не рысью, что уже проходит мимо горы Пико. Теперь нужно решить, стоит ли тут остановиться.

— А, может, продолжить путь, — пробормотал он. — Теперь, когда я иду по следам лунохода, ведущим из Архимеда, вряд ли разминусь со спасательным отрядом.

Хансен поглядел на борозды, оставленные на песке колесами лунохода. Окаймляя его собственные, широко расставленные отпе-

чатки ботинок, они уходили вдаль, к горизонту. Как признак того, что здесь прошел человек, они наводили еще большую тоску.

— Может, остановиться у большой тройной вершины, — размышлял Хансен. — Это около шестидесяти-шестидесяти пяти километров... К тому времени они уже обязаны быть там, даже если выехали совсем недавно.

Стараясь не тешить себя надеждой, он честно признался себе, что спасательная команда, быть может, еще даже не покинула пределы Архимеда, и последний раз взглянул на Пико. Круто уходя ввысь, гора торчала, одинокая, наводящая страх своим величием, как затаившийся айсберг или памятник старины, частично погребенный под наползающими песками пустыни. В свете почти полной Земли, вершина горы виднелась сосредоточением серых линий и чернильных пятен — совсем не радующее глаз зрелище.

— Давай, давай! — упрекнул себя Хансен. — Пора идти! Ты же не хочешь тоже превратиться тут в памятник?

Он остановился прямо перед Пико, чтобы пополнить запасы кислорода из большого баллона, и порадовался, что сумел справиться с клапанами, не допустив утечки, которой так боялся. Хансен совсем не ощущал себя человеком, прошедшим больше сотни километров.

— На Земле, — подумал он, — на это ушло бы три дня! Я, конечно, немного утомился, но до настоящей усталости еще далеко.

Когда Хансен продолжил путь, то взглянул на Землю. Туманное западное побережье Северной Америки ушло из поля зрения в узкую, неосвещенную часть шара. Он предположил, что идет, по крайней мере, четыре или пять часов.

— Хотел бы я увидеть их лица, когда они встретят меня уже здесь, — усмехнулся Хансен.

Потом он почувствовал, что, возможно, устал больше, чем думал, но, продолжая идти, пытался сохранять быстрый темп. Хансен обнаружил, что если вставать на цыпочки при каждом шаге, то он сможет по-прежнему передвигаться прыжками.

Серый песок растекался под ногами, периодически обнажая желтоватое основание. Хансен смотрел под ноги и избегал твердых участков. Когда он глядел вдаль, то чувствовал приступы одиночества. Вокруг все походило на дикие равнины востока Соединенных Штатов, но на которых, к тому же, не было даже пшеничных полей.

Двигаясь дальше, Хансен пытался вспомнить, в каком месте их луноход забрался по склону горы. Он решил, что лучше не станет совершая подъем, и продолжал смотреть на цепь низких гор, расположенных дальше за Пико.

Наверное, будет быстрее их обойти, — подумал он. — Вернуться на след я всегда успею.

Когда он, наконец, увидел впереди подъем, то свернул вправо. Из карты, которую он изучал, Хансен помнил, что эти горы вели к еще одной одиноко стоящей вершине, и направился туда. Насколько он знал, у нее не было названия, и, хотя ее высота была вдвое ниже Пико, она являлась прекрасным ориентиром.

Слева от него горы постепенно превращались в неровные холмы, вскоре вовсе исчезающие под слоем лавы. Хансен повернулся к последним возвышенностям, когда перед его взором предстала тройная вершина горы, которую он искал. Забравшись на широкий камень, он начал садиться.

Торец большого баллона, висевшего за спиной, стукнулся о затылок шлема. Хансен потерял равновесие и свалился с камня. Опаленная солнцем поверхность рассыпалась, когда он пытался ухватиться за нее, и Хансен перевернулся еще раз, прежде чем растянуться внизу.

— Черт побери! — проворчал он. — Когда я уже запомню, что у меня за спиной висит этот баллон?

Хансен поднялся и отстегнул баллон. Затем, с уже привычной поклажей за спиной: встроенной в скафандр емкостью с кислородом и аккумуляторами, он прислонился спиной к обнажению, найдя удобное положение.

— Возможно, стоит отдохнуть несколько минут, — сказал он себе. — Дать вентиляторам время немного остудить тело. И к тому же, я не хочу устать и пропустить тот момент, когда они поедут мимо.

Хансен лениво разглядывал дугу между вершиной, к которой направлялся, и горой Пико, все еще отлично видимой справа. Северная часть Моря Дождей постоянно притягивала его взгляд, заставляя пялиться вдаль, пока он не ощутил безумное желание вытянуть голову. Казалось, если он сможет проникнуть через двойное стекло забрала и выбраться из замкнутого пространства шлема, то, возможно, начнет лучше воспринимать суровое окружение и получит более реалистичное представление о здешнем мире.

Хансен заставил себя признаться, что там, конечно же, не было ничего. Ничего, кроме теней небольших кратеров, выглядевших, как низкие горы, и пары еще более мелких воронок, не нарушало однообразие равнины, протянувшейся на восемьдесят километров.

— Какого черта ты ищешь? — огрызнулся Хансен. — Хочешь, потрепать себе нервы? И перестань разговаривать сам с собой!

Однако, он подавил внезапный порыв вскочить и броситься бежать. Вместо этого, Хансен приподнялся и оглядел горный хребет, возле одного конца которого сидел.

Он оказался слишком далеко на юге, чтобы отсюда было видно горы, залитые земным светом. Чем дальше тянулся хребет, тем

выше он становился, словно спина какого-то морского чудовища, поднимающаяся из безмятежных вод. В нескольких километрах от себя, Хансен заметил уступ, указывающий на юг, и ему показалось, будто он вспомнил на картах кратер шириной полтора километра.

Теперь в скафандре стало немного уютнее. Хансен подвигался внутри, чтобы ускорить просушку одежды, которую носил под костюмом. Затем он поднял руки и попытался сцепить ладони за шеей, но обнаружил, что скафандр не был таким уж гибким.

— Наверное, не стоит привередничать, — подумал он. — Без такого количества пружин в суставах, я бы руки не смог согнуть, учитывая разницу в давлении.

С минуту Хансен восхищался конструкцией скафандра, стоящего между ним и мгновенной смертью. Это привело его к размышлению об устройстве удивительного герметичного лунохода, на котором он ехал с таким комфортом, — хотя и не оценил это во время, пока они передвигались по лунной равнине. Следуя логике, он вспомнил затем парней, ехавших с ним, но теперь погребенных под одним из многочисленных оползней, происходящих в Платоне.

Лучше поговорим об удаче! — подумал Хансен. — Интересно, сколько мне еще будет везти? Ведь любая мелочь может стать фатальной...

Он уже упал раза три-четыре... или больше? Каждый раз, при падении он мог сломать забрало о торчащий камень. Оно было весьма крепким, да, но даже если бы он повредил только внешний слой, воздух начал бы постепенно утекать в окружающее пространство. Внутренний слой охладился бы и запотел от дыхания, так что он бы даже не увидел, в окружении чего умирает.

Или Хансен мог скользить по поверхности так, что порвал бы желтый, громоздкий скафандр, а затем и плотный материал внутреннего костюма...

Такой прокол завершился бы настоящим взрывом!

Он напомнил себе быть осторожным, когда ступает в тень, особенно, если границы ее прямые. Хансен не помнил, чтобы в первый раз ему встречались высохшие русла, бегущие длинными трещинами по всему лунному ландшафту — кроме редких маленьких кратеров, пробитых в поверхности после того, как сформировались ручьи... но вероятность провалиться в какую-нибудь яму существовала всегда.

К счастью, земной свет бил прямо в лицо, так что он мог различить тень, отброшенную каким-либо возвышением впереди.

— Скоро мне будет страшно тут даже сесть, — подумал Хансен. — Ничего, если я пойду немного помедленнее. По крайней мере, пока не доберусь до той горы, откуда будет отлично виден Архимед.

Он встал и снова закинул большой баллон на спину, легонько попрыгал, чтобы расположить его поудобнее. Последний раз оглянувшись через плечо на цепочку шагов, тянувшихся по пепельному песку, Хансен продолжил путь.

С удивлением он обнаружил, что мышцы слегка онемели, но вскоре это прошло. Размявшись, он перешел на быструю ходьбу, которая на Луне превращалась в ряд пятиметровых прыжков. Размахивая руками, чтобы сохранять равновесие, Хансен сосредоточился на движении. Вновь оставшись наедине с шипением и гудением скафандра, со звуками собственного дыхания, он перестал беспокоиться воспоминаниями и тревожным ожиданием.

Майк Рамирес зашевелился в койке, когда тихое шипение радио изменило тональность. Его разбудило нечто большее, чем редкие потрескивания, скрип кресла Джоя и шаги в коридоре. Одурманенному сном разуму показалось, что ничего не было, но секунду спустя раздался слабый, призрачный голос.

Майк сбросил с себя свое одеяло... одеяло Джоя... и сказал:
-Джой! Вызов!

— ... вызываю базу Архимед. Вызываю базу! Прием.

— Я слышу, черт побери! — прорычал Джой. — Спи дальше!

Он щелкнул переключателем, и шум, частично заглушавший слабый голос, уступил место фону рации.

— База Архимед вызывает луноход-один! — ответил Джой, а Майк приподнялся на локте на койке и вздохнул.

Он не стал слушать, как Джой принимает сообщение, а сел и спустил ноги на пол. С трудом пошевелив большими пальцами ног, он пожалел, что не снял ботинки, но ведь он собирался прилечь всего на полчаса. Однако, крепко заснул и спал, пока не поступил сигнал.

Джой получил сообщение и, щелкнув тумблером, повернулся к Майку.

— Это экипаж из Моря Спокойствия, — сказал он. — Они оставили двоих у Линнея, пока те делают фотографии и бродят по округе, а двое остальных провели луноход обратно между Апеннинами и Кавказом, чтобы выйти на связь.

— Все в порядке?

— Да, они уже возвращаются, но сказали, что Линней совсем не похож на вулканический кратер.

— Интересно, — пробормотал Майк. — Ладно, пойди доложи Берни. Я посижу у рации.

Он закинул одеяло обратно на верхнюю койку и подошел к креслу, сел и вытянул ноги, слушая удаляющиеся шаги Джоя.

Развалившись в кресле, Майк мрачно смотрел на слабо освещенные циферблаты рации, жалея, что у него нет сигареты. От этой привычки пришлось избавиться, согласившись на участие в экспедиции.

— Наверное, я скоро и думать перестану о курении, — приободрил себя Майк.

Он обернулся на стук шагов в коридоре, удивившись, что Джой так быстро сходил к каюте Берни и обратно. И поднял бровь, когда вошла Лоис.

— Я видела, как уходил Джой, — поспешила сказать она. — Есть какие-то новости?

— Докладывал луноход-один — ничего особенного, просто следование протоколу. А ты как тут оказалась?

— Я… я просто шла по переходу и увидела Джоя с листком в руке.

— А-а, — проворчал Майк.

То, что члены экспедиции называли переходом, было промежуточным куполом, оборудованным шлюзом. Другие постройки соединялись с ним наглухо закрывающимися проходами, чтобы, в случае разгерметизации или повреждения одного из куполов, локализовать угрозу. Фактически, переход являлся центром всей базы.

И если постоять тут достаточно долго, подумал Майк, то все, кого ты знаешь на Луне, пройдут мимо, и тебе станут известны ответы на все вопросы.

— Где сейчас номер два? — тихо спросила Лоис.

Напугана, подумал Майк, замечая подавленную напряженность ее голоса.

— Я точно не знаю, — ответил он, не глядя на нее. — Сейчас они уже должны быть внутри Платона, и не стоит ждать, что мы услышим их оттуда.

Лоис нервно подошла к койке и села на нижнюю секцию. Закинула ногу на ногу. Видя, как она напряженно дергает ногой, Майк отвернулся к радиостанции.

Спустя секунду, она заговорила вновь, и плечи его вздрогнули от мучительной резкости ее голоса.

— Не пудри мне мозги, Майк! Я хочу знать! Вы ведь волновались о них час назад, не так ли?

Майк облизал губы.

— Это ничего не значит, — пробормотал он.

— Второй экипаж не выходил на связь, верно? Я имею ввиду, не ответили на вызов. Свойской что-то случилось, да?

— Успокойся, Лоис! — Майк поерзal в кресле, но затем заставил себя сесть спокойно, такая хрупкая мебель подобных издевательств

долго не выдержит. – Берни посчитал это вероятным развитием событий, но, в конце концов, они решили, что вроде бы все в порядке.

– Тогда зачем сюда позвали Баки? – потребовала она.

– На случай, если бы они рассудили, что район Платона стоит обследовать. Ничего особенного.

Лоис вскочила с койки, и застыла неподвижно, стискивая кулачки.

– Экипаж не стал бы специально так долго не выходить на связь, и ты это прекрасно знаешь! – выпалила она. – А если бы и так, все равно нужно отправить к ним другой луноход.

– Думаю, в твоих словах есть здравый смысл, – признал Майк.

– Его всегда можно было бы отозвать, в случае чего.

– Возможно, об этом уже подумали, – сказал Майк. – Слушай, Лоис, почему ты не успокоишься и не предоставишь решать проблему тем, кто должен этим заниматься?

Она даже не взглянула на него. Ее потемневшие глаза удивили Майка, и он понял, как она побледнела, несмотря на загар.

– Я не могу ничего с собой поделать, – сказала она. – Частично, это моя вина. Он прилетел сюда только потому, что я буквально бредила экспедицией и не могла оставаться на Земле. Он не хотел лететь, и вот теперь он где-то пропал...

Майк встал и оттолкнул кресло ногой. Ему показалось, что девушка вот-вот упадет в обморок. Пристально глядя на нее, он протянул руку, чтобы положить ее на плечо Лоис.

А потом облегченно вздохнул, услышав насвистывание Джоя. Лоис выпрямилась и отстранилась от руки Майка, когда вошел младший оператор.

– Почему бы тебе не поговорить с Берни? – порекомендовал Майк. – Он объяснит, как он видит ситуацию, или, если ты не согласна, то имеет больше смысла спорить с ним, чем со мной. Я тут ничего не решаю.

Девушка с видимым усилием взяла себя в руки.

– Я знаю, Майк. В любом случае, спасибо, что выслушал.

– Джой, проводи Лоис до каюты Берни!

– Все в порядке, – сказала она. – Я и сама могу найти дорогу.

Они смотрели, как она уходит, потом Джой с ухмылкой посмотрел на своего босса.

– А ты, я смотрю, времени зря даром не теряешь, – поддел он Майка. – Даже не подождешь, пока остынут тела?

– Ой, заткнись! – проворчал Майк, указывая пальцем на радиостанцию и направляясь к койке.

Еще он предложил Джою засунуть кое-куда свою голову.

– Не могу, – добродушно усмехнулся тот. – Я же не акробат.

Джой снова занял кресло перед приборами, и оба оператора погрузились в мрачную тишину. Система вентиляции ожила, пытаясь освежить атмосферу базы, и ее вздохи частично заглушили шипение радио.

— Знаешь что, Джой? — проворчал Майк.

— Что?

— У меня такое чувство, что мы больше не увидим тех ребят.

— Надеюсь, ты ошибаешься, — ответил Джой. — После первых десяти сантиметров, здесь ужасно трудно копать.

Хансен размеренно шел, а справа от него, из лавового «моря», высились полуторакилометровая гора. Он знал, что у нее три отдельных вершины, но сейчас они находились друг за другом, образовывая один громадный пик. Большая его часть для Хансена оказалась черной, покрытой глубокими лунными тенями, хотя он постепенно приближался туда, откуда на измученных камнях будут видны всплески земного света.

— Скоро я выйду на настоящую равнину, где нет ничего, кроме нескольких маленьких кратеров, — вслух размышлял Хансен. — И если не захочу остановиться, то как лучше идти?

На случай непредвиденных проблем, он начал прикидывать всевозможные направления и тип грунта, который на них встретится.

Первым вариантом будет подать немного влево, до тех пор, пока снова не выйдет на следы лунохода. Затем можно ожидать какое-то количество небольших кратеров, ведущих к Кирху, скромной, но вполне приличной десятикилометровой воронке. Если Хансен пройдет справа от Кирха, то убережет себя от бесцельного брожения по Морю Дождей. Он может обойти кратер и слева, но справа дорога легче.

— И что потом? — прошептал Хансен, пытаясь вспомнить карту и путь лунохода.

Кажется, дальше идет еще одна открытая зона, а затем шестидесяти пяти километровая полоса вершин, называемых горами Кирха, ограниченная справа еще более длинным хребтом, который, возможно, когда-то являлся частью другой горной цепи.

А затем еще около пятидесяти километров до стены Архимеда.

Хансен покачал головой.

— Это уже слишком далеко, — пробормотал он.

Ему показалось, что голос охрип, и он остановился, чтобы сделать из трубы несколько глотков воды. Должно быть, его слегка загипнотизировало монотонное движение серой поверхности под ногами, потому что внезапно он понял, что уже давно прошел мимо тройной вершины.

Остановившись, Хансен заметил, что ему трудно стоять ровно. Он остановил раскачивающийся за спиной баллон и обернулся.

Стал вглядываться в темную, тускло освещенную земным светом равнину, по которой только что прошел. С нависающей на переднем плане горой и повсюду выпячивающимися стенами небольших кратеров, абсолютная безжизненность этой равнинны представляла собой место полнейшего отчаяния и скорби. Любая земная пустыня была более обитаема и приветлива, но, тем не менее, что-то цеплялось за краешек сознания.

И тут до него дошло.

– Это же, как океан, – выкрикнул Хансен. – Все тут походит на... на холодные, серые воды зимнего моря, бьющиеся о скалистый берег!

Та же самая чудовищная энергия холода, то же самое воздействие на зрителя, – огромная, практически вечная сущность с бессердечной жестокостью и силой, против которой не может устоять ничто человеческое. Это – нечто, которое стоит наблюдать с безопасного расстояния, съежившись от страха, что оно может заметить хрупкое создание из костей и крови и мяса, обтянутых сверху кожей. И тогда уже не сбежать, не спрятаться от сокрушающей злобы. Но Хансен-то был вовсе не где-то вдалеке. Он стоял прямо посреди этого океана.

Хансен огляделся. Повсюду серое, с вкраплениями чернильных теней. Серый пепел под ногами, черно-серые возвышенности, торчащие из поверхности, словно гигантские позвонки, серая даль, куда ни глянь.

– Я шел много часов, – подумал Хансен, – но нет ни единого признака, что стал хоть чуточку ближе! Может, я вообще где-то с другой стороны Платона!

Огромная гора возвышалась перед ним, как громадное чудовище из какого-то чужого мира, преследующее единственное, что смеет двигаться в этом застывшем мире. Хансен внезапно осознал, что боится повернуться к нему спиной. Он уставился на гору и неуклюже попятился. Шлем, уменьшающий поле зрения, был его тюрьмой. Если эта черная масса покрытых тенью камней опрокинется, то с легкостью достанет до него, и, более того – Хансен окажется погребенным под многими тоннами веса, раздавленный и замороженный в один миг...

Он мгновенно развернулся и побежал.

И при первом же шаге запнулся правым ботинком о песок и полетел вперед, молотя руками. Пропахал грунт, разбрасывая фонтаны песка, как катер, рассекающий воду.

Каким-то образом он тут же поднялся и побежал длинными вихляющими пятнадцатиметровыми шагами. Глаза его выкатились, дыхание со свистом вырывалось между губ, пока он отчаянно пытался сохранить равновесие.

Он бежал, как во сне, в кошмаре, ставшем реальностью. Неоднократно, пока еще не приоровился к такому темпу, Хансен делал два-три шага в полете, будучи слишком нетерпеливым, чтобы дожидаться, пока башмаки коснутся песка. В его уставших мышцах внезапно появилась сила. В ногах и руках чувствовалась какая-то легкость.

Легкие Хансена трудились изо всех сил, и он начал спотыкаться. После короткого спазма, сделал глубокий вдох и выдох. Проделал это несколько раз, и стало полегче. Через минуту он обрел второе дыхание. Все происходило полуинстинктивно, а сам Хансен полностью сосредоточился на беге.

Он буквально взлетел на небольшой холм и с него допрыгнул до следующего возвышения, покрытого волнами бледного желтого песка. В следующий миг он осознал, что несется по длинной тени, преградившей ему путь.

Быстрый взгляд в обе стороны подсказал ему, что не стоило огибать холмы, поскольку тени, провалы или что-то еще протянулись направо и налево на сотни метров. Сильно оттолкнувшись от самого края холма, Хансен пролетел почти двадцать метров. Ему показалось, что в правом колене что-то щелкнуло, но приземлился он без каких либо проблем и продолжал бежать, вырвавшись из тени.

Хансен не знал, как долго он несся, выбирая путь, чтобы избежать холмов и преграждающих дорогу теней. В конце концов, моторчики костюма перестали успевать за скоростью, с которой он потреблял кислород и выделял углекислый газ и обильную влагу.

Когда Хансен почувствовал себя, как подводный пловец, достигший предела выносливости измученных легких, то сдался. И остановился.

Стало гораздо хуже. Он перешел на легкий шаг, при котором работали лишь мышцы голеней. В душной жаре и липкой влаге внутри скафандра, до Хансена дошло, насколько он потерял голову.

Тяжело дыша, он оглянулся. Где теперь гора? Затем, следя глазами по одинокой цепочке шрамов на поверхности, исчезающей вдали, увидел серый бугорок на фоне усеянного звездами горизонта.

— Кажется... Я... действительно быстро двигался, — задыхаясь, проговорил Хансен вслух. — Минут двадцать или полчаса... интересно, когда гора перестала быть видна? Конечно... я уже отошел на приличное расстояние, а затем рванул.

Это напомнило ему о бегстве, и он закрыл глаза от стыда.

Пот, выступивший на лбу, тонкими струйками принялся стекать по носу и щекам. Одна, а затем вторая капелька попала в глаз, несмотря на то, что он тряс головой в тесноте шлема. Глаза засипало, но Хансен слишком выдохся, чтобы обращать на это внимание.

Зачем я вообще пошел дальше? – простонал он про себя.

Хансен вспомнил, как трезв был его рассудок в первые минуты после катастрофы. Он спокойно взвесил шансы экипажа остаться в живых, спокойно спустился за самым важным – баллоном с кислородом, спокойно пошел по тщательно выбранному пути, который привел его к таким заметным ориентирам, что их можно разглядеть с Земли при помощи полевого бинокля.

Хансен намеревался дойти только до Пико, ну, или до тройной вершины. Разве не так?

И где-то там, припомнил он, у меня созрел план дальнейшего похода. Для него не было ни единой причины, кроме...

Кроме той, что втайне он понимал, что должен рассчитывать лишь на себя!

– Почему они вообще должны были кого-то уже послать? – спросил он себя. – Из того, что им известно, мы еще в Платоне, разбиваем лагерь на ровной поверхности застывшей лавы.

Видимо, в глубине души Хансен обдумывал все это, когда решал, с какой стороны обойти Кирх.

Он катился по тонкому льду и должен был ожидать, что рано или поздно провалится. На секунду Хансен подумал, что лучше бы сразу разбрелся. Но и потом он мог погибнуть, упав со стены, окружающей гигантский кратер.

– Поздно уже об этом думать! – сказал он вслух. – По крайней мере, я выжал из этого скафандра все, что можно. Если проживу достаточно долго, то, может, вернусь в нем на базу, всем на удивление.

Хансен даже засмеялся, развив приятные фантазии:

– Привет, Пол, где ты был?

– А, просто решил прогуляться по Луне.

– И куда ты ходил?

– Обошел вокруг Платона. Довольно скучно, но что поделаешь.

Хансен сумел сделать глубокий вдох, когда оборудование костюма начало, наконец, опять поспевать за дыханием. Едва заметная улыбка пропала с его лица, и он снова старательно зашагал.

– К черту – прохрипел он. – Зачем обманывать себя? Я чуть с ума не сошел от страха! Но у меня есть право на жизнь!

Баки О'Нил, как тот, кто будет управлять разведывательной ракетой, занял единственный свободный стул в штабе доктора Берни. Тот сидел напротив него у складного стола и тыльной стороной

ручки непрерывно обводил предполагаемый район поисков. Оба задумчиво разглядывали карту. Берни выглядел так, словно пытался угадать точное местоположение экипажа лунохода. О'Нил водил указательным пальцем по предполагаемому пути ракеты, очевидно, стараясь прикинуть, как настроить камеру, чтобы она заработала к тому времени, когда ракета достигнет Платона.

— Просто, чтобы скоротить ожидание, — сказал Берни, откидываясь на спинку стула в тихой, заполненной людьми комнате, — доложи по радио, как только пролетишь над кратером. Майк, ты проверишь радио на случай, если они выйдут на связь?

Оператор радиостанции, стоящий позади остальных, сказал:

— За этим следит Джой.

— Отлично, — одобрил Берни. — Кто-нибудь хочет что-то добавить?

Он оглянулся. Шерман тихонько, монотонно насвистывал. Уол покачал головой. Джонни Пирс беспокойно вертесь, ожидая снова получить в руки результаты аэросъемки. Лоис прислонилась к стене возле двери, нервно грызя ручку белыми зубами.

— Хорошо, тогда все, — сказал Берни. — Надевай скафандр, Баки. Удачи!

Собрание закончилось. Берни дал знак Уолу и доктору Шерману оставаться, и предвосхитил порыв Джонни забрать карту.

— Мы еще не закончили, — объяснил он, и Пирс ушел вместе с Майком.

Снаружи, они увидели, что Лоис и Баки уходят в другом направлении.

— Интересно, что она чувствует, зная, что ее муж где-то далеко и, может, уже не вернется? — прошептал Джонни.

У него было вытянутое лицо и уставший вид.

— Думаешь, они выберутся? — продолжал он после паузы, когда они свернули за угол.

Майк пожал плечами.

— Луноход-один уже возвращается, — просто сказал он.

В другом конце коридора, спешивший Баки не мог оторваться от преследующих его шагов, незаметно прибавив скорость. Кажется, это были шаги Лоис, а ему хотелось обдумать план полета.

Наконец, пройдя через герметично закрываемый проход — двухуровневую конструкцию, в случае непредвиденной ситуации используемую, как шлюз — ему пришлось довольно долго постоять, прежде чем он опознал присутствие Лоис.

— Не возражаешь, если я кое о чем тебя спрошу? — начала она.

— Конечно, нет, но мне нужно...

— Знаю, это займет не больше минуты. Мне не нравится, что тебя попросили сделать снимки Платона.

Баки отпустил дверь, которая тут же сама закрылась. Лицо у него стало озадаченным.

— Думаешь, что в этом нет смысла? — спросил он.

— О, нет! Конечно, есть. Но как насчет других мест?

Пилот заволновался.

— Лоис, я же не могу заснять все Море Дождей.

— Зато можешь снять несколько участков между нами и Платоном. Откуда мы знаем, что они вообще добрались до кратера? Если на фотографиях будут видны следы, то мы поймем, как далеко они отъехали.

— Гм, хорошая мысль, — признал Баки, почесывая голову. — Но почему ты молчала об этом на собрании?

Лоис отвела взгляд и легонько пожала плечами.

— Ну, может, потому, что Берни отговорил бы тебя, — заключил Баки. — Все мы знаем, что ты сильно встревожена.

— Да знаю я, что думают все, — ответила Лоис. — Что я слишком взволнована, потому что один из четырех пропавших — мой муж. Что я не могу трезво размышлять о том, что будет лучше для базы в целом, стоит ли отвлекать людей от работы, чтобы играть в прятки на Луне. Что я вообще не должна была прилетать сюда.

Баки осмотрелся, — в переходе никого не было. Лоис подошла поближе и положила дрожащую руку ему на плечо.

— Хорошо, Баки, все верно. Я напугана. Как бы я хотела, что бы мне даже в голову не пришло лететь сюда и заставлять Поля чувствовать, что он должен последовать за мной! Баки, ты женат, или хотя бы обручен?

— Ну да, есть одна блондиночка, которая меня ждет... надеюсь. И лучше бы ей дождаться.

— Ты бы хотел, чтобы она пропала на Луне?

— Гм-м... — промычал пилот. — Я понял, к чему ты клонишь.

Он заметил еще и другое. Увидел, как близка она к тому, чтобы потерять над собой контроль, как с трудом сдерживает слезы, используя все свое самообладание, чтобы ее не посчитали истеричкой. Попросить его сделать еще несколько снимков, было одной из немногих мелочей, которые она делала, чтобы помочь разыскать мужа. Баки вспомнил, как Пирс ему говорил, что Берни отказался от ее предложения самой управлять луноходом.

— Ну... — сдался он. — Постараюсь, если смогу. Мне все равно придется как-то лететь до Платона, так что сделаю снимок участка вокруг Пико и соседних областей.

Лоис не поблагодарила, но на секунду прижалась лицом к его плечу. Баки снова осмотрелся, нежно дотронулся до ее головы большой веснушчатой рукой и медленно отстранился.

Когда он снова оглянулся, Лоис открывала герметичную дверь.
Могу поспорить, идет к Майку в радиорубку, подумал он. Интересно, когда она последний раз спала?

Он напомнил себе, что у него есть задание, требующее правильных решений на высокой скорости, и не стоит забивать голову лишними заботами. Если эта девушка не будет сдерживать эмоции, то о ней позаботятся Джин и доктор Маклеод.

— Я тоже попаду в лазарет, — пробормотал он, — если сейчас же не выкину это из головы! Только вот кто подберет меня, если я сверну не туда?

Баки остановился у телефона и вызвал отсек управления полетами, чтобы узнать, готовы ли они его принять.

Когда Хансен увидел Кирх, светящиеся вспышки света повсюду были там, где Тихий океан все еще освещался солнечным светом. Побережье Калифорнии исчезло во тьме, но зато появилась часть Азии.

Он прикинул, что идет уже примерно восемь часов.

До сих пор он бежал вприпрыжку, но ощущение скрытых запасов энергии исчезло. Хансен знал, что придется вскоре отдохнуть. С тех пор, как он в панике несся по покрытой кратерами равнине, он остановился лишь раз, когда пополнял запасы кислорода в скафандре.

Придется дать ногам добрых полчаса покоя, решил он.

Хансен заметил, что они немного ослабли, так что прыжки были уже не такими головокружительными. С другой стороны, теперь он лучше контролировал шаг: он больше не нарушал ритм, взмывая слишком высоко. Но больше всего его беспокоила нарастающая боль в пояснице.

Хансен обогнул последние цепочки маленьких кратеров и увидел теневую сторону десятикилометровой стены. Он приближался к ней слева, поскольку еще несколько часов назад решил уйти со следов лунохода, а потом пересечь их вновь.

— Нет никакого смысла идти справа, забираясь в горы Кирх, — пробормотал он. — Там придется много петлять, и сомневаюсь, что сэкономлю так время.

По положению Земли на звездном небе, Хансен рассудил, что немного отклонился влево от пути на юг. Он напомнил себе, что после прохождения Кирха нужно повернуть.

— Я буду идти, пока кратер не останется позади, — пообещал он себе. — Затем присяду и отдохну.

Он не видел особого смысла в том, чтобы пройти еще несколько километров по пустыне за Кирхом. Кратер являлся естественной

отметкой на его пути, расположенной примерно на полдороги между Платоном и Архимедом, что было гораздо дальше того, куда он планировал дойти. Даже сейчас, после того, как он понял, с какой скоростью можно двигаться при такой маленькой гравитации, его все еще ошарашивало, что сумел преодолеть такое расстояние. Почти двести сорок километров.

Тем не менее, он был тут, и даже совсем в неплохой форме. Хансен глянул на внешний склон стены кратера справа и мысленно перечислил все, что его сейчас раздражает. В первую очередь, конечно, общая неуклюжесть, объясняемая часами, проведенными в скафандре и тем, что начинал беспокоить мочевой пузырь, но с этим ничего нельзя было поделать. Проблему перегрева из-за активной деятельности он почти решил, когда во время последней остановки обнаружил, что маленьким вращающимся диском на корпусе батарей можно регулировать интенсивность обогрева. Это открытие слегка расстроило его, потому что ему не объяснили более исчерпывающие, как управляться с костюмом.

Но тогда, – подумал он, – мне пришлось бы провести большие времена за учебой.

Хансен не ощущал голода, хотя ожидал, что рано или поздно почувствует слабость. Скафандр, похоже, работал, как следует, не считая того, что в правом колене что-то сместилось при том прыжке. Уж не сломалась ли пружина?

Это может закончиться тем, что я начну хромать, – подумал Хансен. – С таким давлением внутри и отсутствием воздуха снаружи, будет очень трудно согнуть ногу без помощи механизмов.

К тому времени на стене кратера уже были видны полосы света, и он понял, что почти обошел ее. Наряду с тем, как Хансен двигался дальше, постепенно росла и освещенность, а когда он, некоторое время спустя, уже вышел на открытую равнину, залитые земным светом стены были почти полностью серыми. Кирх отличался от других кратеров. Его дно заполняла не лава, и, казалось, окружающие горы не так долго подвергались воздействию температур, так что была вероятность, что он сформировался гораздо позже окружающего «моря».

Хансен начал подыскивать подходящее место, чтобы присесть. Вскоре, он заметил камень, размерам с автомобиль.

– Пора попить, а потом я подумаю, что делать дальше, – тяжело вздохнул он.

Как только он остановился, чтобы нащупать губами трубочку, по которой поступала вода, то понял, насколько устал.

Вода, прохладная, поскольку находилась в месте, лишь частично окруженному кольцами обогрева, защищающими от внешнего хо-

лода, слегка освежила Хансена. От бега во рту появился неприятный привкус.

Хансен отцепил большой баллон, который нес на спине, и поставил его рядом с удобной выемкой в камне. Затем снял рюкзак с кислородным баллоном и батареями. Защищенные металлом провода и трубки были достаточно длинными, чтобы поставить его рядом.

Потом он присел на мелкий песок и, с облегчением вздохнув, откинулся на камень. Подвигавшись, нашел более уютное положение.

— Зря я выпил столько воды, — проворчал он.

Он прислонил шею к воротнику костюма. Это оказалось неудобным, но зато теперь он смотрел прямо на Землю.

Похоже, я уже привык к темноте, раз она кажется мне такой яркой, подумал он. *Могу поспорить, мои зрачки сейчас, как у кошки.*

Как ни странно, ступни Хансена не болели, пока он не расслабился. Тогда ему показалось, что на них появились мозоли. Более того, белье, которое он носил под костюмом, начало натирать в нескольких местах: около подмышек — от того, что он махал руками, под правым коленом и на внутренней поверхности бедер.

Щиплющие веки напомнили о том, что пот попадал прямо в глаза.

Нужно сменить обзор, — поднимаясь, проворчал он. — *Если я буду смотреть в другую сторону, то, может, глаза отдохнут.*

Хансен перенес рюкзак на противоположную сторону камня, а затем предусмотрительно вернулся за большим кислородным баллоном. Для этого не было ни одной разумной причины, но почему-то рядом с ним он чувствовал себя спокойнее.

По другую сторону камня лежала тень, и Хансену пришлось искать удобное место наощупь. Вздохнув, он сел, вновь поерзал, устраиваясь поудобнее, и начал созерцать расположенную в нескольких километрах стену кратера Кирх. Постоянный шелест воздуха в скафандре и гул механизмов, поддерживающих его жизнь, стали настолько привычными, что Хансен почти не замечал их. Впечатление наступившей тишины создало прекращение движения, а не затухание обычных звуков.

Он смотрел на стену кратера, борясь со жжением в глазах, на которых то и дело выступали слезы. Левая часть хребта исчезала в темноте, а правый склон, которой Хансен отлично видел, уходил на равнину. Чувство, которое возникало у подножия Пико, — будто над тобой что-то нависает, исчезло.

Кстати, кратеры издалека выглядят, как горные цепи, подумал он. *Но не так близко, как Кирх — он уходит вверх слишком круто.*

Это чем-то напоминало вид на небоскребы большого города, – словно глядеть на Манхэттен с другого берега Гудзона. Только на Луне не было огней.

Хансен закрыл глаза на секунду и попытался представить, что острая вершина стены чуть слева от него освещена тысячей мерцающих желтым и белым окон.

Это оказалось очень трудным. Все кругом было тускло, частично рассеянно земным светом, но все же однородно при отсутствии солнечных лучей. Если Кирх и был городом, то явно заброшенным.

Мертвый город посереди холодного, застывшего моря лавы. Призрачный город, который никогда не жил, и, тем не менее, поднялся со дна серого моря, не видевшего ни единого корабля, нашептывал манящие призывы.

— Останься со мной, человек, я высохший и одинокий. Некому согреть меня светом и звуками... никто не видит мою силу, и, тем самым, не оживляет ее... останься тут, человек!

Но ты же мертв, подумал Хансен. Даже хуже — ты стерilen!

— Ты, человек, тоже мертв. Ты уже холдеешь. Ты медленно застынешь... станешь твердым... памятником... символом человеческой глупости, которая привела тебя в море холода и седой смерти... Нет, не качай головой... уже слишком поздно... мои тени уже окутали тебя... у тебя нет света... все твои молитвы и желания не зажгут ни одной свечи. Вокруг тебя тени... они касаются до тебя... боль в твоей ноге — это холод космоса... ты будешь сидеть здесь вечно... утонувший в сером море замороженной лавы... воображающий свет в моих темных окнах... представляющий во мне жизнь в лучах солнца... но тут не бывает света, если только у тебя нет силы, чтобы увидеть его... но ты холден... холден... холден...

В небе вспыхнул мерцающий свет. Он погас, но все еще горел в глазах Хансена. Затем над головой появился еще один огонек — маленький, в вышине. Волосы на загривке Хансена стали дыбом, он очнулся и вскочил на ноги, хрипло крича.

— Ракета!

В тишине радиорубки, Майк подпрыгнул с кресла, когда поступил вызов с ракеты Баки. Он быстро уменьшил громкость, которую прежде выкрутил на максимум в надежде уловить слабый сигнал с Платона.

Когда Майк ответил и передал полученное сообщение в посадочную зону, разбудил остальных, находящихся в комнате.

Джой спал на верхней койке. Лоис попросила разрешения остаться, и Майк предложил свою койку, чтобы ей было где расположиться. Насколько он знал, Лоис не спала, но, занимаясь рацией, он сохранял молчание.

Может, мне стоит поговорить с ней? — подумал Майк. — Но что я скажу? Четверо хороших парней, и никто из них не сумел вовремя отправить сообщение?

Оглянувшись, он увидел, что оба смотрят на него, и ему придется все рассказать.

— Баки возвращается, — сказал он.

— Он нашел что-нибудь? — потребовала Лоис.

— Пока не знаю, — ответил Майк. — Сказал, что сделал один снимок на пути к Платону и три на обратном пути.

Лоис встала и пошла к двери.

— Большое спасибо, Майк, — бросила она.

Джой спрыгнул с койки, как только она исчезла в коридоре.

— Не стоит, — порекомендовал Майк. — С Баки и Лоис в той дыре, которую они называют темной комнатой, чуть ли не прижимающиеся к фотографу при каждом его вдохе, тебе останется место лишь на полке.

— Я просто думал, что...

— Нам все расскажут. Останься со мной, парень, и проследи, чтобы я тоже не пошел взглянуть на эти снимки!

Хансен напряженно стоял у камня и болезненно разминал мышцы шеи. Он вглядывался в небо, но среди звезд ничего не двигалось.

— А теперь? Я что-то вижу? — медленно спросил он себя. — Или мне опять чудится?

Он скрочил рожу и попытался дотянуться рукой до затылка, прежде чем вспомнил, что все еще в скафандре. Шея затекла и болела от лежания на твердом воротнике костюма, и к тому же Хансен прородил до костей

Должно быть, я спал довольно долго, — подумал он. — Может, стоит снова включить обогрев... или просто согреться ходьбой?

Замерев на секунду, он, открыв рот, уставился на горы вокруг Кирха, высившиеся на километр над серой пустыней.

— Когда я уже сделаю что-нибудь правильно? — спросил он. — Почему нельзя было просто остьаться, где сидел, смотреть на Землю и продолжать спать, мечтая, что оказался на Земле?

Потом он пожалел, что вообще заснул. Боли, которые раньше лишь раздражали, стали теперь агонизирующими.

Хансен был уверен, что получил мозоли, а костюм над натертymi местами при каждом движении гвоздями впивался в тело. Собираясь поднять рюкзак с батареями, он чуть не упал, потому что правая нога все еще не проснулась. Даже когда он сделал несколько шагов и восстановил кровообращение, колено все равно не работало, как прежде.

Может, я потянул мышцу? — подумал Хансен. — Или что-то с самим костюмом?

Он глянул на Землю. Индия была в темноте, но он увидел Африку, Средиземноморье и Европу.

Когда Хансен понял, что пробыл у этого камня три, а, может, и целых четыре часа, то сразу же проверил уровень кислорода. Тот оказался почти на нуле. Хансен пополнил его и посмотрел давле-

ние в большом баллоне. По его предположению, того должно хватить еще на одну зарядку.

— Интересно, сколько человек может прожить в скафандре? — пробормотал он. — Хансен, почему ты еще не умер?

Постанывая от боли, он надел рюкзак с батареями и баллоном, и взвалил поверх них большой баллон. Хотя он был все таким же вспотевшим, но все же сделал несколько глотков воды под шелест вентиляторов.

— Плохо, что так хочется пить, — сказал он вслух. — Придется за этим следить. К тому же, я начинаю ощущать нехватку еды.

Хансен двинулся в путь, двигаясь очень плавно, заботясь о болевших мышцах, и сразу почувствовал слабость, вызванную голodom. Было трудно поверить, что кошмар может длиться так долго, но он вспомнил, что прошло уже почти двенадцать часов с тех пор, как он в луноходе съел сэндвич.

Постепенно, шагая вперед, уходя от Кирха в открытую пустыню, Хансен стал согреваться. Мышцы разработались, но натертые места продолжали ныть. Ногам было липко в толстых носках, что говорило о будущих проблемах. Он уже начал подозревать, что ступни кровоточат.

Что за чертовщина происходит с коленом? подумал он.

Хансен хотел остановиться и разобраться, в чем дело, но вероятность того, что он упадет лицом вниз, если нагнется щупать колено, отпугнула его. И он продолжал идти. Через полчаса стало ясно, что пружина треснула.

Нога не только сгибалась хуже, чем прежде, но что-то начало упираться в нее под коленом.

— Плохо дело, — сказал он себе, но как этому помочь, придумать пока не мог.

Наконец, Хансен решил встать на цыпочки. Так у него получалось скакать довольно быстро. И снова под ногами проходили километры, но теперь он понял, что больше не может поддерживать прежнюю скорость. А потом обрадовался, когда почувствовал некоторую свежесть, но недолгие часы невосприимчивости к усталости миновали давным-давно.

К концу часа он двигался умеренным шагом. Спустя еще час, вообще перестал замечать, что идет. Вокруг него было лишь несколько ориентиров. Он даже не стал вглядываться вперед, чтобы заметить горы Кирха.

Наконец, ноющая боль под правым коленом заставила Хансена остановиться.

— Это чертовски глупо! — прорычал он. — Но что, если этот кусок металла проткнет вену или что-нибудь еще?! Нужно это как-то исправить.

Он пораскинул мозгами, но, похоже, просто ничего не мог поделать. Не было способа достать обломок металла. У Хансена даже не получилось нащупать его через толстый внутренний слой скафандра и защитную желтую оболочку. Даже если он, хитро извернувшись, все же снимет внешний слой костюма, исправить проблемное место — коленный сустав — у него не выйдет, поскольку металл закрывает его со всех сторон. Хансен даже не может ничего просунуть внутрь скафандра.

— Конечно, — пробормотал он. — Я могу снять его целиком. Это сразу все упростит. Гораздо проще, чем сидеть и ждать, пока кончится воздух.

Помотав головой, Хансен вытряхнул эту мысль и снова двинулся в путь.

Потом он вышел к покатой равнине с небольшими волнообразными холмами и попытался подниматься только за счет одной левой ноги. Спускаясь же, он практически не сгибал правую ногу. Но довольно быстро он понял, что так устает еще сильнее.

— К черту все! — прорычал Хансен и угрюмо ринулся вперед более привычной походкой, несмотря на острые тычки в ногу при каждом шаге.

Берни и Баки снова сидели по обе стороны стола в каюте Берни. Вместо карты, которую рассматривали раньше, они вглядывались в новые фотографии. Помещение, как и прежде, было заполнено людьми, молча наблюдающими за происходящим. Даже доктор Маклеод с висящим на шее стетоскопом, единственный, кто среди участников экспедиции был настоящим доктором, в отличие от докторов философии и докторов наук, после проведения быстрого послеполетного осмотра Баки решил остаться здесь.

Долговязый Джонни Пирс нависал над плечом Берни, держа увеличительное стекло и щурился на фотографии. Шерман, Уол и Джой окружали стол вместе с фотографиями, проявившими и увеличившими снимки. Лоис смотрела из-за спины Баки, положив руки ему на плечи.

Берни медленно кивал, рассматривая фотографии дна Платона через лупу.

— Я очень опасаюсь, — сказал он, тыкая указательным пальцем в плохо освещенную кучу грунта у подножия стены кратера, — что можно сделать лишь один вывод. Кажется, вот тут свежий оползень.

— Да, это так, — согласился доктор Шерман, указывая на старые фотографии того же места. — И вполне очевидно, что до кратера они добрались.

— Снимки отличного качества, след лунохода отчетливо виден, — продолжал Берни.

— Как насчет вот этого, доктор Берни? — спросил Баки, пододвигая другой снимок.

На нем был изображен участок вокруг горы Пико и увеличен так, что следы лунохода стали видны очень хорошо. Берни нахмурился, глядя на него.

— Говоря совсем откровенно, — пробормотал он, — я не знаю, как это объяснить. Думаю, что эти отпечатки, идущие параллельно колее лунохода, как уже кто-то предположил, могут быть следами башмаков. Но откуда они там взялись и почему?

— При такой гравитации, их вполне мог оставить бегущий человек, — сказал Баки. — Джонни прикинул, что между этими маленькими точками метров семь или десять, что, в принципе, возможно.

— Возможно еще и то, что это не имеет ничего общего со следами человека. Как ты можешь заметить, через какое-то время они расходятся с колеей.

Но тут заговорила Лоис.

— По крайней мере, это исключает одно объяснение, — сказала она. — Эти отпечатки на поверхности уж точно сделаны не на пути к Платону. Следы любого, кто шел рядом с луноходом, начинались бы и заканчивались у колеи.

Наступило молчание. Одни жалобно посмотрели на нее, другие напряженно уткнулись в фотографии.

Берни ткнул пальцем в другой снимок.

— Баки снял его там, где колея пересекала Кирх, — напомнил он.

— И здесь нет ваших так называемых отпечатков ног. Не хочу указывать на очевидное, но...

— Но вы можете что-нибудь сделать, чтобы убедиться в этом? — взорвалась Лоис. — Нельзя же просто бросить их там. Нельзя!

— Конечно, нет, — кусая губу, сказал Берни. — Как только команда Моря Спокойствия отдохнет несколько часов, я отправлю их продолжить... э-э... проверить ту зону. Но фактор времени уже... Попробуй, моя дорогая, спешить уже просто нет смысла. Или в этом нет необходимости, или уже слишком поздно.

Особых сомнений по поводу того, какой вариант казался более вероятным, не было. В воздухе повисло скорбное молчание, сбравшиеся стали расходиться.

Хансен шагал вперед, прижав подбородок к шлему. Иначе, запинаясь, он слишком часто бился головой о забрало.

Это не так-то просто, – зачем-то мелькнуло в голове. – Тут нужна гибкая шея.

Он размышлял об этом примерно сотню шагов, медленно подходя к заключению.

– Во-первых, нужна тонкая и гибкая шея. Надо было остаться дома в кровати. Надо было остаться в Платоне и соорудить что-нибудь заметное. База послала бы кого-нибудь... интересно, я видел ракету или мне показалось? Может быть, я уже умер... Но умру я в любом случае. Почему бы просто не сесть и не подождать? По крайней мере, хуже уже не будет. Зато отдохну.

В голову Хансена не пришло ни одного довода против, но какая-то сила в глубине души не позволяла сдаться.

Потом ему снова пришлось отдыхать: остановки становились все чаще. Но он не стал садиться.

Понял, что, если опустится на песок, то большие не сможет подняться.

Хансен стоял, широко расставив ноги, и тяжело дышал, безвольно свесив руки. Лицо напряглось, когда он оскалился при очередном приливе боли под коленом. Теперь, привыкнув к влаге в башмаке, он уже не мог сказать, стала ли кровь сочиться сильнее.

Он заметил, что стоит на возвышенности, которая казалась светлее, чем обычно, и имела желтоватый оттенок. Вспоминая пройденные места, до Хансена медленно дошло, что это, должно быть, лучи Аристилла, – следы испаренных минералов, разнесенные по окружающей кратер территории, в те времена, когда тот формировался. Единственное, что в этом было хорошего, – Хансен уже оказался довольно близко к Архимеду. Некоторые из лучей Аристилла доходили до большого брата.

Хансен стиснул зубы и сделал шаг. Быстрый взгляд вправо убедил его, что торчащие вершины гор Кирх расположены там, где и должны быть. Однажды, когда он шел в полусне, то обнаружил, что начинает кружить по Морю Дождей.

– Море Дождей, – произнес он вслух. – Ну и где же они, эти чертовы дожди? Хотел бы я вылить на голову хотя бы стакан воды. Стакан воды, чтобы промыть глаза. Черт с ним, с бритьем...

Хансен стал слышать свои шаги сквозь свист вентиляторов и гул моторов скафандра. Проходя через башмаки, они издавали далекие шуршащие звуки, от которых понемногу вероломно опускались распухшие веки. Голова снова ударила о забрало.

Хансен дернулся вправо. Неуклюже оглянулся. Его следы тянулись длинными разрезами по поверхности песка.

— К черту! Надо снова поспать, — проворчал он.

Вслух говорить было больно — треснула нижняя губа — но иначе было трудно ясно размышлять. Хансен открыл пересохший рот, скорчил рожу, ощущив неприятный привкус, и легонько дотронулся кончиком языка до поврежденной губы. Защипало.

Он решил, что пара глотков воды не повредят, хотя и знал, что это будет лишь временное облегчение. Но оно было так нужно.

Хансен повернул голову и зажал тонкую резину между зубов. Треснутую губу защипало, когда он втянул воду.

Вода была по-прежнему прохладной. Уставшие глаза зажмурились от удовольствия.

На третьем глотке вода перестала течь.

— О, нет! — простонал Хансен.

Он вцепился в трубочку сильнее и выщедил еще один глоток. Теперь точно все. Бачок опустел. Запас воды должен был частично пополняться влагой, удаляемой из воздуха внутри скафандра, но, видимо, всему есть предел. Костюм не был рассчитан на двадцать часов работы. Чудо еще, что ничего не сломалось.

Последнюю воду Хансен не глотал, а давал ей медленно перетекать из одного уголка рта в другой.

Давай! думал он. *Это все, что осталось. Чего ты ждешь?*

Он знал, что сердиться на последнюю неприятность было глупо. Растущий гнев являлся знаком истощения, и какая-то часть разума осознавала это, но Хансен намеренно позволял себе злиться... черная из злости дополнительные силы.

Пока он поднимался, вода во рту постепенно просочилась внутрь. С несгибающимся правым коленом, Хансен покачнулся и оказался так близок к падению, что пришлось вновь встать на четвереньки.

— Черт побери, — прорычал он. — Чем они там занимаются? Ждут отчета о погоде? Любой, обладающий хоть граммом мозгов, уже давно бы понял, что случилась беда.

Неуверенной походкой Хансен спустился с пологого холма и стал забираться на следующий.

— Я покажу этим ублюдкам! — рычал он. — Не нужна мне их помощь, раз они такие трусы, что боятся прийти за мной! Сам доберусь... Правда, не знаю, как забраться на эти чертовы горы... но я справлюсь! Я попаду на базу!

Майк сидел рядом с радиостанцией и смотрел на троих, находящихся в комнате.

У Пирса был задумчивый вид, Джой откровенно волновался, и Лоис нервно ходила туда-сюда.

— Экипаж Лунохода-один доложил, что не нашел никаких следов, — сказал Майк, — но это еще ничего не доказывает. Они пока что и близко не подошли к линии, соединяющей Платон и Архимед.

— Думаешь, у нас теперь есть основание не ждать их возвращения? — спросила Лоис.

— Конечно, — сказал Майк. — Не хочу, чтобы это звучало так, словно я подстрекаю тебя сделать то, чего не стал бы делать сам, но...

— Да, Майк, все понятно, — прервал его Джонни. — Кому-то нужно остаться у радио, или мы не сможем связаться с базой. Может попросить Баки занять место Джоя, но зачем его будить?

— Баки уже внес свой вклад, — быстро вставил Джой.

Майк внимательно посмотрел на каждого.

— Ну, Джой может сказать, что я ему разрешил, — сказал он. — Не знаю, что вы скажете, но я бы на вашем месте поторопился что-то придумать на обратном пути.

Покрытая тенями стена кратера нависала над желтым пятном равнины. Земного света только-только хватало, чтобы увидеть, где склон десятикилометровой ширины прорезали пологие скаты. Несколько таких скатов вели к проходу, которым воспользовалась разведывательная экспедиция. На фоне черного неба, Хансен не видел торчащую радиовышку, но она уже не интересовала его. Он бросил комплект батарей для радио, чтобы избавиться от лишнего груза, еще когда подходил к склону Архимеда.

— Вот вы где... вот вы где! — бормотал он. — Эврика, эврика! Черт побери, почти четыреста пятьдесят километров... может, даже больше, с учетом того, как я шел. Я же смогу через нее перелезть, не так ли?

Стена кратера неподвижно высилась перед ним.

— Смогу же, да? — хрюплю рычал Хансен. — Тогда вперед!

Он двинулся вперед. Несмотря на то, что он кинул все лишнее оборудование, — пустой кислородный баллон остался лежать рядом с маленьким кратером, который он прошел последним, — он больше не мог идти быстрее, чем на Земле. Это означало, что на Земле он бы давно уже упал замертво, но сейчас ему было не до таких мыслей.

Хансен понял, что не сможет залезть на двухметровый уступ, поэтому придется его обойти.

— Некогда, некогда, — укорял он себя за поиск обходного пути. — Остался только один баллон... вообще-то, уже гораздо меньше. Ты заберешься туда... сейчас... или никогда.

Хансен нашел длинный, пологий склон и прошел по нему несколько сотен метров. Он замерз, был очень слабым, и, казалось, система обогрева уже близка к полному выходу из строя.

К боли в спине Хансен уже давно привык. Даже однообразные страдания исколотых ног, стертых до мяса, и неприятная сырость кровоточащего колена стали лишь частью общей картины.

Последние метры подъема Хансен преодолел на четвереньках.

— Ха-ха, — прохрипел он. — Только не упади!

Дотянувшись до торчащего камня, он начал подтягиваться. Когда же попытался встать, сломанная пружина впилась в искалеченное место под коленом. Уцепившись за камень обеими руками, он сантиметр за сантиметром поднимался на ноги.

Это заняло у него минут пять. Сначала Хансену показалось, что он опять уснул. Камень почему-то зашевелился под ним.

Затем, сонно уставившись вперед, он увидел, что это часть старого оползня. Один неверный шаг может вызвать новый обвал, который увлечет Хансена за собой вниз. Он простонал и отошел так осторожно, как только мог.

Потом был сорокапятиградусный склон. Если уменьшить его высоту хотя бы до десяти метров, то Хансен сумеет добраться до следующего ската. Он посмотрел вниз и задумался, а не будет ли проще спуститься на террасу ниже, с которой, возможно, будет проще подняться выше, чем он находится сейчас.

— Некогда, — прокаркал он.

Хансен стал карабкаться по не такому уж и крутому для Луны склону. Обожженный солнцем камень крошился под руками и ногами. Он скатывался вниз с такой же скоростью, как и поднимался.

Застонав, Хансен рванулся к торчащему камню величиной с человеческую голову, и ухватился за него одной перчаткой. Камень треснул, и Хансен соскользнул к подножию склона.

— О, Боже! Это уже слишком!

Его лицо искривилось, он ожидал, что потекут слезы. Однакона это в организме уже, видимо, не осталось влаги.

Хансен печально уселся, глядя на скат внизу и говоря себе, что всегда можно попробовать поискать другой путь.

Но он обманывал сам себя.

— Это конец пути, — сказал он. — Последняя остановка... дорога завершена.

Даже его рассудок не стал бороться с капитуляцией. Он только хотел еще раз взглянуть на Землю и Северную Америку, находящуюся в центре полушария.

Но на поворот головы требовалось слишком много усилий.

— Интересно, найдут ли меня? — пробормотал он. — Даже не знаю, хочу ли я, чтобы меня похоронили...

Что-то промелькнуло слева от него. И появился свет.

— Мне уже мерещиться, — прошептал Хансен. — Конец близок.

Но луч света то поднимался, то опускался, освещая склон внизу. Это мог быть только луноход.

Но он проедет в сотне метров под ним. Водитель будет внимательно смотреть на дорогу, следя за ямами и трещинами.

Хансен засмеялся и сумел сбить в кулак всю свою волю.

— Шанс после последнего шанса, — сказал он, как ему показалось, вслух, хотя губы даже не шевельнулись.

Усилия, чтобы подняться на колени, бросили его в пот, который, оказывается, еще оставался в организме.

Он ждал, пока луноход проедет прямо под ним. Ждал... подняв обеими руками здоровенный камень.

Но даже такой ничтожный вес утомлял Хансена, и он положил камень на колени. Луноход, переваливаясь, спускался по склону.

Хансен качался, стоя на коленях, но сосредоточил все свои силы на оценке расстояния.

С хриплым криком он поднял камень и изо всех сил оттолкнул его от груди, кидая под откос со склона, на котором распластался после броска.

Приподнявшись на локтях, он посмотрел, что вышло. Луноход скользил, резко затормозив.

Где-то вдалеке он увидел обломки запущенного им снаряда, скользящие в земном свете позади машины. Водитель точно заметил, как камень пересек их путь.

— Надо подниматься... встать! — в отчаянии сказал себе Хансен.

Он не понимал, что воздух внутри скафандра стал совсем уже скверным, и привычный подвиг подъема на ноги заставил сердце дико заколотиться.

Яркий свет заполнил шлем. Он ослеп и почувствовал, что падает.

— Пол, постарайся сделать то, что я прошу!

— Пол, попытайся за что-нибудь ухватиться, когда я буду заталкивать тебя внутрь! Иначе ты выскользываешь из шлюза, Пол!

Голос был молодой и отчаянnyй.

Когда же какой-то человек стал позади, прислонясь к нему шлемом, Хансен увидел через забрало лицо Джоя — радиста.

Хансен немного пошевелился.

— Пол, ты в безопасности, — словно издалека послышался голос, когда Джой нагнулся, чтобы снова поднять его. — Еще чуть-чуть, и я затащу тебя внутрь.

Что-то изменилось, и Хансен погрузился в темноту.

Следующее, что он помнил, это как он жадно глотал богатый кислородом воздух. Голова болела, но он чувствовал себя лучше.

Кто-то вытирал ему лицо влажным платком. С платка капало, и он ощутил соленый вкус.

Он не видел Лоис, потому что она прижала голову к груди, а Джой, сидя на стуле задом наперед, с удивлением смотрел на него.

— Когда ты начал свой путь? — спросил кто-то еще, и Хансен увидел, что за рулем был Джонни Пирс.

— Сразу после того, как мы добрались до Платона, — с трудом сказал Хансен. — Все, кроме меня и бака с кислородом, пропало под оползнем.

— Это же почти двадцать два часа назад! — воскликнул Джой.

— Хочешь снять скафандр сейчас? — спросила Лоис. — А то, в такой тесноте, мы смогли стащить лишь шлем.

Хансен не видел ее лица, он знал, что она плачет.

— Пусть остается, — ответил Хансен. — Подожду, пока не доберусь до базы, чтобы попасть из скафандра сразу под душ.

— Мы пересекаем вершину, — объявил Джой. — Лоис, держи его крепче, чтобы не свалился.

Вздохнув, Хансен расслабился, когда почувствовал, что ее руки стиснули его.

— Держи крепко, дорогая! — прошептал он, закрывая глаза от яркого света внутри лунохода. — Я... я немного устал.

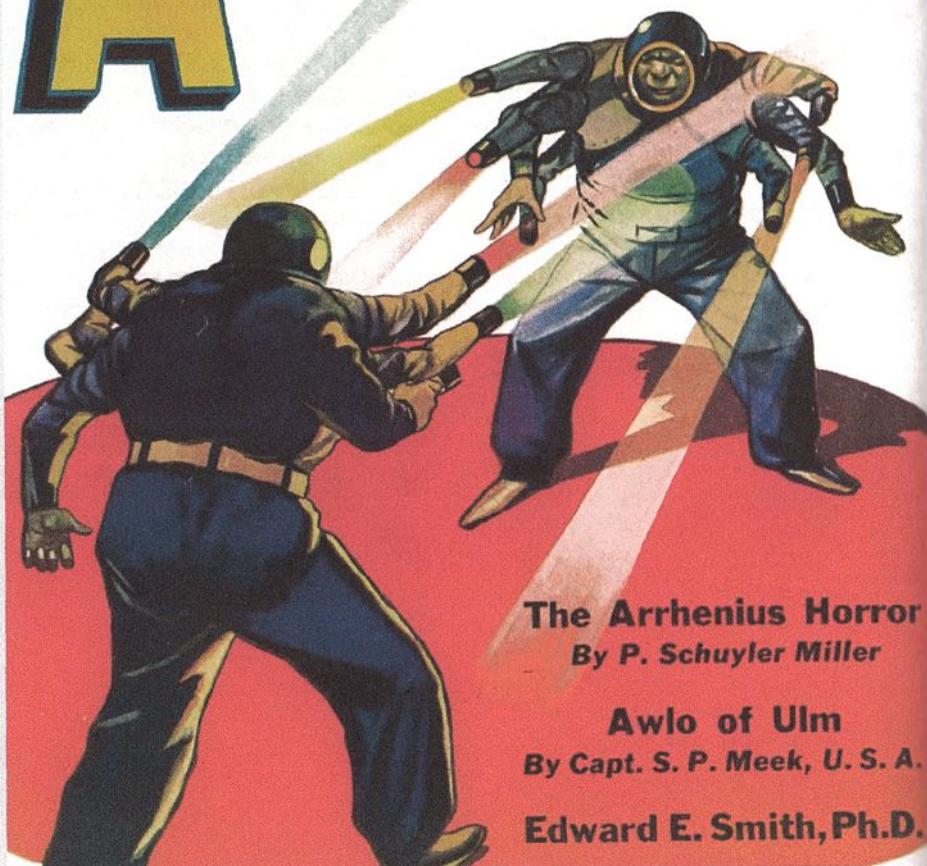
*Moonwalk (Space Science Fiction, November 1952)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)*

AMAZING STORIES

September
25 Cents

IN CANADA 30 CENTS

The Arrhenius Horror
By P. Schuyler Miller

Awlo of Ulm
By Capt. S. P. Meek, U. S. A.

Edward E. Smith, Ph.D.

РЭЙМОНД ГАЛЛУН

ЛУННАЯ КУКОЛКА

Сложно было бы просмотреть историю величайших событий за последние пятьдесят лет, чтобы не поразиться банальности причин, повлиявших на прошлое не только Земли, но и всей Вселенной. Если маленький прибор, – квадратная коробочка размерами менее тридцати сантиметров, – способен повлиять на историю, то очень может быть, что человечество развилось не на нашей планете. Определенно, оно бы никогда не стало доминирующей формой жизни на Земле. Если бы не невинная настойчивость некоторых людей, удивительные преобразования, случившиеся с нашими знаниями и нашей цивилизацией, почти наверняка произошли бы гораздо позже.

Историю лунной куколки рассказывали уже много раз. Но кое-что из того, что я сейчас излагаю, мир еще не слышал. Вечером, двадцать девятого августа 1951-го года, я оказался на борту первой и единственной ракеты, отправившейся к Луне – «Черного Метеора», взмывшего над аризонской пустыней, направляясь к естественному спутнику Земли. Моим единственным компаньоном был профессор Джордж Пакстон – известный астроном и изобретатель, который в течение четырех лет, проведенных мною в колледже, стал моим хорошим другом. Хотя ему и было более шестидесяти, и провел он большую часть своей жизни, изучая малопонятные среднестатистическому человеку вещи, его юношеский энтузиазм и энергия сделали его отличным напарником для меня, – двадцати двухлетнего парня.

Путешествие к спутнику Земли оказалось очень успешным. Не считая тех периодов, когда мы разгонялись или замедлялись, было вполне уютно. Однако, жара от двигателей, постоянная вибрация и запах озона оказались не очень-то приятными.

Наш корабль был нацелен так точно, что за все время полета мы лишь изредка дотрагивались до рычагов управления.

Большую часть времени я потратил на изучение загадочных жужжащих механизмов нашей удивительной ракеты, а также наблюдал вместе с профессором Пакстоном за чудесами космоса: яркими звездами и огромными черными пустотами между ними, огромным ослепляющим Солнцем с пылающей короной, за уменьшающейся Землей и, наконец, загадочной Луной, которая с каждым

часом становилась все больше и больше. При наблюдении с нашей планеты она была красивой и романтичной, но при ближайшем рассмотрении стали видны грубые и неровные детали, придающие ей странный и пугающий вид, от которого у меня по спине пробегали мурашки. Но это был приятный трепет. Я никогда не жалел о решении стать одним из первых людей, побывавших на Луне.

Мы направились прямо к кратеру Тихо, в котором, согласно профессору Пакстону, должны находиться останки древней лунной цивилизации.

Последние часы нашего полета оказались действительно захватывающими. Мы были в рубке, располагавшейся в центре корабля. Видеоэкраны закрывали все стены, давая нам обзор окружающего космоса во всех направлениях. С тревогой мы смотрели на один из них. На нем виднелся сияющий шар Луны, становившийся все больше и больше. Реактивные двигатели давно были выключены, но, тем не менее, под действием лунной гравитации нас несло вперед с постоянно увеличивающейся скоростью.

Профессор Пакстон нервно переводил взор от спидометра на датчик гравитации, а от него на хронометр. Потом, один за другим, он повернул шесть больших колес. Затем перевел серебристый рычажок из вертикального положения в горизонтальное. Я ощущал, как весь корабль начал пугающе вращаться, но это продлилось всего лишь мгновение. Теперь впереди, вместо заостренного носа, оказалось плоское основание ракеты.

Настало время тормозить, и двенадцать кормовых дюз подготовились исполнить свой долг.

Профессор Пакстон передвинул еще один рычаг – на этот раз большой, черный. Раздался оглушительный рев, сопровождаемый звукодобильной вибрацией, а затем появилось отвратительное ощущение тяжести. Струи газа, вырывавшиеся в сторону Луны, замедляли наше падение.

Это продолжалось около часа, в течение которого мы ничего не могли делать, кроме как висеть на мягких раскачивающихся кушетках, закрепленных на противоположных стенах узкого отсека. Даже дышать было больно. Экран заднего вида показывал медленно движущуюся нам навстречу Луну.

Неприятное ощущение тяжести, вызванное быстрым торможением, постепенно ослабевало, а затем и вовсе исчезло. Мы неподвижно висели в пятнадцати километрах над спутником, поддерживаемые струями пламени, которые вырывались из двигателей ракеты. Вращающиеся гироскопы держали «Черный метеор» в вертикальном положении.

Экран сообщал, что ровно под нами находился кратер Тихо. В этой части лунной поверхности наблюдался закат, поэтому Солнце висело низко над горизонтом. Окаймляющее Тихо кольцо гор отбрасывало черную тень на внутреннюю часть кратера, делая его похожим на огромное озеро чернил или на гигантскую пасть, которая открылась, чтобы проглотить нас.

Мой напарник слегка ослабил тягу двигателей, и мы снова начали снижаться. Так мы и опускались все ниже и ниже. А потом оказались на одном уровне с горными вершинами, и нас окутала их тень. И вот, наконец, мы опустились на поверхность Луны, почувствовав лишь небольшой толчок!

Профессор Пакстон несколько секунд поколдовал над рычагами, и рев двигателей стих. Пару секунд спустя смолк визг гироскопов.

Второпях мы забрались в космические скафандры. Тяжелая дверь, напоминавшая казенную часть большой пушки, открылась, опустилась лестница из стальных тросов, и по ней спустился профессор, держа американский флаг. А следом и я.

Так мы благоговейно приняли во владения Луну во имя родной державы и воткнули флаг в серый песок. И только после этого стали осматриваться. Мы оказались довольно близко от западных гор, сияющих в свете Солнца. Они уходили далеко вверх, огромные и заораживающие, словно были столбами, поддерживающими небо. Камень, из которого они были сложены, оказался различных оттенков, хотя и заметно выцветших. Преобладали бледный и пепельно-серый. Повсюду виднелись участки, которые под ярким блеском Солнца были такие белые, что походили на снег. Мы заметили и несколько черных и темно-красных областей. Глубокие ущелья, где еще сохранилась тень, прорезали горы. Над огромным каменным кольцом висело небо — угольно-черное, кроме тех мест, где сияли ослепительные звезды. Не думаю, что на Луне было что-нибудь более ужасающее и более одинокое, чем пугающее безжизненный небосвод.

Высоко над нашими головами среди звезд спокойно сиял серо-зеленый полумесяц. В течение всего путешествия его вид часто заставлял меня чувствовать, что наше путешествие всего лишь галлюцинация. Теперь я размышлял, как так получилось, что я оказался в мире пустоты и смотрел на теплую, дружелюбную Землю, которая еще совсем недавно была моим домом. Я видел частично скрытую облаками западную часть северной Америки. Зрелище казалось слишком фантастическим, чтобы являться правдой!

Солнечный свет, отражавшийся от гор, тускло освещал дно кратера. Не считая нескольких хребтов и неровностей, дно оказалось очень ровным. У подножия окружающей нас крепости валялось

множество булыжников. Всю поверхность покрывал очень мелкий, серый песок. К западу от нас виднелась дальняя стена кратера, уменьшенная в размерах, но идеально ровная. У ее основания была густая тень. За нами, как широкая, приземистая башня, высился «Черный Метеор».

— Вот и Луна, — сказал я. — Весьма впечатляет на близком расстоянии, но ничего по-настоящему необычного мы пока что не увидели. Мы все это знали еще задолго до того, как прибыли сюда.

Профессор Пакстон подобрал горсть песка.

— Не торопись расстраиваться, сынок, — сказал он. — Могу поспорить, в этой пригоршне есть что-нибудь, что тебя очень заинтересует. Давай-ка взглянем.

Мы вместе стали рассматривать песок. Мой напарник позволил ему сыпаться сквозь пальцы космических перчаток. В том немногом, что осталось, мы нашли несколько похожих на лед кристалликов.

— Замерзший диоксид углерода, — заключил профессор. — Как и было предсказано, у Луны сейчас крайне разреженная атмосфера, состоящая почти полностью из этого газа. Ночью тут холодно — возможно, чуть выше абсолютного ноля. Следовательно, часть атмосферы замерзает и превращается во что-то похожее на иней, который тает после восхода солнца.

— Очень любопытно, — сказал я, — но вы говорили мне все это, еще когда читали лекции в университете Висконсина. Ну же, вы обещали что-то по-настоящему интересное.

По правде говоря, я притворялся, что меня все это вовсе не удивляет. Как будто кто-то, двадцати двух от руки и находящийся в полном здравии, сможет провести первые пять минут в кратере Тихо и не остаться зачарованным раскрывшимся перед ним зреющим!

— Хорошо, Джерри, мой мальчик, — сказал профессор. — Вот тебе первый небольшой сюрприз.

Он стряхнул с руки оставшийся песок и протянул мне треугольный кусочек прозрачного вещества. Тот оказался плоским с обеих сторон и выглядел в точности, как осколок оконного стекла.

Я, не отрываясь, смотрел на этот предмет.

— Чтоб мне провалиться! — выпалил я. — Не хотите ли вы сказать, что это доказательство того, будто этот пустой камешек Вселенной когда-то был обитаем?

Пакстон серьезно покачал головой.

— Нет, нас интересуют факты — и только факты. Помни — мы ученые.

Я опустился на колени и стал рыться в песке с усердием трудолюбивой собаки, откапывающей кость. Спустя несколько секунд я

раздобыл еще один кусок стекла, но уже больших размеров. Я протянул его Пакстону.

— Вот еще один предмет в вашу копилку фактов, профессор, — сказал я. — Аккуратно упакуйте его вместе с нафталиновыми шариками или посыпьте солью.

— Не дерзите, юноша, — добродушно ответил мой напарник.

Он встал на колени рядом со мной. Вскоре он разразился диким возгласом и вскочил на ноги с такой неожиданностью, что подлетел в воздух на целый метр. Вы, конечно, знаете, что лунная гравитация в шесть раз слабее земной. Когда он вернулся на твердую поверхность, то закричал:

— Смотри, Джерри, и только попробуй теперь отрицать, что Луна когда-то была пристанищем жизни!

То, что он протягивал мне, оказалось кусочком чего-то похожего на очень старое дерево. Я взял его и секунду старательно рассматривал. Он была цилиндрическим, и в нем отчетливо выделялась сердцевина, окруженная твердой оболочкой. А от средней части ответвлялось нечто вроде извивающегося усика. Я мгновенно осознал, что эта штука могла тут лежать много столетий, поскольку разложение на безводной и безвоздушной Луне, — определенно очень медленный процесс.

— Кажется, это ценная находка, профессор, — сказал я.

Дальше стало еще интереснее. Пакстон указал на длинную мелкую траншею, проходящую в двадцати метрах от нас, тянувшуюся точно через центр кратера, а затем пропадающую из вида в тени.

— Вот и еще одно доказательство в пользу моей теории — это явно оросительная канава, — указал профессор.

Мы подошли к ней и убедились, что траншея была искусственной, шириной около трех метров на всем протяжении, и заметили на дне ее черное вещество, похожее на камень, но не имеющее и намека на швы и трещины, по которым оно бы соединялось.

Также мы увидели несколько длинных, тонких стержней из того же черного материала, вертикально воткнутых в грунт. Некоторые из них достигали трех метров в высоту и имели на вершинах маленькие круглые диски. Остальные же были согнуты, искривлены или сломаны. Пакстон заметил, что большинство из них стояли по углам невидимых квадратов, — очевидно стержни располагались по какой-то системе. Затем он начал копать песок маленькой саперной лопатой, оказавшейся среди нашего оборудования. Я помогал ему. Мы очистили пару квадратных метров почвы от песка, закрывавшего ее. Мелкий порошок был наполнен осколками стекла, обрывками черных стержней и стеблями древней растительности.

— Что вы думаете обо всем этом, профессор? — спросил я.

— Думаю, все довольно просто, сынок, — ответил он. — Когда этот мир состарился, его воздух и вода почти исчезли, и умные лунариане догадались превратить дно кратера в парник или теплицу. Они понатыкали повсюду черные стойки и положили на них стеклянную крышу. Та, вероятно, была воздухонепроницаемой и предотвращала выпаривание драгоценной воды в космос. К тому же, заключенного в теплице воздуха, видимо, хватало для растений. Одновременно они оказались защищены от холода длинных ночных.

— Отличные рассуждения, профессор, но где, по-вашему, жили эти гипотетические лунариане? — поинтересовался я.

— Хм, я не могу сказать точно, но думаю, что глубоко под землей. Поскольку вода и воздух медленно исчезали, и климат становился суровым, разумные обитатели естественным образом отступили бы под защиту пещер. Вход в них должен находиться где-то неподалеку. Со временем, мы обязательно его найдем.

Следующие несколько часов мы провели, изучая западную часть кратера. Мы прошли вдоль подножия гор и сходили к центральному углублению огромной чаши. Повсюду были останки лунной оросительной системы. Солнце медленно ползло наверх, начиная освещать землю вокруг нас.

Потом мы вернулись к «Черному Метеору». Пакстон подготовил отличный завтрак из ветчины и яиц, который мы съели с огромным наслаждением.

Затем, по длинной спиральной лестнице, я забрался в самый верхний отсек ракеты, которая возвышалась на пятьдесят метров над поверхностью.

Там была небольшая каюта, крышей которой служил сделанный из твердого, непробиваемого и абсолютно прозрачного материала, купол, подготовленный специально для наших нужд. Посреди отсека стоял телескоп. Я занял место у окуляра и принял тщательно рассматривать, уходившую далеко на запад, окруженную стеной, поверхность кратера Тихо. Я медленно вел объективом вдоль северной стены кратера. Находившиеся вдалеке песок и булыжники мгновенно выходили на передний план. Оказалось, что можно рассмотреть все до мельчайших подробностей, потому что там не было ни тумана, ни дымки.

Потом я заметил нечто странное. Большой черный курган или холмик очень необычной формы, лежавший в долине не так уж и далеко от нас. Солнце уже ярко освещало его, и я отметил, что, судя по отражению света, он гладко отполирован. Грубо говоря, холмик был квадратным, и на каждой из его сторон, вернее на тех трех, что я мог увидеть, виднелись резные изображения голов каких-то ужасных лунных чудовищ. Они широко раскрывали свои пасти. Стран-

ный блок черного камня был увенчан иглоподобным шпилем, возвышавшимся на шестьдесят метров над остальной конструкцией.

Минут пять я осматривал дно кратера с помощью телескопа, но, признаю, делал это довольно торопливо и не нашел ничего особенно интересного. Тогда я снова навел объектив на камень Четырех Лиц и позвал профессора Пакстона, который внизу упаковывал найденные образцы.

Посмотрев в окуляр с полминуты, профессор затрепетал:

— Боже, Джерри, это нечто! Надевай скафандр, собери необходимые припасы и давай выдвигаться как можно быстрее!

Как вы можете догадаться, я выполнил рекомендации Пакстона, не мешкая ни секунды, да и он, несмотря на свои годы, особо не медлил. Мы убедились, что очистители воздуха, соединенные с кислородными шлемами, были готовы к двенадцатидневной службе без всякого вмешательства со стороны, упаковали провизию, запас воды, космическую палатку, камеру и другие вещи, необходимые для исследований, и отправились в путь.

Думаю, прямо сейчас мне стоит сказать несколько слов о палатке, поскольку этот предмет нашего снаряжения заслуживает отдельного разговора. Она представляла собой крошечное убежище, сделанное из морозостойкого резиноподобного материала, поддерживаемого металлическим каркасом. Она была абсолютно воздухонепроницаемой, а ее стенки спроектировали таким образом, чтобы выдерживать нормальное земное давление. Будучи заключенными в космические скафандры, мы не могли ни пить, ни есть, поэтому, когда наступало время приема пищи, а мы оказывались далеко от ракеты, было необходимо ставить палатку и снимать тяжелое обмундирование. Палатка выглядела очень прочной, но нам еще не довелось испытать ее. Ну, в ней можно было даже понаслаждаться курением! Она скатывалась в удобный для переноски компактный сверток.

Между «Черным Метеором» и скалой Четырех Лиц оказалось около одиннадцати километров. Мы преодолели их довольно быстро, большую часть времени двигаясь легкой пробежкой. Только сейчас, как и прежде, перемещались прыжками, покрывая десять-двенадцать метров за один раз. Считая, что на Луне все в шесть раз легче, чем на Земле, вес каждого из нас, включая скафандр и снаряжение, составлял двадцать пять килограмм.

Остановились мы только раз — на пару минут. Солнце уже освещало часть дна кратера. В небольшой впадине или углублении в мерцающем песке, мы нашли скопление крошечных, похожих на лишайник, растений серо-зеленого цвета. Их листоподобные завитки, низко припавшие к земле, казались совершенно высохшими,

но, по их свежему виду, мы знали, что они еще живые. Где-то в этой глубокой лунной долине по-прежнему оставалась вода.

— После того, как мы посетим Четыре Лица, у нас будет полно времени, чтобы рассмотреть современные лунные растения, — сказал Пакстон.

Теперь мы взбирались по пологому склону холмика, на котором покоилась удивительная реликвия древней лунной цивилизации. Странным образом я чувствовал себя жертвой, которую ведут в пылающую пасть какого-то языческого идола.

Мы обошли сооружение вокруг, чтобы осмотреть со всех сторон. Оно было примерно пятнадцать метров в ширину и, не считая шпиля, почти столько же в высоту. Четыре головы с разинутыми пастьюми оказались одинаковыми. Они изображали создание, частично из семейства кошачьих, частично рептилий. Челюсти с длинными клыками, злобные раскосые глаза и небольшие треугольные уши, но мелкая чешуя, покрывающая лоб и шею определенно принадлежали рептилии.

Мы обнаружили, что пасть каждого из созданий — это дверь, ведущая во внутренности сооружения. С чувством, очень похожим на страх, мы вошли в один из необычных входов. Центральное помещение оказалось круглым, и, не считая дорожки или уступа, идущих по всему периметру, оно не имело этажей. Вместо пола была огромная круглая яма. Перегнувшись через перила, окружающие дыру, мы стали вглядываться в темноту. В глубине виднелось слабое свечение, тускло освещавшее стены провала. Мы увидели дорожку или тропинку, спиралью ведущую вниз. Она начиналась на противоположной стороне колодца.

— Интрига закручивается, профессор, но судьба указывает нам путь к разгадке этой тайны, — сказал я. — Идемте.

Мы перешли на другую сторону ямы, туда, где начиналась дорожка, и стали спускаться. Дорожку покрывал слой мелкой пыли. Он был идеально ровным и гладким, это укрепило нашу веру в то, что по ней никто не ходил уже много веков.

На протяжении всего спуска, нам попадались большие круглые проходы. Каждый закрывался мощной металлической дверью.

— Ну, Джерри, вот и наш лунный город. Как я и ожидал — расположенный целиком под землей. Проходы, вероятно, ведут на улицы. Уже скоро мы окажемся внутри. Там все должно быть нетронутым: здания, механизмы и даже сами мертвые лунариане. Раскопки городов Майя и гробниц фараонов просто ерунда по сравнению с этим!

Наконец, после долгого спуска, мы оказались на дне колодца. Как и стены, он был покрыт черным цементом. Должно быть, когда-то здесь было мощное лунотрясение, поскольку пол ямы покрывали

глубокие трещины. В середине находился люк, крышка которого в свое время была закрытой, но мощный толчок выбил ее. Часть каркаса оказалась сломанной, и дверца висела на петлях, открывая проход в нижние помещения. Она была ярко освещена каким-то сверхъестественным способом. Мы с профессором без всякой осторожности встали на колени рядом с люком. Мы успели лишь бросить один мимолетный взгляд, как пол под нами провалился. Вместе с обломками камней, мы упали на песок, пролетев метров пятнадцать. Падение с такой высоты на Луне равнялось падению с двух с половиной метров на Земле, так что никаких травм мы не получили.

Пакстон с сожалением посмотрел на зияющую дыру в потолке.

— Надеюсь, отсюда есть другой выход, Джерри, иначе нам придется здорово потрудиться, чтобы выбраться. Впрочем, давай для начала осмотримся.

Помещение, в которое мы попали, оказалось огромным. Мы стояли около северной стены, и нам открывался прекрасный обзор. Зал был круглым, почти двести метров в диаметре. Крышей являлся огромный белый каменный купол, в центре которого висел большой хрустальный шар, излучающий яркий, но не ослепляющий свет.

Почти все помещение было заставлено странными механизмами, назначение которых на тот момент оставалось для нас загадкой. Из середины выпирала громадная черная полусфера высотой, по меньшей мере, двенадцать метров. Вверху на ней балансировал большой металлический диск, выглядевший, как маховик. Из этого аппарата торчали десятки трубочек и толстых кабелей, повторяя узор паутины. Трубочки соединялись с рядом необычных бутылок в форме торпеды, выполненных из потускневшего металла. Они лишь немного уступали человеческому росту. В сосудах было нечто вроде круглых дверок, расположенных ближе к верхней части. По моим прикидкам, в этом помещении находилось около десятка тысяч таких бутылок.

В зале все покрывал слой мелкой пыли, вновь показывая, что долгое время ни одно живое существо не посещало это место. К несчастью, «другой выход», на который надеялся Пакстон, мы так и не нашли. Основной проблемой стало теперь найти какой-нибудь способ выбраться из ловушки, в которую мы так неразумно попали. Так что у нас оставалось не так много времени на более интересные вещи. Поскольку я был более молодым и ловким, задача, в основном, легла на мои плечи, задача, оказавшаяся просто отвратительной! Для начала, я снял с себя все, что было не нужно, вернулся туда, где мы упали, и с разбегу попытался допрыгнуть до

потолка. Мне не удалось преодолеть больше, чем половины расстояния. Я попробовал еще несколько раз, но результат лучше не стал. Затем я взял из рюкзака длинный стальной шнур и сделал из него лассо. Снова и снова я закидывал петлю в дыру в потолке, надеясь, что она за что-нибудь зацепится и поможет нам выбраться отсюда, но тщетно.

В стенах зала были три круглых прохода, таких же, как и те, которые шли вдоль спирального спуска. Профессор предложил пробить один из них и искать путь к свободе в том направлении. У нас с собой оказалось немного взрывчатки. И мы все-таки попробовали разрушить одну из дверей, но, спустя много времени, работая мельницей, но эффективной дрелью и совершая мелкие взрывы, мы сдались. Запасы взрывчатки подошли к концу. Металл двери оказался прочнейшим из всех, что я видел, да и камень вокруг ее каркаса был лишь чуточку слабее.

Оставался лишь один вариант. Собрать в помещении все, что мы могли сдвинуть, и сложить это в кучу под дырой в крыше. Может, тогда мы сумеем выбраться и вернуться на спиральную дорожку. Но торопиться нам было особо некуда. Лунный закат настанет лишь через двенадцать дней. Еды и питья нам на это время хватит, а очистители воздуха обеспечат нас кислородом на тот же срок. К тому же, нам уже жутко хотелось спать. Перед посадкой на Луну мы не спали двое суток, да и позже глаз не сомкнули.

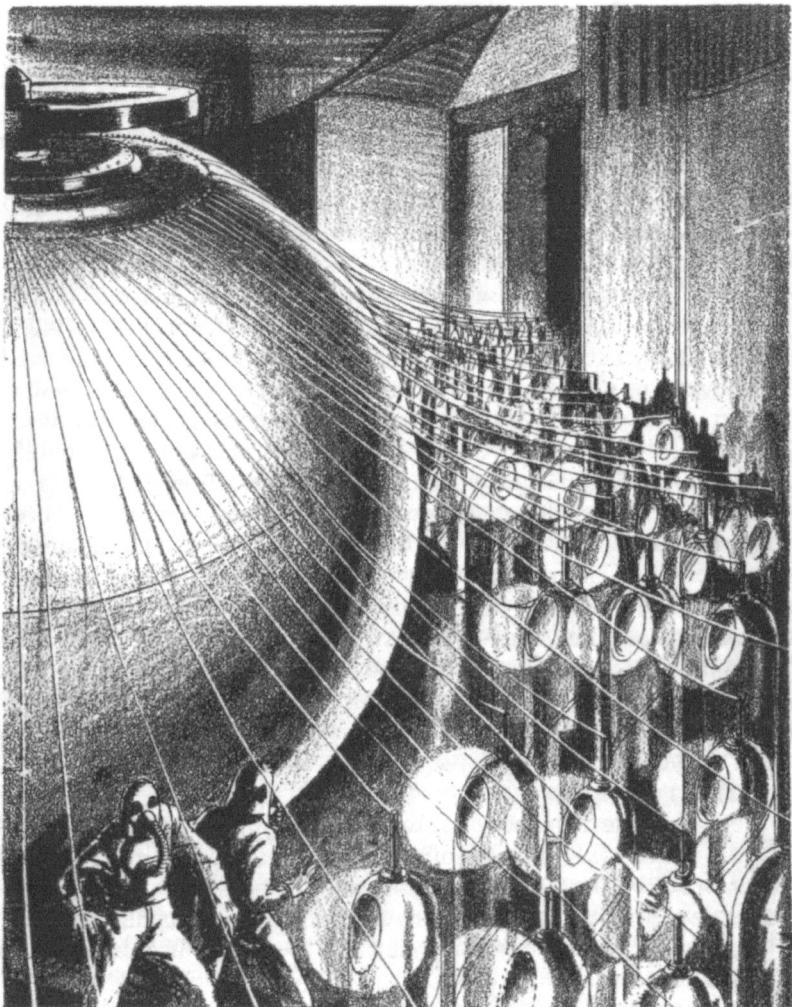
Прежде чем отключиться, мне в голову пришла одна мысль:

— Странно, что этот большой светильник, висящий в центре комнаты, так ярко сияет без всякого участия со стороны, в течение Бог знает, какого времени.

— Да, это действительно кажется нам необычным, но ты должен помнить, что к тому времени, когда вымерли лунариане, их наука значительно опережала наши познания на сегодняшний день, — ответил мой напарник. — Их механизмы, должно быть, полностью автоматические. Они оказались так совершенны, что практически не требуют обслуживания. Сомневаюсь, что существуют лунарианские машины, за которыми нужен уход.

Через минуту мы оба погрузились в сон.

Наконец, я проснулся с чувством, будто я только что видел ужасный кошмар. Что случилось во время моего воображаемого путешествия, я уже забыл, но до сих пор ощущаю страх. Последние слова профессора, сказанные перед тем, как мы заснули, каким-то образом напугали меня. Что, если нечто в помещении еще способно работать? Должен ли я попытаться запустить его? Идея сразу же захватила меня. Я глянул на все еще дремлющего Пакстона. Не нужно его будить.

Я прошел по проходу между двух рядов металлических баллонов с газом к центру помещения, где стоял приземистый аппарат. Я обошел вокруг его полусферы, чтобы хорошенъко рассмотреть. Я еще не подходил к нему так близко, потому что был слишком занят другими вещами. Определить принцип работы загадочного механизма не представлялось возможным, поскольку его рабочие части оказались скрытыми внутри. Только большой диск наверху и сотни торчащих во все стороны кабелей оставались снаружи. Лесенка на одной из сторон полусферы, вела к маленькой платформе. Во мне заговорило любопытство, и я поднялся по ней.

В аппарат была вделана черная квадратная коробка размерами около двадцати пяти сантиметров. Сверху торчал рычажок, который перемещался в горизонтальной плоскости. На металлической дуге, по которой он, очевидно, двигался, оказалась вырезана последовательность разнесенных меток, что очень походило на какую-то шкалу.

Как и весь огромный механизм, рычажок мог похвастать резьбой. Он был сделан из желтого металла, возможно, из золота. Рукояткой оказалась голова какого-то отталкивающего лунного создания, которое напоминало осьминога больше, чем любое другое животное. Хотя в то же самое время она походила и на человеческий череп. Щупальца существа спиралью обвивали нижнюю часть рычага.

Должен ли я лезть в этот величественный механизм? Не произойдут ли какие-нибудь катастрофически последствия? А может, он взорвется? Или испустит необычные, смертоносные лучи? Я заколебался. О моей нерешительности в тот момент можно было написать целое сочинение, поскольку, даже не осознавая этого, я обладал властью большей, чем любой когда-либо живший на Земле правитель или диктатор. Одним движением руки я мог изменить судьбы обоих миров.

За меня все решило любопытство. Вполне возможно, что ничего не произойдет независимо от того, что я сделаю. Я схватил блестящую золотую рукоятку и проверил, двигается ли она. К рычагу определенно была прикреплена пружина, поскольку после того, как я отпустил рукоятку, он вернулся к правому краю шкалы, где и находился изначально.

Первым заметным результатом моих действий стала легкая вибрация платформы подо мной. Затем я посмотрел вверх. Маховик начал поворачиваться. И с каждой секундой все быстрее и быстрее! Через четверть минуты скорость его вращения стала постоянной.

Что происходит? Что будет дальше? Я сильно нервничал, меня охватила паника.

Я быстро спустился по ступенькам и подбежал к спящему Пакстону. Сильный толчок в плечо разбудил его.

— Я завел его, профессор! — закричал я. — Огромный двигатель! — И ткнул рукой в середину помещения.

Довольно скоро мозг Пакстона очистился от сна, и он смог понять, о чем идет речь.

Мы подошли к беззвучно работающему аппарату и уставились на него.

Я занервничал еще сильнее.

— Знаете, профессор, — сказал я, наконец, — что-то подсказывает мне, что скоро здесь будет не очень безопасно. Этот механизм ста-

рый, его части уже не такие крепкие, как раньше. Вы не думаете, что силы, действующие внутри него, выйдут из-под контроля? Нас разорвет на мелкие кусочки!

— Чушь, Джерри, — ответил Пакстон. — Не будь старой бабой.

Но, тем не менее, мне показалось, что и он слегка занервничал.

Тогда я решил попробовать выключить эту штуковину. Когда я вернулся на платформу, то обнаружил, что все мои усилия не могли сдвинуть рычаг и на миллиметр.

Колесо ровно вращалось, наверное, около часа, когда оболочка лунной куколки треснула. Дверки по бокам каждой из тысяч металлических бутылок вдруг открылись, лунной куколки. Пакстон посмотрел на одну из капсул в конце прохода и увидел, как она открывается. Его глаза выкатились из орбит.

— Джерри! Гляди! — закричал он.

Фиолетовое свечение струилось из каждого сосуда. Казалось, мы ждали целую вечность, застыв на месте, слишком напуганные, чтобы пошевелиться, и думали, что же произойдет дальше. Я усталился на открытую дверцу одной из металлических бутылок, которая была лишь в паре шагов от меня.

Вскоре, конец тонкого щупальца жемчужного цвета изящно скрутился у края выхода. Затем еще один, а потом я увидел пару «антенн», которые держали на своих кончиках бледно-фиолетовые шары, бывшие, видимо, глазами. Они гипнотически покачивались взад и вперед. С осторожной медлительностью, существо поднялось к выходу из металлического кокона и протиснулось сквозь него. Мягко опустилось на пол, и затем, неторопливо, начало рассматривать меня.

Не считая постоянно раскаивающихся антенн, существо стояло неподвижно. Матерь Божья! Никогда я не видел такого прекрасного, и в тоже время отвратительного создания! Оно имело великолепные, удивительные расцветки тропической бабочки, увеличенной до неземных пропорций, и, тем не менее, десятки щупалец придавали ему чужеродный и змееподобный облик, от которого бросало в дрожь. Голубой нимб, окружающий существо, значительно увеличивал странность его внешнего вида. Хотя лунарианин и стоял, изрядно согнувшись, он все равно оказался ростом с человека. Насколько я видел, головы у него не было. Верхнюю часть тела покрывал блестящий коричневый панцирь, походивший на чашечку огромного перевернутого цветка. Из-под панциря торчало нечто, похожее на мантию. Эта мантия была удивительной раскраски — причудливое сочетание оранжевого, синего и красных цветов. Казалось, она была частью создания, а не искусственным украшением, и позже мои догадки подтвердились. Антенны или

глаза, также, как и чувствительные щупальца, росли из промежутков между секциями чашеподобного панциря. Около десятка коротких придатков в нижней части тела служили существу ногами.

И тут я понял, что на меня смотрят и другие глаза. Любопытная извивающаяся конечность вылезла из-за моей спины и принялась ощупывать шлем. Едва не вскрикнув, я обернулся и увидел стоящих в несколько рядов лунариан, вокруг них был тот же светящийся ореол. Мы оказались полностью окружены.

— Во что мы вляпались, профессор?! — закричал я.

— Понятия не имею, — ответил он, — но в любом случае, сохраняй спокойствие. Я уверен, все будет в порядке. Просто делай, что они хотят, и пытайся со всем соглашаться. Мы выберемся отсюда.

Два лунарианина слева и справа схватили меня за руки. С профессором поступили так же. Кто-то открыл одну из больших металлических дверей в стене, и лунариане начали через нее входить группами по трое. Ведомые эскортом, мы вошли следом за остальными.

Нас повели по широкому коридору с высоким потолком. Светящиеся шары, похожие на тот, что был в помещении с громадным аппаратом, висели на потолке на одинаковом расстоянии друг от друга. Свет, многократно отраженный от полированных гранитных стен и пола, бросал яркие отблески на золотые столбики, которые разделяли похороненную под слоем пыли дорожку на равные промежутки. Каждый столбик держал на вершине розовую кристаллическую сферу. Я тогда не мог и вообразить, что это были настоящие рубины. Между колоннами находились украшенные орнаментом резные двери. Мы шли между лунарианских домов.

Улица оказалась длиной почти полтора километра. Наконец, наша фантастическая процессия зашла в помещение просто гигантских размеров. Его пол был то ли овальный, то ли круглый, а крыша раздувалась огромным куполом. От потолка исходило голубое свечение, в точности повторяющее небо в ясный земной день. Там висело и большое искусственное солнце, чьи теплые лучи струились из центра купола. В давно ушедшие века, пол помещения, должно быть, был великолепным парком с зелеными деревьями, озерами, ручьями и сказочными шатрами. Шатры и высохшие ложа озер еще остались, как и деревья, которые превратились в крошащиеся мертвые мумии, напрочь лишенные жизни.

Армия лунных людей, с нами посередине, вошла в парк и продолжила идти по белым дорожкам к его центру. Там лежало сухое дно пруда, из которого торчали две толстые трубы. Каждая была снабжена клапаном.

Рассыпающиеся ряды лунариан поспешили подошли к трубам и скрутились вокруг. Через секунду из одной из них выстрелил в потолок фонтан искрящейся воды и стал заполнять озеро. Я не сразу догадался, что выходило из второй трубы, но когда услышал быстро нарастающий низкочастотный рев, то все понял. Лунный город наполнялся воздухом. Я посмотрел на анероидный барометр, пристегнутый к запястью. Давление быстро увеличивалось.

С появлением атмосферы, с лунарианами произошла удивительная вещь. Бледно-лиловое пламя, окутывающее их, исчезло. Я заключил, что в отсутствии кислорода, мантия света каким-то образом обеспечивает их жизненно-важным газом.

Вместе с толпой лунариан, мы несколько часов бродили по садам. Эскорт подвел нас вплотную к небольшому, украшенному орнаментом зданию из необычного ярко-зеленого материала. Двери распахнулись, встречая нас, словно их открыл невидимый швейцар, а когда профессор и я зашли внутрь, они мягко закрылись. Волоски у меня на затылке определенно норовили встать дыбом.

Мы уставились на две захлопнувшиеся двери. Они были сделаны из серебристого металла и украшены резьбой. Мы не заметили на них ни защелок, ни ручек, но, когда я попытался их открыть, стало понятно, что они заперты. Правда, это могло нам и показаться, потому что их устройство оставалось непонятным.

После небольшого осмотра мы увидели, что очутились в самых красиво обставленных апартаментах, о которых только и можно было мечтать. В спальне имелись две необычные кровати. Каждая крепилась к потолку четырьмя тяжелыми цепями из металла, похожего на серебро. Дверь из этой комнаты вела в нишу, на полу которой оказался овальный резервуар – очевидно, ванна. Кроме этого, в другой комнате находилось множество непонятных инструментов и приспособлений.

Давление окружающего воздуха оставалось немногим меньше половины нормального земного, поэтому мы решили снять тяжелые скафандры. Атмосфера Луны, вне всяких сомнений, содержала больше кислорода и прекрасно подходила для дыхания.

Освободившись от громоздких нарядов, мы почувствовали себя совсем комфортно. Мы закурили и присели на мягкие диваны гостиной. Я расслабленно откинулся назад и только начал чувствовать себя как дома, когда услышал жужжание и увидел, как раздвинулись шторы на застекленном окне. Нашему взору предстала серебристая сфера с металлическими щупальцами. Хриплое, удивленное восклицание сорвалось с губ профессора. В неторопливой и размеренной манере шар, непонятным образом державшийся в воздухе, медленно вплыл в комнату. Спустя несколько минут мы

услышали, как зашумела вода. А еще через пару минут с удовольствием приняли горячую ароматизированную ванну, подготовленную механическим слугой. Затем он обсушил нас потоком теплого воздуха, выходящего из отверстия в стене.

Когда мы вернулись после омовения, на полу гостиной нас ждала аппетитная еда. Там стояло два подноса, и на каждом была горка чего-то, выглядевшего и имевшего вкус хорошо приготовленного мяса. Оно показалось нам очень приятным. Вилок не принесли, но мы неплохо справлялись и пальцами. Мы не привередничали. Кроме этого, на подносах стояли чаши с изысканными фруктами нескольких видов. И кувшины воды, имевшей сильный бодрящий привкус. Очевидно, что в ней растворили какой-то стимулирующий препарат.

Поев, мы начали разговаривать, пытаясь разложить по полочкам удивительные события последних нескольких часов, но у нас ничего не вышло.

— Думаю, нам лучше просто подождать и посмотреть, что будет дальше, Джерри. Честно говоря, я весьма озадачен, — сказал Пакстон.

Вскоре мы ушли в спальню, разделись и завернулись в шелковые одеяла, которые приготовил механический слуга. Я быстро заснул.

Необычная мелодия, сыгранная системой гонгов, скрытой где-то в стене, ненавязчиво разбудила нас. Мы насладились фруктами, принесенными роботом, а затем к нам пришли посетители — два лунарианина, перед которыми определенно поставили задачу развлечь и обучать нас. Они водили нас по парку и длинной извилистой дороге.

Лунный город уже пульсировал жизнью. Огромные механизмы, невидимые нам, наполняли воздух жужжанием. Кричаще выглядящие обитатели с важным видом расхаживали вокруг.

Следуя за толпой лунных людей, мы вошли в круглое здание, оказавшееся каким-то вокзалом. Множество конических машин медленно двигались по желобам, проложенным в полу. Сопровождаемые нашей свитой, мы забрались в одну из таких машин и заняли места у борта. Не считая водителя, стоявшего у панели управления на носу машины и двух лунариан, которые были нашими проводниками, а, может, и тюремщиками, мы оказались там одни.

Один из сопровождающих, взмахнув щупальцем, подал сигнал водителю, и мы стали быстро набирать скорость. Через окно мы увидели зияющий вход в туннель. Машина влетела в него. Яркий шар, висящий над головами, давал свет. Нас вжало в спинки сидений ужасающим ускорением. Воздух в туннеле, разрезаемый несущимся на огромной скорости транспортным средством, сна-

чала свистел, а потом завопил, как грешник в аду. Но это длилось лишь несколько секунд. Мы плавно въехали в еще один вокзал, возможно, находящийся за много километров от того, что мы только что покинули.

Свита провела нас через арку прохода. Мы оказались в еще одной громадной пещере, уже не так богато обставленной, как та, из которой мы уехали. Ее построили больше для утилитарных нужд, чем ради красоты. Полукруглая крыша была из голого бетона и освещалась множеством маленьких мерцающих шаров, а не одним большим.

Яркий свет отбрасывал отблески на ряды гигантских серебристых фигур, стоявших в паутине металлических строительных лесов. Их окружали сотни роботов, управляемых парой лунариан. На тот момент, я не совсем понимал, что они делают.

Направляя мягкими похлопываниями щупальц по плечам, свита провела нас по проходу между двух рядов блестящих фигур. Мы задрали головы наверх. Еще никогда в жизни я не ощущал себя таким крошечным, как в тот день, когда я стоял между высившихся металлических громадин. У одной из них мы остановились. Она чем-то напоминала лодку – длиной, примерно, в три сотни метров и высотой в тридцать.

– Эти штуки, очевидно, какие-то корабли, – сказал Пакстон. – Но как ты думаешь, зачем они нужны?

Я смотрел на короткие цилиндры, торчащие из корпуса через одинаковые промежутки высоко над нами. Выглядели они весьма зловеще.

– Кажется, где-то идет крупная война, – сказал я, – и помоги Господь врагу, который столкнется с таким флотом! В этом ангаре, должно быть, тысяча кораблей.

Пауконогий робот катил рядом с кораблем большой цилиндрический барабан. Вскоре механическое создание остановилось и без всяких видимых усилий поставило цилиндр вертикально. Даже на Луне, он, вероятно, весил многие тонны. Используя коготь, похожий на гаечный ключ, который являлся обычной частью его анатомии, робот снял с барабана крышку и присоединил к нему шланг, свисавший с борта корабля. Раздался звук, который издает работающий насос.

– Заправка! – радостно сказал профессор. – Готовься к путешествию!

Роботы тащили другие барабаны.

Мы следовали за нашими проводниками по палубе корабля, пока не подошли к расположенной на корме двери, ведущей внутрь корпуса. К ней поднимался трап. Недвусмысленными жестами нам по-

казали, что нужно забраться по нему. Интерьер корабля оказался просто залит светом. На металлическом полу стояли ряды высоких баков, соединенных друг с другом кабелями на манер ячеек электрических батарей.

Мы прошли через весь корабль, осмотрев все его уголки до единого. Кое-что мы поняли, но, по большей части, лишь натыкались на свидетельства того, что наша наука безнадежно отстала.

Вокруг нас беззвучно трудились роботы: полируя, смазывая, проверяя. Действуя так, как и полагается машинам, они ни разу не взглянули на нас, да и их хозяева, хоть и живые, но не имеющие ничего человеческого, тоже не обращали на нас никакого внимания.

Я почувствовал облегчение, когда, наконец, залез в ждавшую нас на вокзале машину и унесся из этой колоссальной пещеры, заполненной дремлющими гигантами.

Свита оставила нас у двери в здание, где мы жили. Когда мы вошли, то увидели ждущего нас на диване лунного жителя. Его качающиеся стебельки глаз повернулись в нашем направлении. Потом десятком щупалец он ухватился за рычажки панели управления прямоугольного аппарата, стоящего перед ним. Лунарианин передвинул несколько из них, и в унисон с его движениями прозвучала группа знакомых слов:

— Приветствую, друзья! Отличный денек, не так ли?

Голос был ровный, механический, лишенный всяческих эмоций, но, несмотря на это, мы были приятно удивлены. Возможно, мне стоит сказать, что нас просто ошарашило, поскольку дело обстояло именно так.

Когда ко мне вернулся дар речи, я ответил:

— Здравствуйте, мистер лунарианин, вы похожи на торговца. Что вы продаете — самолеты, или этот радио-видео прибор?

Тут же стало ясно, что лунный человек вышел за пределы понимания земного юмора, хотя, возможно, его просто поджимало время.

— Я — номер 333, — сообщил он. — Совет послал меня прояснить некоторые вещи, касающиеся нашей расы, и, очевидно, сильно вас озадачившие. Номер 503 и номер 8974 тщательно изучили ваши разумы после Пробуждения. Ваши психические волны были записаны нашим устройством, спрятанным в потолке этой комнаты. Полученная информация оказалась очень любопытной — в особенностях, нас заинтересовало необычное звучание вашего языка. Некоторые из нас, включая и меня, исследовали его, но, поскольку у нас нет естественных органов речи, мне пришлось изобрести аппарат, которым я сейчас управляю. Из-за спешки в его разработке и постройке, у него много недостатков, но если вы закроете на них

глаза, то, я уверен, что он поможет вам получить ответы на вопросы, которые вас беспокоят. История моего народа начинается за бесчисленное множество веков до появления жизни на Земле. Из-за гораздо меньших размеров и, соответственно, большего отношения излучаемой поверхности к массе, Луна затвердела гораздо раньше вашей планеты. Тут было много солнечного света, воды и воздуха. Идеальные условия, и неизбежная, необъяснимая алхимия природы начала создавать жизнь. Жизнь зародилась в теплых морях, а затем, постепенно, распространилась на прилегающие равнины, где превратилась в огромные леса, населенные множеством видов животных. Существа постоянно соперничали друг с другом. Понимая, что время ограничено, природа быстро выбрала одно существо, которое отличалось разумом и выносливостью, что, казалось, идеально подходило для дальнейшего выживания. Мои предки внешностью походили на меня: у них были такие же щупальца, такие же разноцветные мантии и, что самое важное после разума, – нечто наподобие твердого панциря, в котором они могли укрыться ночами, к тому времени уже ставшими довольно холодными. Когда древние лунариане открыли огонь, на Луне, очевидно, начали проявляться первые признаки старения. Многочисленные вулканы, которые в прошлом восполняли постоянно утекающую в космос атмосферу ровный поток углекислого газа, умирали один за другим. Что, в свою очередь, привело к тому, что атмосфера начала быстро разрежаться. Способность планеты сохранять свою газовую оболочку зависит от ее гравитации. На Луне она слишком слаба, чтобы предотвращать истечение воздуха в пространство. Как кислород и азот, водяной пар тоже утекал, и океаны стали уменьшаться. Обезвоженные пустыни занимали места зеленых равнин. Тем временем, ужасающие приливные силы Земли остановили вращение Луны вокруг своей оси. Высыхающие ложа океанов, которые находились под палящим лучами солнца все дольше и дольше, днем превращались в настоящие печи. Длинные ночи сделались нестерпимо холодными. Мои предки заселили ту сторону Луны, которая сейчас не видна с Земли. Это была дикая территория, прорезанная высокими хребтами и глубокими долинами. Повсюду находились огромные, спящие кратеры, извергавшиеся лишь изредка, но перед тем выпускающие облака дыма и пара. Вокруг лежали непроходимые пустыни и горные цепи, проникать за которые никто из лунных людей никогда не отваживался. Первые научные и прикладные знания, которые получили лунариане, были приобретены при постройке оросительных систем. Вода от тающих на вершинах гор снегов собиралась в резервуары и закачивалась в каналы, доставляющие ее растениям. Опасность перенаселения нам не грозила, по-

скольку различные племена постоянно воевали. В стратегически важных местах были построены города, огороженные стенами. Защищенные крепостями, более разумные представители нашей расы могли теперь посвятить свое свободное время науке и искусствам. Металлы стали широко использоваться, и механика начала развиваться. Ясные ночи дали великолепные возможности астрономам. Они составили звездную карту и определили связь нашей планеты с Землей, которая все еще оставалась пылающим шаром лавы. Все шло относительно хорошо, пока Луна не перестала вращаться вокруг оси. Вулканы быстро потухли. Приливные силы Земли, должно быть, сдвинули расплавленное ядро Луны, и магма перестала поступать в кратеры. Атмосфера, которая висела плотным облаком над нашей страной, разрежалась. Вода, избавленная от давления воздуха, быстро испарялась. Урожай уменьшился, и пустыня завладела большей частью площади пашни. Около сотни лет лунные люди вели полукочевой образ жизни. Население, насчитывающее четыреста тысяч душ, резко сокращалось. Движимые глубочайшим отчаянием, выжившие различных племен объединились и подготовились к переселению. Они взяли с собой скучные запасы пищи, несколько шедевров искусств и литературы, а также некоторые научные приборы. Затем они направились в неизведенную пустыню, лежащую к юго-западу. Древние историки в общих чертах передали события Великого Переселения. В караване было несколько роботов, но, из-за недостатка топлива, поселенцы несли большую часть вещей на своих спинах или тащили на чем-то наподобие носилок. Через пылающие, залитые солнцем, обжигающим кожу, равнины, по крутым горным склонам и глубоким долинам двигался ищущий пристанище караван, на протяжении всего пути оставляющий за собой мертвые тела. Некоторые падали с вершин горных хребтов, тысячами мерли от голода и жажды. В низинах, которые прежде являлись морским дном, воздух был разрежен, но все же пригоден для дыхания, однако, на высоких плато его плотность оказывалась так мала, что задыхающиеся легкие более слабых представителей моего народа не выдерживали, и несчастные создания падали замертво. Не в силах помочь павшим товарищам, остальные продолжали идти. Когда наступала ночь, ослабшие странники заключали себя в холодостойкий панцирь и зарывались в песок. Иногда, как сообщают историки, в сумерках они наблюдали странные фиолетовые и красные пелены огня, сияющего над равнинами – ожидаемый небесный феномен, связанный с разрежением воздуха, похожий на ваше северное сияние. Только у нас это происходило ближе к земле. Когда Солнце поднималось вновь, один лунный человек, управляя примитивным, похожим на лету-

чую мышь летательным аппаратом, который изобрели совсем недавно, размахивая крыльями, летел вперед и осматривал окружающую местность в поисках наилучшего для каравана пути. Весь день летун находился в воздухе. На всем протяжении их скитаний, мои предки брали орнитоптер с собой, складывая его в форме огромных носилок, которые требовали сотню паломников для переноски. Польза от него оказалась неоценимой, и это, возможно, стало тем, что спасло расу от вымирания. Когда скучные запасы нефти для аппарата закончились, они заправляли его топливом, получаемым при сжигании тел мертвцев в импровизированной солнечной печи. Наконец, после того, как караван уменьшился до двадцати пяти тысяч, лунариане перешли через горный хребет и ступили на поверхность типично лунного местного ландшафта – со множеством вулканов и длинных, бурных ручьев. Эти потоки являлись белыми лучами Тихо, до которого еще было много километров пути. Лунариане пошли по одному из них, и, по мере восхождения, росла их уверенность в успехе. Атмосфера быстро становилась плотнее. Часто встречались похожие на кактус растения, которые в других местах почти не росли. Эти растения запасали воду в мясистых листьях, и, кроме того, в непредвиденных случаях, их можно было съесть. Мои предки так и поступали, так же, как в охваченных голодом странах вашей планеты, голодающим приходилось есть траву. Прибытие паломников на землю обетованную, в течение золотого века нашей истории, множество раз было описано и зарисовано. Длинным жарким днем скитальцы забирались по восточному склону Тихо, и, несмотря на ужасную усталость, их сердца пели. Наконец, дышать стало легко и, кроме того, они оказались в приятной тени гор. За преградой, они ощутили уверенность, что, после всех страданий, смогут продолжить жить дальше. Ровно с наступлением заката, авангард достиг вершины барьера, и они увидели то, что пилот орнитоптера наблюдал несколько часов назад. Далеко внизу, в огромном углублении, где тени становились гуще, лежало маленько озеро, в гладкой поверхности которого отражалось голубое небо. Рядом росли джунгли. Из кратера дул легкий ветерок. Где-то внизу располагалось жерло вулкана, выдыхающее массы воздуха, неуклонно пополняющие плотность облака жизненно важного пара, висевшего над окружой. Лунная ночь наполовину закончилась, прежде чем оставшиеся десять тысяч скитальцев, с помощью металлических тросов, смогли спуститься на дно кратера Тихо. Их рвение не позволило дожидаться рассвета. Одеяло из воздуха успешно сохраняло солнечное тепло, так что угрозы замерзнуть насмерть не было, – что практически точно бы случилось на почти безвоздушных равнинах. Испив из озера, умиrotворенные

паломники закопались в песок и уснули. На следующий день они начали составлять планы нового города. Это ознаменовало рассвет эры величайшего процветания, которого еще не видела Луна. Дно кратера, также как и прилегающая территория, хорошо подходили для выносливых форм жизни, и лунный народ занялся преобразованием своей новой земли в огромный сад. Пятьдесят тысяч лет лунариане, используя постоянно растущие знания, жили в идеальном комфорте. Не только наука шагнула далеко вперед, но и разум их совершенствовался, пока достижение того уровня развития памяти и мышления, которое считалось невозможным в прошлые века, стало обыденным делом. Но враждебная природа становилась все более изощренной. Объем газов, выходивших из отверстий кратера, все уменьшался и уменьшался. В результате, атмосфера быстро разрежалась. Вода также исчезала, тем самым сокращая площадь земель пригодных к орошению. Мы построили огромные теплицы, закрывающие от окружающей среды обрабатываемые поля, сохраняющие тепло и влагу, и уменьшающие утечку воздуха. Город стал гигантским лабиринтом подземных проходов и помещений, которые могли быть герметично запечатаны от внешнего мира. Было очевидно – нужно что-то срочно делать, чтобы облегчить ситуацию, иначе вся раса вымрет. Существовали способы сократить утечку жизненно важных элементов, но полностью предотвратить ее мы не сумели. Задолго до моего рождения, астрономы с надеждой смотрели на Землю. В один прекрасный день, все еще тускло светящаяся сфера затвердевающей лавы остынет достаточно для того, чтобы мы смогли обосноваться там. Но прежде, чем этот день настанет, Луна превратится в потухший уголок, лишенный всякой жизни, кроме, возможно, пары тройки простейших видов растений. Именно я, номер 333, решил нашу главную проблему. Мы – раса, находящаяся в спячке. Почему бы не подождать, пока огромная планета, так ярко сиявшая в ночном небе, не станет готовой принять нас? После долгих экспериментов я открыл два газа. Один, при попадании в легкие, вызывает приостановку всех жизненных функций. Под его влиянием, любое живое существо способно спать веками без всякого разложения тканей. Вторым был стимулятор, пробуждающий после такого сна. Остальное оказалось просто. Мы построили тысячу космических кораблей, чтобы, когда придет время, перевезти нас и наше оборудование на Землю. Каждый корабль был тяжело вооружен, так как мы боялись, что на новой планете будут летающие чудовища, подобные тем, что когда-то населяли ее спутник. Вся вода и воздух, которые мы собрали, находятся теперь в подземных хранилищах. Еда и семена растений, сохраненные снотворным газом, были надежно спрятаны. Мы сконструиро-

вали огромную машину, которую вы нашли на дне колодца. Это не что иное, как насос, накачивающий анестетик в стальные коконы, вытягивающий его обратно по истечении определенного срока и впускающий оживляющий газ. Наконец, все было готово. Мы закрыли воздухонепроницаемые врата города и спустились в помещение с насосом. Мы спокойно забрались в коконы в соответствии с нашими номерами. Двери защелкнулись, и машина автоматически включилась. Я отчетливо помню последние секунды своего бодрствования. Я расслаблено лежал на обивке внутри металлического сосуда и видел слабый свет, пробивающийся сквозь стеклянную дверь. Вскоре я почувствовал резкий, сладкий запах, напомнивший мне об аромате одного фиолетового цветка, в древние времена в изобилии произраставшего по берегам лунных морей. Сознание затуманилось, — последним, что промелькнуло у меня в мозгу, прежде чем я уснул, было беспокойство по поводу того, приведет ли машину в движение таймер, соединенный с механизмом запуска насоса, через двести пятьдесят миллионов лет.

— Конечно, приведет, — сказал я про себя. — Что может отказать за такой короткий срок?

— Века мелькали как секунды. Мы проснулись, быстро прочитали ваши мысли, изучили условия жизни на Земле и Луне и поняли, что таймер не сработал, мы проспали на много миллионов лет дольше, чем собирались. Мы искренне благодарны мистеру Джеральду Олсону за перемещение рычага, хотя он и сделал это ненамеренно.

Монотонный голос из ящика замолчал. Дверь открылась, и вошли два лунарианина. Между номером 333 и новоприбывшими произошел обмен жестами щупалец. Затем голос продолжил:

— Джентльмены, — заговорил ящик, — у номера 6042 и номера 9435 есть приказ немедленно отвести вас наверх, в кратер. Космические корабли отправляются в пробный полет, и было решено, что вы обязаны это увидеть. Надевайте скафандры. Когда вы вернетесь, я расскажу вам кое-что еще.

Туннельный челнок за несколько секунд доставил на залитую солнцем равнину на дне кратера. Мы вышли на поверхность через отверстие, которое лунариане, казалось, только что очистили от накопившейся пыли и обломков.

Свита была рядом с нами. Их вновь окружала защитная аура голубого света. Мы стояли у края огромного прямоугольного провала, зияющего у самых ног. Глянули вниз. Контрастируя с ярким блеском Солнца, яма казалась полутемной.

Далеко внизу я увидел движущиеся пятна света и сияние чего-то огромного и блестящего.

Мы беззвучно взглядывались в провал, когда, внезапно, появился ослепительный желтый луч. Затем из глубин вылетела огромная машина с такой скоростью, что уже оказалась над головами, когда мы поняли, что это такое. Космический корабль! Дыра перед нами оказалась огромной дверью в крыше помещения, где находились лунарианские межпланетные корабли. Еще один пронесся мимо нас, и затем, с интервалом секунд десять, они продолжали вылетать на поверхность.

Первые двадцать выстроились в форме огромной буквы «V» и потом, приводимые в движение желтыми лучами, выходившими из сопловидных устройств на корме, они рванулись к западной стене кратера. Задолго до того, как они достигли гор, огромная секция хребта просто исчезла, уничтоженная необъяснимым волшебством науки.

Могу представить, как я тогда выглядел – глаза навыкат, а лицо мертвенно-бледное. Я повернулся к Пакстону, и мы в ужасе уставились друг на друга, стоя на четвереньках, как кошки. Корабли продолжали проноситься мимо нас и участвовать в воздушном представлении высоко в черном небе: вертелись, выделявали пирамиды и гонялись друг за другом.

– Ты видишь, Джерри? – выпалил профессор. – И они направляются к Земле. Они планировали это триста миллионов лет назад. Они размажут нас... наши города, наши произведения искусства, наши знания... все. Может даже уничтожат нашу расу, как таковую! Бог мой, у них такое чудовищное оружие! Но люди будут сражаться! Смотри, «Черный Метеор» всего в полукилометре. Если доберемся до него, то сможем вернуться и предупредить наш народ. Господь нам поможет! Давай, сынок!

Мы усвоили, какой для пешего человека способ передвижения по Луне самый быстрый – прыжки – и начали быстро двигаться к черной, конической башне – нашему кораблю.

Эскорт бросился за нами в погоню, но вскоре сдался. Почему они так сделали, я тогда не мог понять, поскольку они неслись ничуть не медленнее нас.

Мы ворвались в «Черный Метеор» и забрались в рубку. Если лунариане тут побывали, то ничего не повредили.

В бешеной спешке, профессор дернул рычаг пуска. Ракетные двигатели взревели, оживая. Мы взмыли ввысь с ужасающей быстротой. Чудовищное ускорение не давало дышать.

С тревогой мы смотрели на обзорные экраны, ожидая погони, но ее не последовало. Корабли лунных людей, быстро пропадая из виду, продолжали кружиться и маневрировать в пределах кратера Тихо. Через несколько секунд они так уменьшились в размерах, что

стали походить на серебристых жучков, туда-сюда ползающих по земле.

Как только «Черный Метеор» вышел на курс, Пакстон ушел в комнату связи и послал предупреждение.

— Приветствуя тебя, Земля! — начал он, — говорит Пакстон с лунной ракеты. На нас наступают лунариане, у них тысяча вооруженных космических кораблей. Готовьтесь к войне!

На протяжении всего путешествия домой, я управлял кораблем без всякой помощи со стороны напарника. Он проводил все время в переговорном помещении, общаясь с наземными станциями, и потому мы обменялись лишь несколькими словами.

Вид огромного боевого флота лунариан и осознание того, что человечество вот-вот столкнется с самой большой и самой необычной угрозой за все время своего существования, парализовало мой разум. Я не знал, что и думать. Что-то внутри меня говорило: очень странно, как хорошо относились к нам лунариане. Может, они во все не являются нашими врагами?

Но зачем пытаться объяснять действия столь чужого народа? В конце концов, так ли уж сильно различаются две наши расы? Земляне обычно с уважением относятся к военнопленным. Лицо я за механическим голосом лунарианина, который рассказал нам историю Луны, чувствовал нечто похожее на то, что можно назвать дружелюбием.

Когда мы приземлились, то обнаружили полнейшую суматоху. Сотни тысяч самолетов, готовых бою, собрались вокруг крупнейших городов. Среди них — быстрые истребители, способные мчаться со скоростью более восьмисот километров в час. Они несли мелкокалиберные пулеметы, стрелявшие тонкими, как иголки, пулями, начиненными ядом, вызывающим мгновенную смерть. Там кружили и огромные бомбардировщики — настоящие воздушные линкоры. Кроме того, были реквизированы и вооружены миллионы гражданских самолетов. Объединенные земные армады казались несокрушимой силой, но когда я вспомнил блестящие корабли, взмывающие в лунное небо и оснащенные оружием, рассеивающим горы, как туман, она показалась мне жалким зрелищем.

В течение девяти дней с нашего прибытия, Земля, готовящаяся к вторжению всеми возможными способами, следила за Луной, как за вышедшим из-под контроля хищником. Затем, однажды ночью, стая крошечных песчинок потянулась от Луны, точно шмели, вылетающие из светящегося гнезда. Только перед рассветом следующего дня, они ворвались в земную атмосферу над северной Америкой. Их скорость оказалась так велика, что они оставляли за собой огненный след, подобно метеоритам.

На протяжении всего их путешествия, обсерватории держали воздушный флот землян неподалеку от места предполагаемого приземлению лунариан. Можно было определить, где они войдут в нашу атмосферу, и когда они прибыли, их ждал миллион боевых самолетов, собранных со всех Соединенных Штатов.

Воздушные корабли землян рядами выстроились на огромном летном поле Хинтон, расположенном в сотне километров от Милуоки. Их количество постоянно увеличивалось.

Ночами пилоты дежурили у боевых машин. Лишь немногие перебрасывались односложными фразами. Остальные сохраняли напряженное молчание. Я был среди последних.

Когда первый тусклый луч рассвета появился на востоке, за два часа до того, как лунарианский флот вторгся в земную атмосферу, неприятно загудела сирена. Этот далеко разносящийся зов был слышен за многие километры вокруг. Время подниматься в воздух!

Со спокойствием смирившегося со своей судьбой, я залез в тесную кабину маленького самолета. Щелкнул тумблером на приборной панели. Раздался громкий звук, и дизельный двигатель грозно зарычал. С поля начал доноситься рокот других моторов, – их было так много, что это уже походило на бой. Жужжание становилось все громче и громче.

Минуту я разбирался с оборудованием: ремнем безопасности, кислородной маской, тяжелыми, нагреваемыми электричеством ботинками и спусковым крючком дьявольского пулемета. Я был готов! Проверил датчики – все в норме. Затем сирена издала два коротких гудка. Взлетаем!

Рядами по тысяче, через ровно отмеренные интервалы времени, самолеты катились по полю и взмывали в воздух, держа курс на восток. Я оказался среди первых.

В соответствии с планом, разработанным лучшими воздушными стратегами, каждая тысяча действовала как отдельная единица и должна была сразить вражеский линкор.

В воздухе эскадрильи выстроились в форме буквы «V» и стали набирать высоту. Какой это был подъем! Выше, выше, еще выше в ледяное небо, пока не показалось, что открылись врата рая, чтобы принять нас.

Десять, одиннадцать, двенадцать тысяч метров, и мы легли на курс. Глаза всех были направлены на самолет командира эскадрильи, летящий в вершине буквы «V». Вскоре перед нами появилось облако серого дыма. По сигналу, каждый пилот, при помощи ручной катапульты, выпустил специальную гранату. Они взорвались и образовали над нашими головами плотный слой дыма, который

выглядел, как обычное облако. Эскадрильи за нами скрылись таким же образом.

Мы кружили, держась в пределах укрытия из газа, и ожидали развития событий. Наша эскадрилья оказалась над городом Милуоки, рядом с озером Мичиган, которое протянулось спокойным серым полотном на фоне такого же серого рассвета. Очевидно, природу не заботила судьба людей.

На западе, где постепенно гасли звезды, появилась яркая серебристая полоса. Затем еще и еще одна, а потом пять-шесть сразу. Лунный народ прибыл! Они входили в атмосферу над озером, в сорока километрах от нас.

Слабый ветер сдувал наше облако на северо-восток. Мы следовали за ним. Это было нам на руку, поскольку наши бомбы больше не будут представлять опасность для Милуоки.

Делая вираж, я рассматривал вражеский флот через бинокль. Я видел длинные полосы освещенных иллюминаторов на борту каждого корабля. Что за безрассудство? Зачем они так глупо подставляются? А затем, с горечью, я решил, что они поняли, насколько мы беспомощны. Но я быстро прогнал эту мысль. Она казалась трусивой и предательской.

Линкоры, вошедшие в газовую оболочку Земли, двигались со скоростью улитки. Свет солнца, который нам еще не был виден, освещал полированный металл находившихся в космосе кораблей и заставлял их сиять, как полосу ярких звезд.

Мы с тревогой ждали. Обнаружил ли нас лунный народ? Похоже, что нет. В слабом свете, нас, скрытых облаками дыма, казалось, было крайне трудно заметить. Жужжание наших моторов утонуло в более громком реве двигателей лунных кораблей.

Вражеский флот приближался. Корабли двигались длинной колонной по четыре в ряд. Они оказались ниже нас.

Словно тень, вся наша флотилия ринулась вверх. Мы предусмотрительно запустили еще дымовых гранат.

При обычных обстоятельствах мы теперь должны были стать полностью невидимы для нашего врага, но его, при помощи специального приспособления, встроенного в бинокль и использующего лучи Рихтера, видели отлично. Лучи Рихтера, как все знают, напоминают рентгеновские лучи эффектом флюоресценции и проникновением сквозь вещество, только гораздо лучше, потому что их можно сфокусировать и получить четкую картинку вместо расплывчатой тени.

Наблюдатель с любого из вражеских кораблей увидел бы только завораживающий край того, что казалось грозовым облаком, темно-серым, как потускневшее серебро, если, конечно, лунариане не

обладали устройством, похожим на наш лучевой бинокль. Я искренне надеялся, что они никогда не слышали о лучах Рихтера.

Наши враги приближались. Группа из четырех линкоров, – авангард, – проходила прямо под облаком, в котором пряталась наша эскадрилья. Меня охватила непроизвольная дрожь, и я понял, как они были удивительны и величественны. Вокруг корпуса каждого корабля светился едва заметный ореол, выглядевший, как морозная радуга, иногда появляющаяся в верхних слоях воздуха. Но это было невозможно, поскольку солнце еще не взошло.

Каким же легким казалось вывести из строя этих гигантов нашими бомбами! Мы ждали, пока лейтенант Стэнтон, командир эскадрильи выпустит голубую ракету – сигнал к атаке. Но он не торопился. Лунариане, казалось, все еще не подозревали о нашем присутствии. Пусть с первыми четырьмя разберутся отряды, летящие за нами. Мы найдем другие цели.

И вдруг до меня дошло, как это странно до нелепости, что такой высокоразвитый враг движется прыжком в нашу ловушку!

Еще одна четверка прошла под нами, а затем еще одна и еще. Я наблюдал за бомбардировщиком Стэнтона, который кружился в трехстах метров надо мной, но команды все еще не было. А вот когда следующая группа плавно прошла под нашими бомболяками, командир дал знак. Очевидно, глупый лунный народ, наконец-то, обнаружил нас! Наше облако местами заметно поредело!

Фиолетовый язык света вырвался из командирского бомбардировщика. Что за удача! Сразу четверо в мешке! Бомбы полетели дождем. Через пару секунд от огромных кораблей должен был остаться лишь град металлических обломков. И вдруг, глянув вниз, я заметил кое-что очень странное. Мои бомбы летели точно в палубу судна подо мной, но как только приблизились к своей цели, то свернули в сторону под действием невидимой силы и продолжили, кувыркаясь, полет к поверхности озера. Ореолы света оказались защитным полем кораблей!

Я ощущал горечь. Как мы могли победить этих демонов, которые сделали наше оружие бесполезным? Вскоре их лучи обрушатся на нас, и через несколько минут последняя надежда на спасение Земли будет разрушена так, словно ее никогда и не было. Но инстинкт самосохранения требует, чтобы каждое создание цеплялось за жизнь до последнего. Мы обязаны сражаться! Мы будем сражаться!

Я потянул штурвал на себя, мотор взревел. Взмывая вверх, я увидел, как множество других пилотов делают то же самое. Я намеревался спикировать на один из лунарианских линкоров с большей высоты, поливая его пулеметными очередями. Поднявшись метров на триста, я резко развернул самолет и помчался назад. Наше об-

лако быстро разрежалось. Мой пулемет загудел, как низкочастотный камертон, но если пульки пробили силовое поле корабля и нанесли ущерб заполонившим его палубы роботам, то это не было заметно.

Трещали сотни пулеметов, воздух наполнился дымом от взрывающихся снарядов, бомбы продолжали падать. Но за толстой энергетической стеной лунный народ находился в абсолютной безопасности, как если бы нас отделяли от них миллионы километров. Они ничего не предпринимали.

Я спустился на двести пятьдесят метров и собрался сделать еще один заход, когда услышал звук снизу, где собирались лунарианские корабли. Он был низкий, звонкий и такой мощный, что заглушал шум боя. Неужели это правда? Это голос? Да, это так и есть! Что-то там внизу произносило знакомые слова, и то, что оно говорило, заставило меня усомниться, что мне все это не снится.

— Прекратите огонь, земляне, — гремел он. — Народ Луны пришел с миром. Мы лишь просим вас об услуге. Разрешите нам отвезти образцы вашей атмосферы и воды в наш мир, чтобы мы сделали его пригодным для жизни. Взамен мы научим вас строить корабли и создавать такие же лучи, откроем вам двери к знаниям, о существовании которых вы даже и не мечтали. Мы сдержим силы, которые, если оставить их без внимания, со временем сделают ваш мир необитаемым. Кроме того, мы всегда будем стараться стать вашими друзьями и наставниками. Вы согласны?

Механический голос умолк, а с ним и грохот снарядов, и гул пулеметов.

Первое, что я почувствовал, была смесь тревоги и облегчения. Мы ожидали полного разрушения нашей цивилизации и, возможно, уничтожения нашей расы, но, тем не менее, якобы кровожадные лунариане предлагали обмен, сулящий для нас только пользу. Затем, внезапно, я заподозрил, что нас обманывают. Где-то должен быть подвох! Люди редко бывают честны с менее развитыми существами и цивилизациями.

Голос заговорил вновь:

— Мысли многих из вас говорят, что вы сомневаетесь в нашей честности. Хорошо. Мы выключим генераторы, которые поддерживают наше силовое поле, А затем мы продолжим путь к вашему аэродрому. Поскольку вы будете прямо над нами, вам не составит особого труда уничтожить нас, если наши действия покажутся вам вероломными. Мы доверяем вам.

Так наши подозрения развеялись. Если лунариане хотели нас покорить, у них не было ни единой причины действовать подобным образом.

Маленький радиопередатчик над моим ухом пропикал закодированный приказ: «Построиться крылом над флотом лунариан». Так славно завершилось это бескровное сражение. Спустя пятнадцать минут мир обо всем узнал и устроил массовое празднование. Еще через два часа правительства мировых держав согласились на предложения народа Луны.

Был уже почти полдень, когда корабли обоих огромных флотов приземлились на летном поле. Вокруг нас, сдерживаемая оградой и недюжинными усилиями полицейских, собралась огромная толпа зевак.

В компании профессора Пакстона, который прибыл на быстром реактивном самолете из обсерватории во Флагстаффе, я шел между рядами высящихся кораблей, стоявших на поле. Вокруг нас были лунариане и их назойливые роботы.

Вскоре мы встретили номер 333, узнав его по характерным зеленым отметинам на накидке. Он узнал нас, как только заметил. «Приветствую, друзья!» были его первыми словами. Я сразу понял, что у него с собой значительно улучшенный механизм речи, поскольку голос, исходивший из коробочки на боку, приобрел эмоциональную окраску. Каким образом он управлял прибором, я понятия не имел.

— Кажется, между нами произошло небольшое недопонимание, — продолжил он. — Вы покинули наш мир довольно неожиданно. Если бы вы подождали, пока я расскажу вам больше, думаю, что вы бы передумали.

Профессор Пакстон и я рассыпались извинениями за нашу глупость. Затем мы попросили жителей Луны рассказать об их дальнейших планах. Например, что они будут делать после того, как узнали, что Землей владеет наша раса.

— Когда мы увидели, что планета уже населена разумной формой жизни, нас это сильно озадачило, — сказал номер 333. — Конечно, мы могли бы высадиться на южном полюсе и начать строить нашу цивилизацию заново, никого особо не беспокоя. Но в этом плане были серьезные недостатки, самым большим из которых оказалось то, что наши солнечные двигатели не смогли бы там работать значительную часть года. Решением этой проблемы мы обязаны номеру 2434. Три дня назад он изобрел специальный генератор, который способен «кристаллизовать» вокруг себя космический эфир, на расстоянии, прямо пропорциональному количеству потребляемой энергии. Кристаллизация эфира была известна уже много столетий. Это электрический феномен, вызываемый электромагнитными колебаниями определенной частоты. Вы наблюдали его сегодня, поскольку мы окружили наши корабли защитным барьером, создан-

ным с его помощью. Кристаллизованный эфир обладает многими свойствами обычной материи, включая твердость, или полувердость, но у него нет массы. Пока номер 2443 не изобрел такой генератор, мы не могли получить столько кристаллизованного эфира, сколько было нужно для нашей задачи. Но сейчас это стало просто. Мы собираемся создать огромную сферическую оболочку вокруг Луны, в сотнях километрах над ее поверхностью. Для этой цели мы изготавлим два больших генератора. За несколько минут их работы все будет готово. Если мы пожелаем исчезнуть по какой-либо причине, достаточно будет только вырубить питание. Позаимствованную у вас атмосферу, мы поместим под щит, навсегда предотвращая ее утечку в пространство. Таким образом, Луна вновь станет обитаемой. За вашу щедрость вы получите подобную оболочку вокруг Земли, но уже гораздо большего размера.

Номер 333 устроил для нас экскурсию по лагерю лунариан, а затем, по настоянию Пакстона, мы решили посвятить нашего необычного компаньона в тайны земной жизни. Мы забрались в кабину самолета профессора, и секунду спустя уже катили по полю, потом поднялись в воздух, лишенные всех страхов, обуревавших нас.

Через несколько минут в аэропорту Чикаго мы арендовали автомобиль и погрузились в бурную городскую деятельность, много-кратно увеличенную колоссальным празднованием, находившемся в самом разгаре. Хотя он и не подал ни единого знака, я считаю, что номер 333 был более чем озадачен. Сверкающие огни Мичиган-авеню, дымка, толпы людей, пребывающих в исступлении, вызванным событиями громадной важности, и, наконец, огромные размеры города с его, казалось, бесконечными улицами – так различительно отличавшиеся от безмолвного величия Луны, что я и не представлял, может ли быть по-другому.

Да и я оказался поражен не меньше. Как это я, Джерри Олсон, ехал в ничем не примечательном автомобиле с удивительным созданием из другого мира, как со своим товарищем. Такое не снится даже в кошмарах!

Со Дня Прибытия прошло пятьдесят три года. Все случилось так, как и говорил номер 333. Сегодня вечером я выглянул из окна и увидел, как над кленами восходит Луна. Небо повсюду имело бледный зеленоватый оттенок, слегка приглушающий блеск звезд, а Луна сияла зеленым ореолом. Барьера из кристаллизованного эфира едва заметно фосфоресцировали по ночам. Земля стала практически раем. От полюса до полюса преобладал нежный, весенний климат, поскольку солнечное тепло, дошедшее до поверхности, задерживалось эфирным щитом.

А Луна! Теперь ее день длится всего сорок часов, потому что лунариане нашли способ увеличить скорость ее вращения. Вода и воздух, перенесенные с нашей планеты в сферах кристаллизованного эфира, преобразовали ее в сказочную страну быстроразвивающейся жизни. Удивительно красивые растения покрыли толстым ковром незаселенную часть поверхности Луны. Стены ее многочисленных кратеров до самых вершин украшали зеленые гирлянды. Множество прежде пустых равнин покрылось плодородной почвой. Население Луны удвоилось и продолжает быстро расти.

Между Землей и ее спутником идет активная торговля. Огромные межпланетные лайнеры, как и грузовые корабли постоянно курсируют в обоих направлениях. Каждую зиму тысячи земных туристов стекаются в лунные города, чтобы восхититься их удивительной архитектурой, отдохнуть на берегах морей и полазить по крутым горным склонам.

Мой младший сын, Дэн, отбывает завтра на спутник, чтобы получить образование в Доме Познания. Он студент-медик. Номер 333 будет одним из его учителей.

Но человечество все еще не может предположить, каких великих чудес ожидать в будущем от лунной куколки.

The Lunar Chrysalis, (Amazing Stories, 1931 № 9)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

THRILLING WONDER STORIES

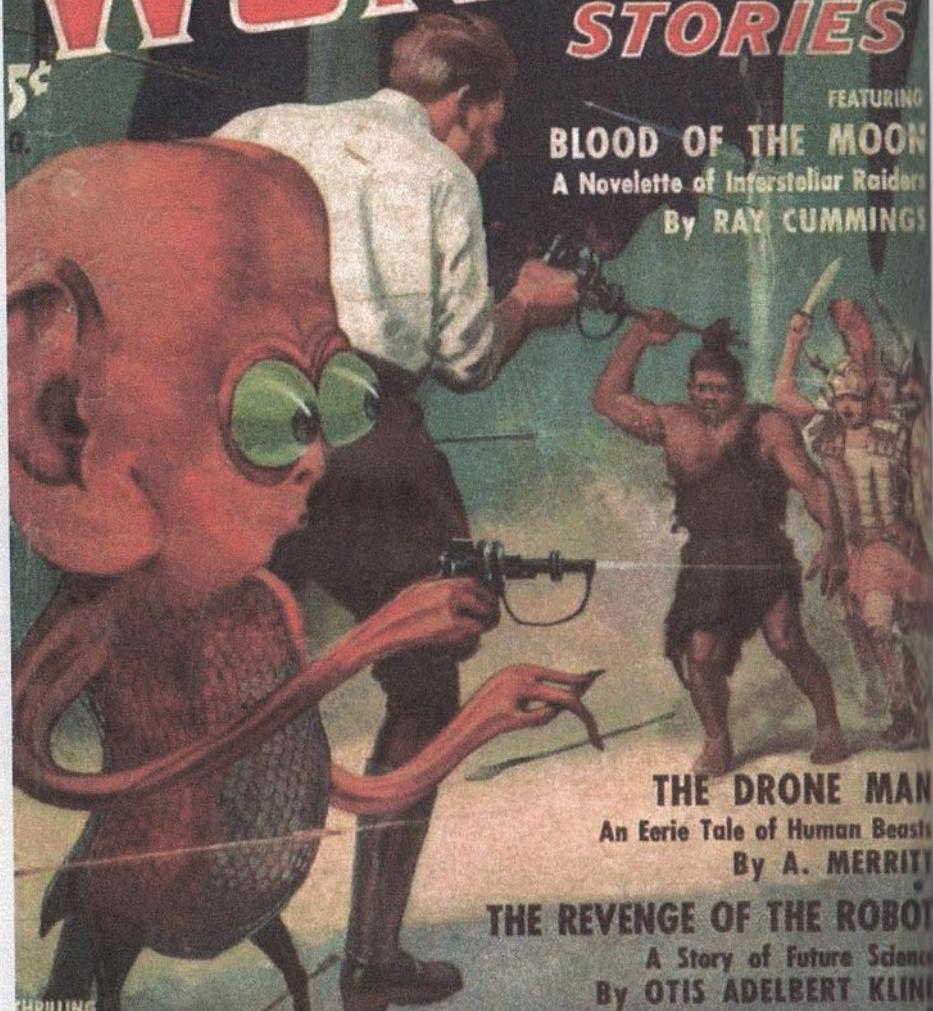
5¢

FEATURING

BLOOD OF THE MOON

A Novelette of Interstellar Raiders

By RAY CUMMINGS

THE DRONE MAN

An Eerie Tale of Human Beasts

By A. MERRITT

THE REVENGE OF THE ROBOT

A Story of Future Science

By OTIS ADELBERT KLINE

ALSO: ZAGAT—BINDER—WEINBAUM—ERNST

STRANGER THAN TRUTH

THRILLING
ADVENTURE

РЭЙ КАММИНГС

КРОВЬ ЛУНЫ

ГЛАВА I. Падение с высоты в пять тысяч миль

ОН СТОЯЛ перед металлическим столом Георга Фрейра, в голубоватом освещении трубки Моррала. Маленький, стройный, бледный как все луняне, с локонами темных волос, с завитками темных волос, упавших на лоб. Он только что прошел через шлюз с безвоздушной поверхности Луны, его герметичный костюм висел мешковатыми складками, а шлем был откинут за спину.

— Я записался, — робко сказал он. — Я принес вам пыль на продажу. — Он снял с ремня два мешочка из изоляционного материала.

— Имя? — спросил Георг Фрейр.

— Уиллс Лохло.

Георг нашел учетную карточку. Несовершеннолетний мальчишка-шахтер, родителей нет.

— Твой нынешний возраст? А то здесь не записано.

— Мне семнадцать земных лет.

— Живешь один? Опекун есть?

— Живу один. Отец, — он уже умер, — оставил мне маленькую копью. Это ведь законно? На вашем депозите на мое имя лежит одна восьмая децимара*. Так вы купите пыль?

В его робком голосе слышалась тревога, даже испуг. Он переступал с ноги на ногу, пока Георг изучал записи и проверял содержимое мешочков.

— Все в порядке, — сказал, наконец, Георг. — Это стоит двести пять и шесть десятых золотых долларов. Хочешь получить в валюте?

Лицо парня прояснилось.

— О, спасибо!

Он был романтичным парнишкой с осунувшимся лицом от сверхурочных работ в своей крошечной шахте на равнине Моря Дождей, но черты его были изящными, а ресницы темных глаз длинными, как у девчонки.

* Децимар — платиновый стандарт, приблизительно эквивалентен десяти тысячам северо-американских долларов (прим. автора)

Георг Фрейр, шести футов ростом, белокурый молодой менеджер корпорации «Радий Архимеда», тоже только что пришел снаружи и был еще в спецкостюме. По лунному времени было как раз время ужина.

Рудники Архимеда, находящиеся в гигантском лунном кратере, уже закрыты на период сна. Странное поселение, цепляющиеся за безжизненные, лишенные воды и воздуха скалы на крутом горном склоне! Оно находилось под глясситовыми куполами, чтобы сохранять обычное, земное давление атмосферы. Ниже по склону находились огромные горные выработки тоже под глясситовым куполом, с шахтами и очистительными установками, а над ними на уступах сидели похожие на соты купола жилищ рабочих и их семей.

Была здесь также куча правительственные куполов, потому что в поселке располагалось и Колониальное Лунное правительство. Две тысячи шахтеров, государственных чиновников и полицейский гарнизон – все было под куполами, а отдельные строения соединялись низенькими воздушными переходами.

ИЗ ОТКРЫТОЙ овальной двери в задней стене офиса внезапно раздался крик:

– Георг! Георг, иди сюда! О, Боже... на транспортник напали...

Георг вскочил на ноги. Он еще не надел пояс и обувь, компенсирующие малую силу притяжения, поэтому неосторожное движение вознесло его в воздух, и он рискованно перелетел через низкий металлический офисный стол.

– Что там? – позвал он.

– Транспортник... Беги посмотри сам!

Маленький космофлайер компании «Архимеда» всего лишь несколько часов назад улетел на Землю. Он унес пыль радиа на стоимость около сорока децимаров. А также на нем улетел Губернатор Луны Аллен, направляющийся на церемонию награждения президентом Мировой Федерации в Лондоне.

Коридор был около пятидесяти футов в длину. Георг, с Лохло Уиллом по пятам, пронесся по нему в одну из аппаратных помещений шахты с низким, сводчатым потолком. Тускло светили лампы Моррала. У маленького электронного телескопа собралась группа работников. Изображение, полученное телескопом, было увеличено призмами и спроектировано на двухфутовую зеркальную сетку так, чтобы в темноте все могли его разглядеть. Ярким пятном в темноте было это зеркало с движущимся изображением, а на его фоне виднелись фигуры десятка мужчин и одной молодой девушки, не-

A Novelette
of the Future!

BLOOD of the MOON

By RAY CUMMINGS
*Author of "Girl in the Golden Atom," "Brigands
of the Moon," etc.*

Georg and Astra watched as

CHAPTER I Fall of Five Thousand Miles

He stood before Georg Frear's small desk, facing the blue Moonlight, a light as if upon him. He was small and slender, pale as all Lunites, with ringlets of pale hair clasped on his forehead. He had come from the pressure lock from the airless Moon surface; his air suit hung in deflated baggy folds; his helmet thrown back. "I am a Lunite," he said timidly. "I have brought my dust for you to buy." He took from his belt-hooks two small bags of insulated thermos and proffered them.

"What name?" asked Georg Frear. "Loho Wila."

Georg found the record card.

"Your age now?"

"I am seventeen Earth-years."

"Do you live alone? No guardian?"

the dome exploded outward

"I live alone. My Father, who is dead now, left me the little mine. It is legal? There is one-eighth decim."

On deposit with you in my name?"

"Yes, I have not yet had time."

His timid voice carried an anxious,

frightened note. He stood shifting his

weight from one foot to the other

while Georg Frear read the records

and took up his offering.

"All correct," Georg said, finally.

"This values two hundred five and six-

tenths gold dollars. Do you want the currency?"

The lad brightened. "Oh, thank

you."

He was a romantic-looking young fellow, pinched of face from over-work alone in his tiny mine down on the plains of the Mare Imbrium; but his features were delicately moulded; his dark eyes had flashes as long

as a girl's.

* Decim: Platinum standard—the approxi-

mate equivalent of ten thousand gold-bolars.

Raiders from the Planet Mars Wage a

Pirate War Upon the Moon-Dwellers

много расплывчатые и слабо освещенные голубоватыми трубками, а так же звездным и лунным светом, струившимся из телескопа в помещение.

— Посмотрите! — позвал Георга Джон Уэйн, замещавший губернатора в отсутствие Аллена. — Роб Грант уже определил его и сообщил нам из обсерватории с Кратера Пико. Это корабль кочевников...

Безмолвная драма в космосе почти достигла кульминационного момента. Маленький транспортник под претенциозным названием «Королева Звезд», был ясно виден на фоне звезд, покрывающих зеркальную сетку. А позади и выше него висел еще один корабль — длинный, черный, с необычным куполом. Корабль кочевников...

На нем не были зажжены никакие сигнальные огни, лишь было видно слабое сияние, выходящее из прозрачного, глясситового, остроконечного купола. Никакие опознавательные знаки не позволяли определить его национальность. Ясно было одно — преступник.

Георг сел в полумраке рядом с девушкой. Рука ее протянулась и стиснула его пальцы. Они смотрели в зеркало, молча, затаив дыхание. Уже больше десятилетия ни один корабль кочевников не осмеливался появляться на звездных маршрутах. И вот он здесь, появившийся словно ниоткуда, потому что ни один телескоп не

предупредил о его приближении к Луне – загадочно возник из пустоты и атаковал небольшой грузовоз, летящий от Луны к Земле.

Атака завершалась. Сине-зеленая молния электронного луча сверкнула и ударила по лунному кораблю. Потом сверкнула вторая, и снова попала в цель.

ГРУЗОВОЗ УЖЕ БЫЛ в бедственном положении. Изображение телескопа на зеркальной сетке зацепилось за него, но обзор постоянно смещался, кружился – это вертелся грузовоз, неуправляемый... падающий...

Корабль кочевников исчез с зеркальной сетки. Затем ствол телескопа повернулся. Звезды превратились в световые черточки, прочертывшие зеркало, остановились, и появилось изображение черного вражеского корабля. Затем телескоп повернулся обратно.

Грузовоз был теперь гораздо больше. Ближе! Беспорядочно кружась. Георг знал, что он отлетел от Луны всего лишь на жалкие пять тысяч миль, и вот теперь возвращался. Луна притягивала его к себе, словно метеор.

– Может быть, пробит его корпус! – выдохнул Уэйн. – Том, первым лучом... воздух улетучился... и они уже все мертвы...

Георг чувствовал, как вздрогнула стоявшая рядом с ним девушка.

– Нет, Аура... я так не думаю, – пробормотал он. – Блэйк будет выжидать... будет сохранять оставшуюся энергию для отталкивавшего луча... до самого последнего момента.

Тянулись минуты. Прошло полчаса. Безмолвное падение продолжалось.

В зеркале падающий грузовоз казался неподвижным, лишь перемещался звездный фон за ним. Но было ужасно глядеть, как увеличивается, растет его изображение. Подбитый корабль падал и был теперь уже на высоте тысячи миль. И с его приближением становились видны все новые подробности. Корпус не выглядел пробитым. Возможно, в грузовозе все еще был воздух. Георг сидел перед зеркалом, стиснув добела пальцы.

Корабль был прекрасно виден в видеозеркале. Его окутывало слабое свечение, Георг знал, что его скорость была такова, что даже почти в полном вакууме корпус все же нагревался, а это значило, что терморегуляторы корабля бездействуют.

– Если он сейчас не включит отталкивающий луч, – раздался чей-то голос, – то они разлетятся на молекулы. Губернатор погибнет...

– Отец! – воскликнула девушка, услышав эти слова.

И тут они увидели, что Блэйк все же включил луч. Слабое сияние метнулось вниз из беспорядочно кружавшегося корабля. Затем Блэйк, казалось, поймал нужную цель. В видеозеркале Георг увидел, как светящийся луч на мгновение заколебался и ударил по поверхности Луны. Грузовоз в это время был почти над Архимедом и, вероятно, должен был опуститься где-то поблизости на горе.

Что-то бубнил голос Уэйна. Готовилась спасательная экспедиция. Люди поспешили натягивать герметичные костюмы, готовые броситься к месту крушения и попытаться спасти тех, кто мог еще быть жив.

— Только бы Блэйк сумел прекратить вращение корабля, — пробормотал Ауре Георг. — Не могли же выйти из строя все антигравитационные платы судна. Он должен успеть стабилизировать его, поставить вертикально, а затем контролировать падение...

ТУТ ГЕОРГ осознал, что рядом с ним сидит мальчишка-луянин, затаивший, как и все, дыхание. Он дотронулся пальцами в перчатках воздушного костюма до рукава Георга.

— Губернатор Луны... на этом корабле? А она... она его дочь? — замирающим голосом спросил он.

— Да. Это Аура Аллен.

— О-о... — протянул парнишка.

Он поглядел, но уже не на падающий корабль в видеозеркале, а на бледное, напряженное лицо Ауры Аллен. Земной свет падал из бокового окна, окутывая золотистым свечением голову и плечи девушки.

Аура была стройной, темноволосой семнадцатилетней девчонкой. Фигурка ее была еще по-детски незрелой, лицо симпатичным. Но теперь оно было напряжено и искалено страхом. Какое-то время стояла оглушительная тишина, и шахтер-луянин неотрывно глядел на девушку, словно любовался ее красотой даже в несчастье.

Корабль был уже на высоте пятидесяти миль. Никаких изменений в его падении не происходило. «Королева Звезд» все так же падала, теперь ужасно большая, даже громадная, стремящаяся к своему неизбежному концу. Однако, падение все же не было совсем уж беспорядочным. С каждым поворотом корабля сверкал отталкивающий луч. Конечно, катастрофа была неизбежна. Но случится она где-то на горе Архимеда.

В помещении все вскочили на ноги.

— Быстрее! — закричал Уэйн. — Застегивайте скафандры! Томс! Томс, бегите готовьте большую летающую платформу! Это будет быстрее, чем идти пешком!

Девушка рядом с ним вдруг застегнула герметичный костюм, хотя шлем был все еще откинут, и вскочила с места.

(Недавно (15 июня 2536 года) в Мировом Конгресме в Лондоне прозвучало уничтожающее заявление сенатора Рэйта о том, что всех марсиан следует выслать из нашей Лунной колонии, как нежелательных элементов. Заявление это вызвало жаркие дебаты. К счастью, правительство Объединенного Марса приняло официальные извинения Земли, но, тем не менее, дикторы «Илтона» утверждали, что общественные отрицательные настроения не могут не вредить дружбе, вроде бы существующей между этими двумя мирами.

Заявление сенатора Рэйта было, конечно же, непрактичным. Слишком много марсианского капитала было инвестировано в развитие лунной горно-добычающей промышленности. И слишком много марсианской крови течет по жилам коренных, лояльных лунян. Оно было также несправедливо, потому что далеко не все марсиане на Луне являются нарушителями спокойствия. Но все же, действительно, за последние годы немало человеческой крови на Луне было пролито именно марсианскими преступниками. Кровь Луны – эта фраза, казалось, войдет в историю, как символ последнего десятилетия. Люди убивают друг друга на нашем маленьком, холодном спутнике, как вся остальная часть цивилизованной Вселенной живет относительно мирно.

Из данного противоречия можно, несомненно, сделать один полезный вывод. Ни у кого уже не осталось сомнений, что Лунные Колонии неадекватно вооружены. В любом изолированном обществе, богатом ценными ресурсами, всегда неизбежен рост преступности. Но теперь все, конечно, будет изменено. В недавних событиях, которые стоили жизни многих людей и чуть не повлекли за собой гибель губернатора Аллена и его дочери, корпорация «Радий Архимеда» имела шансы потерять пыль радия на сумму около 440 децимаров, что эквивалентно 4 400 000 золотых долларов. Действиям молодого лунного менеджера компании Георга Фрейра по защите губернатора, рискувшим такой суммой, можно только аплодировать. И, несомненно, получив такой опыт, корпорация Архимеда станет укреплять оборону Луны за свой счет, даже если не пошевелится наше Мировое правительство.

И в заключение можно сказать, что в этой, наделавшей шумиху трагедии остался незамеченным один герой, мальчик-шахтер лунянин, по имени Лохло Уиллс, оставшийся сиротой. Он родился в предгорьях Архимеда, на границе Моря Дождей, от родителей-землян. И был он влюблён в девушку, о которой не мог и мечтать, и

лишь с обожанием смотрел на нее со стороны. Вот эта любовь и побудила его на героические поступки, вследствие чего трагические события получили совсем иной финал, а у пламенного сенатора Рэйта появился шанс изменить ненавистнические настроения, которые вполне могли бы привести к войне с Марсом...

Я веду эту историю от имени молодого Георга Фрейра. Хотя в действительности, настоящий герой этой истории – мальчишка-лунянина Лохло Уиллса).

Георг схватил ее за руку.

– Что вы делаете? – спросил он. – Вы не можете полететь одна... Это просто безрассудно.

Девушка вырвала руку. Ее темные глаза яростно сверкали.

– Я не полечу? Немедленно отпустите меня, Георг Фрейр!

СТОЯЩИЙ У СТЕНЫ мальчишка-лунянина глядел на нее, затаив дыхание.

– Нет, – сказал Георг. – Вы погибнете. Вы же в панике. Вы просто разобьетесь!

– Разобьюсь? – Она отпихнула Георга и одним легким прыжком оказалась у люка воздушного шлюза, и там, задыхаясь, повернулась к нему. – Пилот этого грузовоза – мой отец... Я... мы можем успеть туда первыми. Раньше других...

– Но ведь это же в сотне миль отсюда. Единственная малейшая ошибка – и ваш крошечный кораблик...

Девушка нетерпеливо дернула плечом.

– Все остальные опаздывают. Никто не может лететь с такой скоростью, как мой флайер. – Она схватила его за плечи и с силой встряхнула. – Георг, пожалуйста! Мой отец, а вдруг... вдруг он лежит там и задыхается... а ты держишь меня тут. Я, по крайней мере, смогу поделиться с ним воздухом, пока не прибудут остальные.

В том, что она говорила, было зерно истины, и Георг знал это. Поэтому он толкнул ее в воздушный шлюз.

– Ладно, идемте. Застегните костюм.

Аудиофон на стене помещение был полон голосов, но никто не обращал на него внимания. Внезапно Георг увидел, что Ауры уже нет рядом с ним. Повернувшись головой, он успел заметить, как она выбегает из помещения вместе с мальчишкой-лунянином. Георг бросился за ними длинными, неловкими прыжками, и догнал лишь в воздушном переходнике.

– Вы... Лохло Уиллс, а ты что тут делаешь? – задыхаясь, выдавил он.

Мальчишка-шахтер тут же остановился.

— Она... дочь губернатора... побежала туда...

Он ткнул рукой в узкий, уходящий в бок коридор. Георг немедленно ринулся в него.

Он знал, что этот коридор ведет к маленькому воздушному шлюзу, выходу на внешний склон горы. За ним неизменно следовал Лохло Уиллс. Ауру они догнали через сотню футов. Она как раз застегивала костюм.

В конце коридора за воздушным шлюзом находился ее персональный лунный флайер. Такие суденышки не имели особого практического значения и использовались, в основном, в спортивных целях, поскольку для управления ими требовались особые навыки, например, водитель должен был управлять ими лежа и поддерживать равновесие смещением тела из стороны в сторону. Вдали маячила шеститысячифутовая гора, точнее, вершина стены гигантского кратера.

И опять-таки, мальчишка-лунянин оказался вместе с ними, не отрывая взгляда от лица Ауры, словно во всей Вселенной не на что больше было глядеть.

— Пожалуйста, возьмите меня с собой, — умоляюще сказал он. — Я уже летал на флайере отца. И прекрасно знаю все Море Дождей.

Георг попытался вытолкнуть его из шлюза, но он стал упираться.

— Пожалуйста, возьмите меня...

— Ладно, — сказал Георг и захлопнул люк.

Зашипели насосы, выкачивая из шлюза воздух. Все трое надели шлемы и опустили прозрачные щитки.

Воздух тут же раздул их костюмы до гротескных размеров, это заработали все механизмы, расположенные за спиной и на плечах: генератор, очиститель кислорода, поглотители углекислого газа.

Георг коснулся металлическим пальцем пластины наплечника Ауры, намекая, чтобы та включила контактный аудиофон.

— Все системы работают нормально?

— Все в норме, Георг.

И Лохло ответил то же. Через минуту был выкачен воздух из шлюза. Георг открыл скользнувший в сторону внешний люк, и все трое шагнули в лишенную воздуха и звуков темноту. Лунная ночь окутала их. Они стояли на темном уступе скалы. Дальше была пропасть и беспорядочные каменные стены гигантского кратера Архимеда, уходящие вниз на шесть тысяч футов, туда, где уходила к далекому горизонту холмистая равнина Моря Дождей. Темная, отмеченная лишь разбросанными точками частных шахт лунян. Здесь

жили и трудились несколько тысяч человек, а вокруг вся остальная часть Луны была лишь ледяной пустыней.

АУРА СТОЯЛА, глядя вверх, Лохло был возле нее. Георг выдвинул легкий флайер на взлетную платформу на самом краю пропасти. Затем вернулся к Ауре. Та положила руку ему на плечо для установления аудиоконтакта и воскликнула:

— Георг, смотри! Быстрее...

Секунду на фоне большого полумесяца Земли была видна падающая «Королева Звезд», а за ней кольцевые верхние террасы кратера напряглись в ожидании неизбежной беззвучной катастрофы — падения корабля с высоты в пять тысяч миль.

У Георга дыхание перехватило, и даже не от этого грандиозного зрелища. В поле зрения появился кружящий, падающий шар, оставляющий за собой полосу сияния. Он промелькнул по небу и через мгновение снова исчез за гигантской горой. Теперь должен был последовать удар. Беззвучный. На Луне все было беззвучное, даже если происходило на расстоянии нескольких футов.

— О, Георг... — голос Ауры дрожал. — Корабль действительно упал... — она замолчала.

— Да. Как раз сюда, на гору. Немного ниже нас... Я даже могу предположить, где...

Они обнаружили, что Лохло уже сидит в флайере, и тоже забрались в тесную кабинку. Аура села на место пилота.

— Указывайте направление, Георг, — сказала она. — Где, вы считаете, он упал? Мы... мы должны найти его.

Крошечный флайер задрожал и снялся с уступа. Они поплыли по поднимающейся дуге в лунную темноту.

ГЛАВА II. Предупреждение

ОПАСНЫМ ЗАНЯТИЕМ был это полет на флайере, Георгу он всегда казался крайне опасным, может, потому, что он никогда не летал на таких машинках. Он сидел теперь, скорчившись у маленького капота, цепляясь за ненадежные перильца, и время от времени приподнимался, чтобы глянуть вперед и вниз, на темную равнину Моря Дождей.

Пока их машинка парила в воздухе, огромный каменный вал был все время слева, иногда они опускались и видели лишь скалы, а потом вновь взлетали вверх футов на тысячу над низким склоном горы, спускающимся в Море Дождей. Кругом были безжизненные горы. Пустоты в черно-серых, пористых скалах казались залитыми

чернилами ямами, а гребни, шпили и пики были окрашены белым и светло-желтым светом земного диска. Стояла мертвая тишина.

Прошло минут десять. Флайер не держался на одной высоте, потому что это была хилая, нестабильная машинка, управлять которой было совсем не просто. Георг, по распоряжению Ауры, старался сидеть неподвижно, но чувствовал, как сама Аура и Лохло, сидящие позади, то и дело смещают вес тел то в одну, то в другую сторону, вперед или назад, в зависимости от того, нужно им было подниматься или спускаться.

Далеко впереди и внизу, они увидели на очередном скалистом уступе, где с одной стороны была пропасть, а с другой полуосыпавшийся склон крутой горы, потерпевший аварию грузовоз.

«Королева Звезд» стояла, склоненная к земле, едва втиснувшаяся на каменный уступ. Георг похолодел. Корпус корабля сломался при ударе о гребень, зазубренный шпиль, точно гигантская игла, прошил насквозь его оболочку, гласселит прозрачного купола был разбит, осталась лишь жесткая треугольная рама, а вокруг все усыпано обломками.

На корабле не горела ни единая лампа. Может, где-то внутри, в каком-нибудь маленьком отсеке, отделенном стальными переборками, и сохранилось немного воздуха, но все остальные помещения были разгерметизированы. Корабль был мертв. И в нем могли находиться лишь мертвые.

Повернувшись, Георг увидел за прозрачным щитком шлема Ауры ее бледное, напряженное лицо, освещенное крохотным индикатором внутри шлема. Она молчала, но, сжав плечи, искала место, где можно было сесть возле потерпевшего катастрофу корабля. Потом они сели с легким, бесшумным толчком. Над ними навис покореженный корпус корабля, рваные края антигравитационных пластин, а в проломе – ничем не потревоженная чернота.

Георг выскоил из флаера, задержал устремившуюся было вперед Ауру, поднял искореженный, здоровенный кусок металла – только на Луне с ее слабой гравитацией он мог обладать такой силой, – и отшвырнул его далеко в сторону.

Внутри разбитого судна царила тьма. Георг включил фонарь и провел его лучом по сторонам. Здесь были лишь тишина и смертельный холод, этих темных, разрушенных коридорах и каютах. Все трое бродили по ним, как призраки, в своих раздутых костюмах, со шлемами, похожими на круглые головы с вытаращенными глазами – чудовищные пародии на людей. Только мертвые могли быть в этих мертвых обломках.

«КОРОЛЕВА ЗВЕЗД» была всего шестьдесят футов в длину. Георг знал, что на ее борту находились восемь человек экипажа и губернатор Аллен. Одно за другим он находил их тела в ужасных позах, потому что все они до последнего боролись за жизнь.

— Аура, оставайся позади! Лохло, не пускай ее. Ждите меня.

— Но, Георг, ты... ты еще не нашел моего отца?

— Нет. Еще нет.

Они прошли на круто накрененную верхнюю палубу. Здесь было еще одно тело. Губернатор Аллен? Нет, это был капитан Блэйк. Теперь были найдены все восемь человек экипажа. Все, кроме отца Ауры.

Сквозь дыру в разбитом глясситовом куполе Георг увидел темное пятнышко на фоне звезд. Он присмотрелся. Пятнышко быстро двигалось, и Георг понял, что это стартовала летающая платформа, на которой из шахты вылетел спасательный отряд. Но почему он не снижается? Платформа летела по какой-то странной дуге, затем внезапно взмыла вверх, увеличила скорость и через мгновение скрылась за горой.

Во всем этом было что-то очень странное. Тела губернатора Аллена не было и здесь, в центральной рубке. Дальше была каюта капитана Блэйка с маленьkim корабельным хранилищем, в котором, как знал Георг, везли на сорок децимар выделенной из руды пыли. Мгновенно он раскидал в стороны обломки перед дверью хранилища. Дверь оказалась выжженной яростным лучом, внутри было пусто, не считая каких-то разбросанных документов. Маленький изолированный ящичек с радиевой пылью исчез!

Тут произошло ограбление! Но как? Когда? Конечно, корабль кочевников!

Пока Георг наблюдал за долгим, трагическим падением грузовоза, он почти не думал о вражеским кораблем. Его изображение исчезло, когда «Королева Звезд» начала падать на Луну. По-видимому, кочевники улетели в открытый космос. Георг, как и все остальные, забыли о нем. Но куда он направился? И где сейчас? Если он хотел напасть исподтишка, то к настоящему моменту уже вполне мог сесть где-нибудь на Луне.

— Нужно возвращаться, — сказал Георг. — Ничего мы здесь не найдем.

Летающая платформа со спасательным отрядом почему-то спешила лететь к месту аварии. Но почему? Георг толкнул Ауру к выломанной двери салона. Затем увидел гротескно увеличенную фигуру Лохло, склонившуюся над столом капитана Блэйка. Лохло махнул рукой. Георг и Аура подошли к нему и тоже склонились над

столом, где лежала записка, небрежно начеркнанная карандашом. Записка капитана Блэйка. Его последняя запись, сделанная уже в то время, когда корабль падал.

Высота восемьсот миль. Мы падаем... вероятно, это мои последние слова...

В записке был так же прощальный привет Блэйка любимым, кого он оставил на Земле. Потом следовали еще короткие строки, начерканные явно поспешно, пока Блэйк вместе с грузовозом несся к неминуемой гибели.

В них сообщалось о грабеже, об атаке кочевников и исчезновении губернатора Аллена.

Кочевник напал на корабль, когда мы отлетели уже на пять тысяч миль от Луны. Я сдался по приказу губернатора Аллена, чтобы избежать бесполезных жертв. Эти кочевники, кажется, являются марсианскими преступниками. Они взрезали хранилище и забрали ящичек с пылью. А также захватили в качестве заложника губернатора Аллена. Потом бросили корабль падать на Луну. Попробую выгадать момент и включить отталкивающий луч... кажется, бесполезно... жалко... Это конец... Хочу предостеречь... вражеский корабль...

Блэйк не написал больше ничего. Георг понял, что то, что они увидели на зеркальной сетке телескопа, было не началом, а концом нападения кочевниками на грузовоз.

— Это же предупреждение нам! — выдохнул Георг. — Чтобы мы улетали...

Они поспешили покинуть обломки корабля и поднялись на край уступа. Под ногами у них была пропасть, а с другой стороны высились горы. Звездное небо казалось пустым. Затем Георг разглядел крохотную движущуюся черную точку. Это была летающая платформа Уэйна. Казалось, она направлялась обратно к шахте, направляясь за кольцевой вал кратера.

И пока Георг, напрягая зрение, глядел в ту сторону, примерно в миле от них вдруг вспыхнула узкая молния. Она плюнула в летающую платформу, но промахнулась. Это был корабль кочевников, который уже приземлился и теперь стрелял по платформе Уэйна, которая пыталась уклониться от выстрелов!

Сверкнула еще одна молния. Удар! Короткая вспышка на миг осветила парящую над скалами платформу и людей на ней. Потом

платформа разлетелась на куски, а минуту спустя в скалах появилось несколько вспышек, когда запылали рухнувшие останки платформы.

Затем невидимый отсюда корабль повернул свое орудие к шахте. Вспыхнул луч, вскрывая, точно консервный нож, купол, накрывающий часть строений. Луч погас, но через несколько секунд ударили снова, широкий, темно-фиолетовый, и плясал пару минут на том месте, где был купол шахты, выжигая все, что возможно. Или, по крайней мере, вспарывая оболочку, чтобы внутреннее давление воздуха довершила все остальное, взрывая купола, точно старинные бомбы.

Так началось нападение на шахты! Кочевники, не удовлетворенные тем, что удалось заграбастать целых сорок децимаров, пытались пробиться в шахты, где, насколько знал Георг, на различных стадиях очистки находилось более чем на пятьсот децимаров радиевой пыли!

ГЛАВА III. Атака кочевников

ГЕОРГ И ДВА его спутника стояли у флейера, наблюдая за дальней, беззвучной трагедией. Шахты начали отвечать – во врага полетели молнии, бесшумные, ослепительно-яркие и разноцветные, с водопадами интерференционных искр – прекрасные фейерверки на фоне звезд, потускневших от вспышек, бликами отражавшихся на зубчатых горных склонах. Эти блики осветили, наконец, корабль кочевников. Он надежно стоял на широком скалистом уступе, и с одной стороны от него была пропасть, а с другой – вертикальная каменная стена. Темнота скрыла посадку врага, но теперь уже не помогала ему...

Молния из шахт ударила прямо по кочевнику. Георг затаил дыхание. Омытые душем искр, огни корабля на миг потускнели, но корпус его явно выдержал попадание, и прозрачный купол остался невредимым.

Внезапно Георг осознал, что на него легли руки Ауры и Лохло. В динамике послышался голос мальчишки-лунянина:

– Ее отец на вражеском корабле! Люди в шахтах не знают этого. Если они будут продолжать стрельбу, то ее отец погибнет!

Так оно и было. Теперь ответственность за правительственные здания и шахты легла на Грэггсона и Смита. Джон Уэйн погиб, а Георг был далеко. Они будут сражаться, и, если уничтожат корабль кочевников, то вместе с ним погибнет и губернатор Аллен. Они понятия не имеют, что он там, и наверняка считают его погибшим при падении грузовоза.

Но Георг-то знал все это... и стоял здесь, ничего не предпринимая!

— Нам нужно вернуться в шахты... — выдохнул он.

Флайер взлетел, по нисходящей они направились над Морем Дождей, но тут же их машинка была обнаружена. Пролетевшая мимо молния ослепила их. Затем вторая, еще ближе, так что Аура поспешно направила флейер в тень горы, чтобы избежать ужасной смерти.

— Садись! — крикнул Георг Ауре. — Слишком опасно...

Планер скрылся в тени и так ударился при посадке, что согнулась его хлипкая рама, а у пассажиров выбило дыхание, несмотря на раздутые скафандры.

Они снова сидели на камнях. Молнии не били по ним. Правда, по окружающим скалам прошелся поисковый луч, он тут же исчез, словно потеряв к ним всяческий интерес.

Теперь они находились ближе к кораблю кочевников и с этого места видели шахты милях в десяти от врага. На таком расстоянии кучка куполов казалась каким-то фантастическим макетом — Главный правительственный купол, разбросанные гласитовые купола над горными выработками, группки жилых построек для работников — и все это связано извивающимися, как змеи, трубами воздуховодов, кабелей и воздушных переходов.

НА МИНУТКУ наступил момент затишья... Георг воспользовался им, чтобы сообразить, что теперь делать. Лететь отсюда на флейере было слишком опасно — им уже доказали это... Внезапно темные скалы озарила ослепительная вспышка. Это из носовой части корабля кочевников вырвался узкий, белый луч, уперся на миг в черное, усыпанное звездами небо, а затем стал мигать.

— Сигнал! — бросил через плечо Георг Ауре, не сводя с луча глаз. — Международным открытым кодом! Смотрите-ка... даже на английском! — И принялся переводить вслух: — «Еще один боевой луч от вас, и мы убьем губернатора Аллена. Он с нами на корабле. И пока что жив и здоров. Он приказывает Джону Уэйну и Георгу Фрейру немедленно сдаться».

Неужели губернатор сказал такое, даже ради спасения жизни? — мелькнуло у Георга в голове. — Что-то я сомневаюсь. Интересно, что ответят Греггсон и Смит?

Георг, притихшая Аура и Лохло смотрели в темноту. Тянулись минуты, но от темных, с погашенными огнями шахт не поступало никакого ответа. Затем Георгу показалось, что он увидел у шлюзов правительственных куполов несколько крошечных, движущихся точек. Это флейеры вылетели сразу из девяти воздушных шлюзов.

Грэгсон и Смит пошли в наступление! Они тоже посчитали сообщение кочевников чистейшей ложью!

Тут же вспыхнул и прицепился к точкам широкий луч прожектора. А затем вылетела молния и ударила в шахты, осыпав основной правительственный купол душем интерферционных искр. Флайеры исчезли.

Опять замигал вражеский сигнал:

«Если вы через пять минут не объявите о сдаче, губернатор Аллен умрет.»

Но Грэгсон и Смит не станут сдаваться. Георг это знал. Если бы он только мог связаться с ними. Но связи не было, оставалось лишь оно. У него теперь была полная свобода действий, не ограниченная никакими распоряжениями корпорации Архимеда.

Георг повернулся к Ауре.

— Вы с Лохло останетесь здесь! Даже носа не вздумайте высунуть! Тогда вы будете в безопасности. А я все закончу за час. Пиратам ведь нужны только деньги.

Аура молчала. Георг видел на прозрачным щитком шлема ее бледное, напряженное лицо.

— Что ты собираешься делать? — наконец, спросила она.

— Неважно. Хочу попытаться спасти вашего отца. А вы делайте то, что я сказал. Лохло, главное, сиди с Аурой во флайере. Но не взлетайте. Притайтесь, сидите тут...

Аура схватила его за руку, но Герг резко освободился, присел и прыгнул вверх, а затем, благодаря слабой гравитации, не спеша перелетел через зияющую черную пропасть и приземлился на более высоком уступе, хорошо освещенном светом Земли.

Флайер с Лохло и девушкой уже отсюда был совершенно невидим. Георг подождал секунду, чтобы убедиться, что они не последовали за ним. Затем прыгнул снова. Еще тридцать футов. Такие фантастические прыжки являлись на Луне самым быстрым способом передвижения. Георг направлялся к кораблю кочевников, всем телом ощущая, что в любой момент его может развеять на атомы молния боевого луча.

ТЕПЕРЬ ОН находился достаточно далеко, чтобы Аура была в безопасности. Он стоял на освещенной Землей вершине скалы, подняв руки раздутого скафандра, и, с перехватившим от страха дыханием, ждал, правильно ли поймут его намерение сдаться.

Пару минут ничего не происходило, ни прожектора, ни молний. Георг снял с пояса фонарь и, подняв его над головой, принялся маятить его слабым лучом. Вот тогда его заметили. На корабле кочев-

ников вспыхнул белый прожекторный луч, лениво пополз по зазубренным вершинам скал, осветил Георга и остановился. Кочевники явно ждали, что последует дальше. И, конечно же, Георга не могли не заметить в телескопы шахт. Но шахты оставались темными и безжизненными.

Георг стронулся с места и возобновил свои прыжки. Наконец, он достиг уступа, на котором стоял вражеский корабль. Уступ был усыпан валунами различной величины, с одной стороны зияла пропасть, а с другой на сотню футов поднималась скала, гладкая, словно из отполированного черно-серого мрамора. Пепельный свет озарял край пропасти, но финальным прыжком Георг опустился между кораблем и стеной, там, где лежала чернильная тень шириной в сорок футов. Георг исчез в ней и спрятался меж неровных, словно изъеденных, валунов.

Теперь корабль был обращен к нему кормой, его черный, выпуклый корпус возвышался над ним футов на тридцать, а может, и более. Георг находился в темноте, корабельный прожектор не мог его захватить. Широкий луч повертелся в разные стороны и погас.

Георг увидел внизу, у самого основания кормы вход — круглый люк, и несколько иллюминаторов, все темные и выглядевшие безжизненными. Он приготовился было прыгнуть к этому люку, но внезапно из темноты показался чей-то шлем и метнулся к нему. Нападение!

Георг отскочил, нащупывая на поясе нож, но тут чья-то рука коснулась его плеча, и в динамике раздался знакомый голос:

— Георг!

Георг изумленно повернулся. Это была Аура. Он задохнулся от неожиданности.

— Ты... Но я же велел тебе... Где Лохло?

Аура схватил его за руку.

— Георг, если ты... если вы собираетесь пойти к ним в заложники, то лучше это сделать мне. Ты ведь позволишь мне пойти к отцу...

Георг видел ее бледное, мрачное лицо и слабую ироничную усмешку на губах.

— Но ведь я велел Лохло!.. — воскликнул он.

— А я все же дочь губернатора, — ответила Аура. — Никакой мальчишка-шахтер не посмеет мне перечить. Я пошла за тобой. Ты ведь даже ни разу не оглянулся, Георг!

— Но я не хочу, чтобы ты делала это! — воскликнул Георг с нехорошим предчувствием. — Это может сработать, а может, и нет! Немедленно уходи отсюда!

НО БЫЛО УЖЕ слишком поздно! Из отверстия рядом с люком вырвался бледный луч и нащупал их. Зафиксировался. Георг чувствовал, что его ноги приросли к земле, словно схваченные гигантским магнитом. Парализующий луч. Георг увидел, как Аура вздрогнула и неподвижно застыла рядом с ним. Георг чувствовал себя так. Словно его тело несет какой-то бурлящий потом. Они с Аурой стояли друг возле друга, как вкопанные, совершенно беспомощные. Потом серый луч Болара был выключен*, его сменил обычный белый свет прожектора. Люк распахнулся, и из него появилась фигура в огромном скафандре и шлеме, с оружием в руках. За ней в люке появилась еще одна.

Первый подошел и притронулся к Георгу. Тот увидел за слабо освещенным прозрачным щитком шлема широкое лицо марсианина с плоским носом.

— Я пришел с миром. И не говорю на илтоне**, — быстро сказал Георг.

— В корабле говорят английский, — тут же ответил кочевник.

Действие луча прошло сразу же, как его выключили. Так что ноги Георга уже не были прикованы к каменистой земле.

Они с Аурой послушно проследовали за высоченной фигурой в маленький воздушный шлюз. Люк скользнул, закрываясь. Зашипел подаваемый воздух, затем открылся внутренний люк. Георг и Аура были тут же схвачены переговаривавшимися на чуждом языке огромными людьми.

На них расстегнули костюмы, сняли шлемы и повели по коридору на наклонно стоявшую палубу корабля, накрытую сверху прозрачным куполом. Там, в тусклом сиянии голубых ламп, стояло еще больше кочевников — гигантов со злыми лицами в каких-то кожаных одеяниях с многочисленными кисточками***. Один из них, очевидно, главный, шагнул вперед и встал перед Георгом. Остальные стояли вокруг на палубе, держа наготове оружие.

А неподалеку, у стены рубки, стоял седоволосый губернатор Луны и с удивленным ужасом глядел на свою дочь.

---

* Луч Болара неверно называют парализующий лучом. На самом деле он не имеет ничего общего с физическим параличом. Просто он генерирует сильное поле тяготения, такой интенсивности, что жертва его буквально прирастает к земле не в силах шевельнуться. Но это, также, не имеет никакого отношения к весу, а является всего лишь эффектом взаимодействия гравитации и магнитного поля планеты (прим. автора)

** Илтон — государственный язык Объединенного Марса, а также название правящей марсианской расы. (прим. автора)

*** Средний рост Илтонов составляет семь футов (прим. автора)

ГЛАВА IV. На корабле кочевников

Кочевники сомкнулись кольцом вокруг пленников. Все это были высоченные марсиане в кожаных куртках и коротких кожаных бриджах и начищенных до блеска сапогах. Кроме того, на них были широкие пояса, на которых висело разнообразное ручное оружие. Их лицо были белесо-серыми, с тяжелыми скулами и плоскими носами, а подбородки некоторых заросли многодневной щетиной.

— Я пришел с миром, — сказал Георг тому, кто показался ему лидером. — Вы — илтон, но разговариваете на английском?

— Чтобы вам было понятно, — усмехнулся тот. — Я владею вашим языком с большим количеством простоты. Кто вы? Зачем пришли к нам, рискуя головой с врагами?

Голос у него был тяжелый, резкий и гортанный, как у всех марсиан. Но, скорее всего, он получил какое-то образование на Земле или, во всяком случае, общался с землянами во Феррок-Шанне*. У него были также резкие черты лица, так что по марсианским меркам он считался красивым.

Крупные завитки волос, спускающиеся до основания мускулистой серой шеи, были совершенно черными, лишь изредка в них проглядывали седые прядки. Было ему, вероятно, около тридцати земных лет. Одежда была с красивой каймой и традиционными кисточками, волосам не давал падать на лоб красивый, разноцветный ремешок. На голове была обычная для илтонов шапочка с огромным алым пером. Внезапно он сорвал ее и изысканно поклонился.

— И я рад, что леди тоже пришла сюда. Такая красивая леди...

Его мрачный, горящий взор тщательно осмотрел Ауру.

— Меня зовут Георг Фрейер, — сказал Георг. — Я менеджер на шахтах Архимеда. Я облечен полной властью, поэтому на ваши требования ничего и не ответили.

— Так? — спросил марсианин, по-прежнему не сводя глаз с Ауры.

— Звездная леди... Она ваша дочь, сэр губернатор?

— Да, моя дочь, — чуть помедлив, ответил Аллен.

— Мне нужны децимары, — заявил гигант. — И ничего больше. Вы, Георг Фрейр...

— Я пришел договориться с вами, — быстро сказал Георг. — Мои люди на шахтах не знают. Что у вас здесь губернатор. Они считают его погибшим. И у них нет власти передать вам радиевую пыль.

* Феррок-Шанн: столица Тхо – Объединенного Марса. Илтоны — чрезвычайно умная, развитая раса, так что даже ее представители с ограниченным образованием знают иностранные языки. (прим. автора)

Лицо кочевника прояснилось, но с него все еще не сходила ироническая усмешка.

— А у вас есть такая власть? Чего вы хотите?

Георг быстро и резко сказал ему, и кочевник кивнул.

— Ладно, я отправлю им сообщение.

Все наблюдали, как к нему поднесли небольшую треногу с установленным на ней переносным коммуникатором, мигающим разноцветными лампочками.

«Аллен, его дочь и Фрейр у нас и пока что целы. Фрейр приказывает вам приготовить радиевой пыли на четыреста децимар для выкупа. Он отправит вам доказательство своих полномочий».

Такое было послано сообщение. И на этот раз Грэггсон и Смит с шахт ответили:

— Ждем доказательств. Отправляйте, что собирались.

— А у нас прогресс, — рассмеялся гигант.

— Теперь вы отправите нас на шахты с одним из ваших людей, и мы передадим ему радиевую пыль, — сказал Георг.

КОЧЕВНИК НЕДОУМЕННО поднял тяжелые брови.

— Так? Вы шутите со мной? Мой человек отнесет написанную вами записку. Ясно? А когда он вернется обратно с сокровищем, я отпущу всех троих пленников. Давайте, пишите приказ.

С колотящимся сердцем Георг написал записку. Главное, вытащить отсюда Ауру с отцом.

— Вот вам приказ. А теперь оставьте меня у себя, пока не получите сокровища, но отправьте с вашим человеком губернатора Аллена с дочерью.

Кочевник взял записку.

— Благодарю вас. Ну, губернатор, пойдете с моим человеком.

Он добавил еще несколько слов на илтоне, и к нему подскочили четверо кочевников. Двое тут же схватили Георга, а двое других — губернатора.

— А вот девочка останется вместе с Фрейром в качестве заложницы, — заявил гигант.

Внезапно Аллен забился в руках марсиан.

— Скудоумный сверол! — закричал он, путая английские слова с ругательствами на илтоне. — Квитах ко илтс чертов сверол!*

Георг тоже рванулся, но бесполезно — огромные марсиане легко удержали его. Аллена, отбивающегося и ругающегося, на чем свет

* Тяжкие оскорблении на языке илтон. Сверол — грязное марсианско-животное (прим. автора)

стоит, вытащили из рубки, провели по коридору и заставили надеть герметичный скафандр. Георг успокоился и неподвижно стоял возле Ауры. Главарь кочевников все так же улыбался.

— Вы пытаетесь выдать за сверхновую крошечный метеорит, — сказал он. — Вы с девчонкой набрались смелости самим прийти сюда, а теперь обманом вынудить меня отпустить всех заложников.

— Децимары привезут, — ответил Георг. — Тогда вы отпустите нас?

— Разумеется.

Не оставалось ничего иного, кроме как поверить ему на слово. Главарь, не обращая внимания на Ауру, занялся отправкой одного из своих людей к шахтам вместе с губернатором Алленом. Георг и Аура, в расстегнутых костюмах, стояли у иллюминатора в рубке и пристально глядели с высоты тридцати футов на освещенную Землей узкую полоску уступа между кораблем и пропастью. Из грузового люка вытащили марсианский флягер странной формы, и вышли Аллен и кочевник в раздутых скафандрах. Через минуту они уже сели в флягер и улетели к шахтам, превратившись в точку на фоне звездного неба.

Пришел главарь кочевников и встал возле пленников, ожидая, пока привезут сокровища. Настроение у него было хорошее, все шло даже лучше, чем он, вероятно, надеялся. Прошло полчаса. Из шахт не поступало никаких сигналов. Там не было видно ни малейших следов деятельности. Хотя губернатор давно уже должен быть там. Наверное, готовили к отправке пыль радия по распоряжению Георга. Лидер кочевников весело трепался ни о чем. Несомненно, он был хорошо образованный илтон.

— ВЫХОДИТ, — резко прервал его Георг, — у вас заранее была информация, что «Королева Звезд» повезет на Землю на сорок децимаров пыли?

Тот пожал плечами.

— Ваш грузовоз постоянно перевозит пыль. А присутствие на борту такой важной персоны, как губернатор Аллен, было для меня приятным сюрпризом.

Да, это изменило все его планы. Без губернатора в качестве заложника, кочевник не посмел бы вернуться на Луну за дополнительной добычей. И теперь он был чрезвычайно доволен собой, этот кочевник.

— Уже очень скоро мы расстанемся, — с ироничной усмешкой заявил он.

Все мысли Георга были сосредоточены на том, что скоро привезут сокровища. Главное — нужно освободить Ауру. Но выпустит

ли ее этот бандит? А что, если... Мысль об этом заставила Георга содрогнуться. У него не было никакого оружия, а кочевники внимательно следили за каждым его движением.

— Я — урожденный илтон, нет смысла отрицать это, — продолжал кочевник. — Но теперь я всего лишь бродяга на звездных трассах...

— До тех пор, пока вас не поймает Патруль, — вставил Георг. — Вы одурачили капитана «Королевы»...

— Ложные опознавательные знаки, — хихикнул кочевник. — Он принял меня за патрульный корабль. Я могу пройти туда, куда хочу. Правительственные корабли не слишком-то любопытны.

— Вы имеете в виду марсианские патрули, — вставил Георг глядя из люка на скалистые утесы вдали.

К настоящему времени флаер кочевников уже должен был бы вернуться. Но ничего не было видно на черном небе, усыпанном звездами.

— А как вы собираетесь использовать ваши сокровища? — спросил Георг. — Вы же не сможете продать их.

— Не смогу на Земле, — невозмутимо усмехнулся главарь. — Но в Феррок-Шанне не интересуются тем, что откуда взялось. У меня есть способ приземлиться тайно — а там общество илтонов позаботиться, на что пустить радиевую пыль — для лечение болезней, в технике или в миллион других выгодных предприятий. На Марсе нет радия, как вам прекрасно известно. Поэтому ваша Луна правит рынком — и поверьте, Марсу ваш радий достается очень не дешево.

— Флаер возвращается, — внезапно сказала Аура. — Смотрите, вон он!

Теперь все увидели пятнышко, блестевшее в свете Земли. Кочевник подошел к маленькому электро-телескопу, который был установлен здесь же, на палубе, под прозрачным глясситовым колпаком. Аура с Георгом подошли к нему. Георг видел, что может легко выхватить из-за пояса гиганта оружие. Но исход драки почти неизбежно привел бы к поражению, так что это оставалось последней отчаянной мерой.

Почти вплотную к Георгу стояли два высоких марсианина, но они больше интересовались флаером, чем пленником.

Георг бросил быстрый взгляд на спиральную лестницу, идущую вертикально вверх футов на двадцать, в башенку, венчавшую купол. Там были инструменты для наблюдения и оружие. Но был ли в башенке воздушный шлюз, ведущий наружу?

На «Королеве Звезд» была подобная же башенка, и через нее можно было выйти наружу. Может, так же и здесь, но внутренность

башенки была освещена лишь слабым сиянием Земли и звезд, струившемся через иллюминатор.

— Ваш человек возвращается, — сказал Георг, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. — Полагаю, он везет сокровища, верно?

Кочевник выпрямился и повернулся от телескопа.

— Да, кажется, так. Это мой флайер. А в нем только один человек и большой ящик.

Крошечный аппарат быстро приближался. Теперь и Георг увидел, что внутри сидит только один человек, а рядом с ним находится продолговатый, металлический ящик. Явно один из контейнеров для радиевой пыли. Флайер сделал круг, пошел вниз и сел на полосу, освещенную светом Земли, между кораблем и пропастью.

В рубке наступила напряженная тишина. Для кочевников наступил критический момент: что это, привезли сокровища на четыре миллиона золотых долларов, или это какой-то трюк шахтеров? Главарь отдал быстрые приказы. Несколько человек спустились вниз, готовясь принять посыльного. Остальные стояли на оружейной палубе, бдительные, готовые к любому обороту событий.

— Надеюсь, не будет никакого обмана, — сказал главарь кочевников. — Мы проверим сокровища, и тогда я отпущу вас. — Он издал напряженный смешок. — И мы немедленно улетим. Надеюсь, сэр губернатор не рискнет стрелять по нам во время старта. Вы оба будете стоять на уступе, и я всегда успею убить вас.

— Не будет, — сказал Георг. — Не такой он дурак.

Отправленные вниз люди возвращались. Послышались их тяжелые шаги. Затем они появились, неся тяжелый ящик. Георг с облегчением вздохнул. Посланец, который летал в шахты, расстегнул костюм и снял шлем. Он торжествующе улыбался.

Ящик поставили на палубу. Георг показал, как его открыть. На внутренней стороне крышки была табличка с надписью: «Количество — 398 децимаров».

— Я написал, чтобы отдали четыреста, — сказал Георг. — Но, очевидно, это все, что оказалось под рукой. Вы ободрали нас, как липку.

— Не бойтесь, мне и этого хватит, — рассмеялся кочевник. — Если табличка не лжет.

Табличка не лгала. В этом не было никаких сомнений. Сорок цилиндриков в ящике можно было пересчитать быстро.

— Все правильно, — сказал кочевник и выпрямился.

Сердце Георга бешено колотилось, он весь напрягся и похолодел от нехороших предчувствий. Они с Аурой стояли рядом в расстегнутых костюмах. Георг увидел, как сверкнули глаза девушки.

— Все правильно, — повторил главарь кочевников, и на его толстых, выпяченных губах появилась странная усмешка. — Ты сделал свое дело, Фрейр, так что можешь идти. Мои люди отведут тебя к люку и выпустят наружу. Удачи.

Во рту у Георга внезапно пересохло.

— Пойдем, Аура...

И тут все его страхи превратились в действительность. Кочевник все с той же усмешкой повернулся к Ауре.

— А ты — нет. Твои глаза, как звезды, пленили меня. Поэтому ты останешься.

— Ну... Ну, ты и сверол... — прохрипел Георг.

И внезапно мысли его сделались холодными и ясными. Последние полчаса он только и делал, что мысленно готовился к этому — и вот теперь пришло время действовать.

ГЛАВА IV. Героизм лунянина

ГЕОРГ ПРИНЯЛСЯ ругаться запинающимся, дрожащим головом, сделав испуганное лицо, но внезапно руки его метнулись к поясу кочевника. Не медлил он ни секунды. Он знал, что делать, и не глядя, наугад, выхватил из-за пояса у врага оружие, которое тут же пустил в ход. Крошечную, хрупкую стеклянную бомбу тьмы он бросил на палубу у своих ног, и тут же все окутала непроницаемая пелена, в которую Георг стал не прицельно стрелять с левой руки из лучевого пистолета. Из темноты донеслись дикие крики и стук упавших тел.

Аура схватила Георга за руку, и он потащил ее вперед. Чьи-то руки схватили его за щиколотку, но Георг яростным пинком отбросил нападавшего. Рядом пронеслась молния и с шипением ударила в купол. Тут же главарь кочевников закричал своим людям, чтобы они прекратили палить, пока не пробили корпус.

Лестница, ведущая в башенку, была уже в нескольких шагах. За полсекунды Георг нашупал ее и толкнул Ауру вперед. Они стали подниматься, и легкий газ искусственной темноты поднимался вместе с ними. Внизу уже смутно была видна палуба. Они добрались до башенки, но газ уже почти рассеялся, и их обнаружили. Молния ударила снизу, наполнив башенку снопом искр.

— Аура! Быстрее! — крикнул Георг.

В несколько шагов они пробежали до противоположной стены башенки. Кочевники уже лезли за ними по лестнице. Георг поспешно выстрелил вниз, и стал лихорадочно шарить взглядом по стенам в поисках выхода. Если здесь не окажется воздушного шлюза, то башенка станет их последним прибежищем в этой жизни.

И тут он увидел люк. Они с Аурой с трудом втиснулись в тесную нишу и задвинули за собой дверцу. Не было здесь никаких воздушных насосов. Георг промедлил ровно настолько, чтобы они с Аурой успели накинуть шлемы и застегнуть костюмы – что было весьма нелегко в темноте, – затем коснулся ее рукой.

– Ты готова, Аура?

– Готова! – выдохнула она.

Георг потянулся и распахнул внешний люк. Из тесного отсека со свистом вылетел воздух, а следом за ним – и они.

Они оказались на выпуклой вершине купола. Смутно сиял диск Земли и подмигивали звезды. С одной стороны высилась зазубренная горная цепь, с другой была пропасть. Уступ был в тридцати футов внизу, освещенный Землей со стороны пропасти, но темный между кораблем и стеной гор.

Георг повернулся лицом к темноте.

– Нужно прыгать. С тридцати футов. Почти безопасно, если быть осторожными.

– Прыгаем вместе? Если держаться за руки – легче будет сохранять равновесие.

– Да, наверное, так, – согласился Георг.

Они стояли на вершине купола, дальше бежать было некуда. Оставался лишь прыжок вперед и вниз. Нужно было правильно рассчитать, чтобы, с одной стороны, оказаться на достаточном расстоянии от корабля, а с другой – не расшибиться о скалу.

Бежали секунды. Кочевники наверняка уже забились в башенку, но иллюминаторов у ней не было, так что оставалось лишь гадать. А футах в сорока отсюда на куполе была еще одна башенка, и в освещенном ее иллюминаторе были видны столпившиеся там люди. Но никто из них не собирался выходить наружу. Потом корабль вдруг задрожал под ногами.

ГЕОРГ ПОНЯЛ, что он готовится к старту. Очевидно, главарь кочевников понял, что живой ему Ауру не поймать. Но сокровище было у него в руках, поэтому задерживаться он посчитал слишком опасным.

Корабль задрожал более яростно и предупреждающе подпрыгнул на месте. Георг понял, что в считанные секунды его с Аурой понесут вверх. Прыгать тогда станет смертельно опасно. Они сделали шаг, другой, держась за руки, и остановились перед темным провалом. Это было бы не так уж трудно, живущие на Луне часто совершали подобные групповые прыжки.

Пальцы Георга были готовы подать сигнал к прыжку. И тут он увидел, как из-за выпуклого купола корабля медленно вылетела блестящая капля знакомой продолговатой, узкой формы. За прозрачным глясситом виднелось сквозь щиток шлема лицо мальчика Лохло Уиллса, полулежащего за пультом флайера. Все это время он ждал, когда сможет помочь им!

И вот теперь такая возможность появилась. Флайер замер, покачиваясь, лишь в нескольких футах от купола корабля. Мешкать было нельзя ни секунды, и Георг с Аурой прыгнули к нему. Флайер накренился, чуть было не опрокинулся, но тут же стабилизировался, когда они залезли в кабину.

Георг коснулся плеча лунянина.

— Прекрасно, Уиллс!

Лохло крепко держал рычаги управления.

— Уходи в тень, — продолжал Георг. — Через несколько секунд корабль стартует. Если они увидят нас, то наверняка выстрелят.

Флайер отлетел от корабля и стал опускаться, почти царапая по каменной стене. Корабль начал медленно подниматься, и Георг вздохнул с облегчением. Теперь кочевники будут слишком заняты, чтобы думать о чем-то другом. Так что они спасены. Он прикоснулся к Ауре.

— Аура, дорогая, мы спасены, — пробормотал он, одновременно другой рукой успокаивающе сжимая плечо Лохло.

— Спасены! — прошептала Аура. — О, Георг, я люблю тебя! Я уж думала, что нам конец. Спасены... но ты купил мою жизнь за четыреста миллионов долларов наших работодателей...

Георг вдруг почувствовал, как флайер встремхнуло.

— Берегитесь! Падаем... — выкрикнул Лохло.

И тут они упали на камни. Правда, с высоты всего лишь нескольких футов, так что хрупкую машинку лишь сильно встремхнуло. И тут Георг понял, что Лохло сделал это специально. Мальчишка-шахтер был уже на ногах — согнул колени и стремительно прыгнул вверх. Корабль медленно поднимался и корпус его скользил как раз над ними. Их разделяло десять футов, двадцать... Но Лохло допрыгнул. Рукой он схватился за выступ в нижней части корпуса корабля. Подтянулся. Испуганные Аура и Георг пристально смотрели вверх на все быстрее поднимающийся корабль. Лохло сел на выступ. Затем в глаза ударила яркая вспышка. Это включился электрорезак.

КАК И У ЛЮБОГО шахтера, у Лохло был резак. И он принялся плавить им нижние антигравитационные пластины. С каждой

вспышкой электрической дуги вниз падали капли расплавленного металла.

Прошло еще несколько секунд. Корабль взлетал строго вертикально. Он был уже на сотню футов над Георгом и Аурой, так что они не видели Лохло, а лишь наблюдали за вспышками, на мгновение озарявшими темный корпус. Затем Лохло прорезал корпус и добрался до начинки антигравитационных пластин. И устроил короткое замыкание.

На пару секунд корпус по всей длине окутали длинные, ветвистые молнии электроразрядов. Потом корабль омыл целый водопад ослепительных искр. Антигравитационные пластины сгорели. Корабль содрогнулся, перевернулся и начал падать. Сначала медленно, потом все быстрее, ясно видимый в вырывающемся из него и бьющем в черно-звездное небо столбе пламени. Затем, очевидно, корпус не выдержал и лопнул. И внутреннее давление разорвало корабль, как гигантскую бомбу...

Маленькая фигурка Лохло оторвалась от корабля и упала футах в сорока от лежащего на камнях флийера. Георг и Аура выскочили из кабины и бросились туда, где он лежал, неподвижный, с проколотым и опавшим костюмом. Они перевернули его и обнаружили, что Лохло все еще жив. Механизмы скафандра работали, хотя корпус и был пробит. Через несколько секунд мальчишка бы погиб в безвоздушном пространстве, но Аура кинулась на него, заткнула своим костюмом пробоину, а затем в считанные мгновения сумела наладить перекачку воздуха из своего костюма в его. Лохло немножко пришел в себя. Георг увидел за щитком шлема, как пристально онглядит на Ауру, улыбаясь бледными, посиневшими губами.

Его аудиофон работал, и Аура услышала его слабый, задыхающийся голос:

— Я должен был... спасти эти децимары денег... денег работодателей... как вы и сказали... иначе бы они рассердились... на вас...

Падающий корабль кочевников удалился о дальний край уступа. Как всегда на Луне, не было слышно ни звука, лишь каменистая земля дрогнула под ногами. На мгновение корабль висел в пустоте, корчась от внутренних взрывов и электрических вспышек, а затем рухнул в пропасть, из которой, минуту спустя, вырвался столб пламени.

Вот так закончилась эта история.

Blood of Moon, (Thrilling Wonder Stories, 1936 № 8)
(пер. Андрей Бурцев)

NEW

SUPER SCIENCE STORIES

20¢

THE BIG BOOK OF SCIENCE FICTION

RAY
CUMMINGS
HENRY
KUTTNER
AND MANY OTHERS

THE SCIENCE CLASSIC OF THE YEAR
**TUMITHAK OF THE
TOWERS OF FIRE**
By CHARLES R. TANNER
LOST LEGION A FULL LENGTH NOVEL
by LYLE MONROE

РЭЙ КАММИНГС

ЧУДОВИЩЕ С ЛУНЫ

Маленькое бунгало, служившее Сильвии Кэйн домом, стояло в безмолвной темноте на северном склоне холма. Деревья уединенного местечка угрюмо свисали над ним. Из пилотского кресла маленького вертолета, вместе со своей невестой Сильвией, озадаченно глядел вниз молодой Джон Деринг. Уже прошла полночь, — они с Сильвией были в театре близлежащего города, — но, несмотря на поздний час, в доме должен был гореть свет.

— Странно, Сил, — сказал он. — Темно, как вырви глаз. Даже если все слуги ушли спать, почему не оставили нам свет?

Сильвия не ответила. Она была стройной, очень красивой, темноволосой, двадцатилетней девушкой, с мальчишеской короткой стрижкой, бросающейся в глаза. Обтягивающая белая кофточка открывала изящную шею, а узкие черно-белые полосатые брюки доходили до аккуратных черных блестящих туфель. Онемев от удивления, она глядела на свой дом. Деринг мастерски посадил вертолет на площадку перед домом. Действительно, странно. Задняя дверь дома оказалась широко распахнутой.

Сильвия схватила мужа за руку.

— Что это, Джон? Смотри!

Нечто небольшое, темное и прямоугольное, лежало на каменистой земле рядом с тропинкой. Это был чемодан одного из слуг. Приоткрытый, он валялся так, словно его выкинули из самолета. Когда они вошли в дом, Сильвия прильнула к решительной фигуре Деринга. Неестественная тишина и темнота были пугающими.

Девушка включила свет.

— Ну, — пробормотал Деринг, — кажется, они действительно удрали.

В домике не оказалось ни малейших следов беспорядка, но мистер и миссис Смизерс, а также их дочка, работавшая служанкой, исчезли. Их что-то напугало? Остались следы торопливого сбора предметов первой необходимости... предметов, лежащих в брошенном чемодане.

— Джон! О, Джон иди сюда! Прочитай! — раздался из гостиной голос Сильвии.

Деринг вбежал в комнату. Сильвия стояла у телеграфного аппарата новостей. В их отсутствие, на ленте появились новые строки,

слова были выбиты телетайпом на тонкой бумажной полосе. Она дрожала в руках Сильвии, пока та растягивала ее под светом настольной лампы.

— Джон, смотри! Эта новость ... пришла в 21:10, нынче вечером.

Он молча пробежался глазами по длинным строчкам: «Обсерватория горы Форрест... В стратосфере Земли был замечен странный объект... Крошечный цилиндрический предмет с хвостом, как у кометы, наблюдали сегодня в 20:50 через новый телескоп-рефлектор с обсерватории на горе Форрест. Объект видели лишь секунду, поскольку облака почти сразу же закрыли его. Расстояние около тринадцати тысяч километров. Расчетное место падения — западная Канада. Корабль, прибывший из межпланетного путешествия? Наблюдатели с горы Форрест докладывают, что по форме объект напоминает известный по слухам экспериментальный корабль, принадлежавший пропавшему семь лет назад Ральфу Гоффу...

— Ну, — прошептал Деринг и мельком глянул на Сильвию, — она казалась охваченной ужасом. — Сильвия, что за черт...

— Этот Ральф Гофф, — заикаясь, проговорила она. — Ты... ты слышал о нем, Джон?

Конечно, он слышал. Это случилось семь лет назад, когда Дерингу было семнадцать. В то время он читал о Ральфе Гоффе. Около сорока лет, помешанный чудак, который приобрел известность, выпуская едкие рассказы о нападениях на Землю. Он являлся отшельником, недолюбливающим других людей, — человеконенавистником со странными идеями о создании целой секты таких же, как он. Деринг помнил, как пресса и телевидение насмехались над ним. А Гофф, в свою очередь, вещал, что из всех живых существ на Земле, человеческая раса самая злобная и кровожадная. Его теория состояла в том, что животные превосходят нас по моральным качествам, этике поведения и даже обладают скрытым, более совершенным разумом.

— Конечно, я помню его, — пробормотал Деринг. — Но, Сильвия... почему это для тебя так важно?

— О, Джон, я знала его. Тогда мне было только тринадцать. Он пришел встретиться с отцом... получить его финансовую поддержку для какой-то безумной идеи об основании колонии животных, чтобы разводить их и обучать, раскрывая скрытые возможности. Как он говорил, «чтобы дать им шанс». И добавлял: «когда-нибудь они будут править миром».

Деринг тупо уставился на нее. Он тоже припомнил слухи о том, что Гофф, будучи ученым, пытался открыть секрет космических путешествий и строил какой-то летающий цилиндр. Затем, таин-

ственным образом, Гофф и его аппарат пропали. Если он и добился того, к чему стремился, то, очевидно, покинул ненавистную Землю, а не остался, чтобы поделиться тайной космических полетов с человечеством...

— Но, Сильвия, — прошептал Деринг, — ты теперь думаешь, что Гофф вернулся... что, возможно, он ищет тебя... и пришел сюда...

Она кивнула.

— О, Джон... я помню, как он смотрел на меня ... и как я боялась его. Он был таким... таким...

От страха слова застрияли у нее горле. В духоте летней ночи, Деринг распахнул одно из окон. Окна безмолвной гостиной, из-за лунного света, казались бледными прямоугольниками. Правда ли он увидел тень, на секунду заслонившую лунный свет? Дерингу показалось, что да... он подумал, что заметил движущееся пятно, что-то ужасное... что-то нечеловеческое... плоскую голову с огромным птичьим клювом.

Но через секунду уже ничего не было. Сильвия в ужасе ахнула, хватая ртом воздух.

— О, Джон... что-то... оно преследует нас ...

Сильный молодой и рослый Деринг уж точно не был трусом. Но, тем не менее, внезапная холодная дрожь охватила и его. Он был безоружен, — в одиноко стоящем домике, в лучшем случае, можно было найти нож.

— Тихо! — прошептал Деринг.

Он бросился к выключателю, и, не считая бледного сияния окна, комната погрузилась в темноту. Он стоял, одной рукой обняв Сильвию, и чувствовал, как она дрожит. И затем, он услышал... они оба отчетливо услышали странный каркающий голос. И хлопанье... гигантских крыльев?

Стоя у окна, Деринг вглядывался в бледную темноту. Под деревьями был небольшой каменистый участок с десятиметровой скалой поблизости. Что-то стояло на нее вершине — овальное пятно, ростом, примерно, с человека. Лунный свет освещал его чудовищное, круглое лицо с клювом. Его глаза пристально смотрели на дом. В следующую секунду, оно неуверенно поднялось в воздух. Гигантская птица? Короткие крылья шумно хлопали. Но их силы не хватало, чтобы удерживать существо в воздухе — они только слегка замедлили неуклюжее падение, так что через пару секунд нечто грохнулось на камни.

Какая то неизвестная чудовищная птица? Существо вскочило на ноги и опять поглядело на дом. Пока Деринг вместе с Сильвией крался к окну, его, пораженного, вглядывающегося в темноту, охва-

тил ужас. Чудище, стоящее на границе лунного света, казалось, носило темную накидку, частично покрывавшую тело. И вдруг, чем-то похожим на руку, оно поплотнее обернуло вокруг себя плащ и по диагонали побежало к дому, прячась в тенях деревьев, где вскоре и скрылось из виду.

— Боже мой! — пробормотал Деринг. — Сильвия... нужно выбираться отсюда.

Через окно и бежать... попытаться добраться до вертолета... Дерингу сама собой пришла в голову такая мысль. Но слишком поздно! Казалось, в темной комнате за их спиной что-то скрипнуло. Сильвия вскрикнула. Чудовищная фигура стояла прямо в гостиной! А за ней еще одна... отвратительные существа, очевидно, пробрались через заднюю дверь. Деринг бросился вперед. Что-то просвистело в воздухе и ударило его по голове так, что мир вокруг словно засиял белым светом. Теряя сознание, он, казалось, слышал, как кричит Сильвия.

Деринг, наконец, пришел в себя, с ощущением, что прошло уже много времени. Он лежал на матрасе в какой-то тесной комнатушке. Свет шел из похожих на иллюминаторы окон — странный, бледный желтовато-красный свет. На черном небосводе сияли звезды. Он был в космическом корабле! Он слышал мерное урчание механизмов, шелест очистителей воздуха и вентиляторов, гул реактивных двигателей.

Внезапно открылась дверь, и в комнату беззвучно вошла какая-то фигура. Деринг, со все еще трещавшей головой, пытался приподняться на локте, вглядываясь в проем. Там вертикально стояло какое-то существо около ста восьмидесяти сантиметров роста. Человек, зверь или птица? Деринг не мог понять. Круглое тело на двух членистых ногах было покрыто голубыми перьями и обладало крепкими и мощными на вид крыльями, сложенными под темной накидкой, свободно свисавшей с тонкой шеи. Огромное, суровое лицо существа с клювом и мерцающими над ним глазами...

Оно двигалось неуверенными, подпрыгивающими шажками. А затем Деринг заметил, что под накидкой у него были короткие свишающие руки. Затаив дыхание, Деринг с ужасом наблюдал, как оно подходит к нему и склоняется над койкой. На чудовищном птичьем лице, несмотря ни на что, лежала печать разума. Затем открылся клюв длиной со ступню.

— Вы... теперь лучше? Вы не умереть? — прокаркало существо.

Английский! Пародия на человеческий голос напоминала ма-неру говорить попугая. Но в пристально смотрящих глазах было гораздо больше разума!

— Вы... вы можете говорить? — промямлил Деринг, и затем в объятом страхом сознании пронеслась мысль о Сильвии. — Со мной была девушка. Черт побери... что вы с ней сделали?

— Она в порядке. Вы не беспокоиться — не надо.

Это неописуемое лицо ухмылялось? Розовая кожа сморщилась под зелеными, светящимися глазками. Ужасный клюв-рот оставался открытым.

— Я — лунит Лагг.

Одна из коротких рук с цепкими, как у попугая, когтями вытянулась и постучала в покрытую перьями грудь.

— Лагг — важный.

— Ты отведешь меня девушке, Сильвии, — сказал Деринг. — Она тут, на борту?

— Да. Но не могу... отвести тебя... ты останешься тут. Великий повелитель-человек — он здесь... говорит мне держать тебя тут...

Мысли вихрем неслись в голосе Деринга. Лунит? Значит, они были на пути... к Луне? Сев, он увидел через иллюминатор огромный голубоватый серп на черном небосводе. Земля! И потоки бледного света, идущего с других направлений. Без всяких сомнений, они приближались к Луне. Великий повелитель-человек? Мог ли это быть тот самый злодей — Ральф Гофф?

— Присядь, — предложил Деринг.

Это существо... лунит Лагг — странное создание, но Деринг не мог не отметить его разум. Ужасный каркающий голос был следствием физического несовершенства птичьего голосового аппарата, а ломаный английский — просто потому, что существо лишь недавно начало учить этот язык.

Лагг — нелепое, покрытое перьями существо, — плюхнулся рядом с Дерингом и охотно заговорил. А Деринг слушал, изредка задавая вопросы, соединяя обрывки фраз и заполняя при помощи воображения пробелы. На обратной стороне Луны — той, что никогда не видима с Земли — есть колоссальное, похожее на котел углубление, где собралась вся атмосфера спутника. Словно гигантское море необычной формы, триста километров в длину и в ширину, и шесть-семь в глубину. Зона, населенная единственным видом — странными лунитами. Лагг назвал себя одним из самых важных представителей своего вида. Возможно, это было просто хвастовство, а может, в целом, они являлись глупыми птицами, живущими, как и привычные нам птицы, на свободе в лесах, а при более слабой гравитации Луны короткие крылья позволяли им неуклюже летать.

Вот куда попал человек с Земли, помог, обучил и показал им лучший, более сложный способ жизни.

— Мы — птицы-животные, — гордо сказал Лагг. — Гораздо лучше, чем земные люди. Более умные. Более... как он говорит, нравственные. Человеческий народ плохой...

Конечно, это был человеконенавистник Ральф Гофф, презирающий свою расу, который научил этому и Лагга. Деринг уставился на странное лицо с клювом. Кожа сморщилась в маленьких складках под глазами, большой клюв нелепо раскрылся. Словно существо смеялось... ехидно ухмылялось.

— Ваш хозяин отправил вас на Землю? — поинтересовался Деринг.

— Да. Он правит нашим миром — своей маленькой империей, Он, один человек. Этого не хватать... так что это путешествие... мы взять девушка, понимаешь?

Лагг внезапно встал, покачиваясь на тонких коричневых ногах.

— Я принести тебе еду.

— Отведи меня к девушке, — настаивал Деринг.

Он попытался встать, но оказался еще слишком слаб, кружилась голова, поэтому тут же откинулся обратно.

На чудовищном лице Лагга снова появилась ехидная усмешка.

— Ты делать то, что Лагг говорит, — приказал он. — Ты лишь человек — убью тебя, если ты вести себя плохо. Ты третий человек в мире лунитов. Повелитель говорит, что ты раб. Очень хороший для работы... много работы делать, строить жизнь, как у людей на Земле.

Деринг смотрел ему вслед, пока существо уходило. Закрылась выдвижная дверь. Несомненно, на нелепом лице с клювом была ироническая... отвратительная, плотоядная ухмылка, от которой Деринга бросало в дрожь...

Остаток короткого космического путешествия Джон помнил смутно. Возможно, его накачал чем-то злодей Гофф, этого он так и не узнал. Он съел странную еду, которую принес Лагг, запивая ее жидкостью. Пару раз, сквозь гул двигателей и шипение механизмов корабля, он неясно слышал другие кудахтающие и каркающие голоса, и даже хриплый голос человека. И один раз ему показалось, что он слышит Сильвию...

На орбите Луны, Деринг, наконец, пришел в себя настолько, что смог подойти к иллюминатору, и стал глядеть на мерцающую бледную поверхность Луны, которая теперь была всего в нескольких тысячах километров под космическим кораблем. Огромные торчащие вершины, залитые солнечным и земным светом... Он мельком поглядел на знакомые места. Огромные кратеры Тихо и Коперник...

Затем, несколько часов спустя, перед глазами Деринг предстала новая картина. Те же огромные вершины, на которые наклонно па-

дал солнечный свет. Он увидел, что впереди растянулись сумерки, а за ними следом показался фиолетовый серп ночи... Потом, уже в сумерках, когда ракета опустилась еще ниже, его взору предстало спутанное покрывало плотной атмосферы, низко лежащей в огромной лунной впадине, и вскоре оно накрыло их. Они опускались ниже... в сумеречную область. Деринг напряженно вглядывался в странный пышный лес, раскинувшийся в километре под снижающимся по диагонали кораблем. Искривленные, нереально огромные деревья какой-то, казалось, пористой растительности спутывались в одну большую массу джунглей. Толстые синие и красные лианы связывали стволы... лианы, с которых свисали громадные коконы и цветы ярких оттенков... Вдалеке виднелась полоса бледной реки. Затем Дерингу показалось, что он увидел существ, качающихся на деревьях и суетящихся на земле, удивительных диких лунитов, пристально смотрящих на пролетающий мимо корабль...

— Теперь пошли... я тебя отведи. Мы приземляемся.

Услышав голос Лагга позади себя, Деринг повернулся.

Прибытие... Деринг покорно повиновался, пока Лагг связывал за спиной его скрещенные запястья. Был ли лунит вооружен, Деринг так и не мог установить, но, очевидно, любое сопротивление привело бы к гибели: не только его самого, но и Сильвии. В маленьком корабле, казалось, поднялась суматоха. Но Деринг ничего не видел. Лагг провел его по тускло освещенному, узкому коридору, в конце которого располагался люк внешнего шлюза. Затем корабль приземлился. Через ближайший иллюминатор Деринг вглядывался в густой, сумрачный лес. Он был наполнен пятнами странных карабкающихся существ. Потом открылся другой люк корабля. Буквально на секунду, напряженную, полную страданий секунду, он увидел Сильвию, сопровождаемую коренастым, облаченным в плащ человеком, за которым следовало пятеро нелепо ковыляющих лунитов.

— Теперь... мы идти, — сказал Лагг. — Я отведу тебя в дом Повелителя-человека.

Лунный мир. Деринг лишь краем глаза успел посмотреть на него... Узкая петляющая тропинка вела через фантастическое буйство красок, мимо огромных деревьев с тонкими стволами, на которых висели коконы и чудовищные цветы... Праздно глазеющие луниты окружили Деринга и его стражей — круглые тела птицеподобных существ, скачущих по кустам, чтобы получше все рассмотреть. Они были и над головой, бегая по лианам и перепрыгивая с ветки на ветку. Лес оказался заполнен карканьем и тараторящими криками на странном, птичьем языке лунитов. Взглянув вверх, Де-

ринг увидел их жилища – круглые, сплетенные из листьев и сухих лиан, покрытые соломой, примитивные, как огромные птичьи гнезда...

Вскоре они вышли на поляну – неровный участок почвы с узкой полоской реки за ним и мрачными тяжелыми облаками, низко висящими над головой. А вот и дом Повелителя-человека! Это было плоское, разноцветное, одноэтажное строение, казалось, державшееся на подпорках из пористого дерева, со стенами из чудовищных размеров высохших листьев, связанных лианами. Но, что любопытно, оно напоминало человеческое жилье – заостренная крыша, окна – завешенные огромными листьями, дверь и жалобно перекосившаяся веранда.

Гофф-император! Ненавистник всего человечества... Тут не было ничего земного. Тем не менее, он почему-то захотел, чтобы это жилище походило на земное... За ним, невдалеке, стояли еще две постройки, поменьше, чем это, и пока что недостроенные. Кроме того, Деринг заметил, что за зданиями было поле, где росла вполне человеческая еда.

В проеме входа, куда направлялся Лагг, показался мерцающий свет факелов. Они прошли по коридору и попали в освещенную комнату, обставленную деревенской земной мебелью в кричащем стиле, накрытую огромными листьями.

– Итак, Джон Деринг. Добро пожаловать в Лунарию, – раздался из тени тяжелый, гортанный голос.

Деринг обернулся.

– Я – Ральф Гофф, когда-то землянин. Ты, конечно же, слышал обо мне?

Сумасшедший? Безумный ученый? Кто же он? Этот удивительный домик и даже то, как нелепо звучало слово «Лунария», подтверждало слухи. Деринг вздрогнул, уставившись на возникшую перед ним странную фигуру. Ральф Гофф. Человек сорока с чем-то лет, с длинными спутанными черными волосами и густой черной бородой. Он был коренаст, с широкими плечами и бочкообразной грудью, имел не более чем сто пятидесяти сантиметров роста, с толстыми, свисающими, как у гориллы руками. Настоящая горгулья! Одно плечо оказалось выше другого, и на нем торчала какая-то шишка. Скрытая бородой лицо, очевидно, было очень страшным. Он не носил земную одежду, – явно относился к ней с презрением, – так что на нем была лишь мантия из высохших листьев, связанных стеблями растений. Она, как тога, скрывала его уродливую фигуру. Еще у Гоффа был широкий пояс, на котором болталось огне-

стрельное оружие. По крайней мере, оно было с Земли. Символ его власти на Луне.

— Итак, — пробормотал он снова. — Ты пялишь глаза, но молчишь. Ты что, слабоумный, Джон Деринг?

— Что вам нужно от меня? — потребовал Деринг. — Где Сильвия Кэйн? Я хочу...

— Рабы, которые задают мне вопросы... и даже чего-то требуют? Как мило! Сильвия Кэйн невредима. Почему я должен был что-то с ней сделать?... С той, которую я выбрал разделить со мной мой маленький империю... мой мир?

Его пылающие, глубоко посаженные глаза уставились на Деринга. Конечно, безумный... но, как и все остальные, одержимый лишь только своими мечтами и... жаждой власти. Удивительная, извращенная психика человеконенавистника с презрением к другим людям... со странной верой в то, что животные, звери и птицы, превосходят нас. Возможно, его маленькое тело скрюченное стало причиной подобных стремлений — комплекс неполноценности. Изdevка судьбы позволила ему покинуть Землю и наткнуться на странных лунитов, которыми он мог править.

— Моя маленькая империя, — сказал он. — Видишь, как все начинается, Деринг? Я и моя королева — мы положим начало новой человеческой династии. Интересно, верно? Кто бы на Земле мог предположить, что презираемый всеми Ральф Гофф достигнет таких высот? Мир, подчиняющийся лишь ему. Тысячи верных подданных, обучаемых им, пока те не превзойдут чертовых землян! Удивительно, да? Но такова была моя судьба...

Пальцами он барабанил по рукоятке одного из украшенных драгоценными камнями пистолетов, от чего сердце Деринга сильно забилось... Его сейчас убьют?

— Эта девушка... Сильвия Кэйн, — осторожно начал Деринг. — Могу я ее увидеть?

— Почему же нет? Она тоже здесь. Через несколько минут ей подадут одеяния для церемонии. Ты будешь смотреть. Деринг... который считает, что любит ее. Это все?

Глубоко посаженные глазки сверкнули, а губы застыли после того, как он выплюнул эти слова. А затем снова раздался его голос, насмешливо растягивая слова:

— Сейчас я представлю лунитам их королеву... Я, Ральф Гофф, их императора-человек, обрел императрицу-человека. Сейчас ты увидишь церемонию, Деринг... Лагг, проведи его туда, откуда он сможет все увидеть. Но внимательно стереги его, Лагг.

— Да, Повелитель.

На чудовищном птичьем лице Лагга Деринг снова увидел непонятную плотоядную ухмылку.

Гофф внезапно хлопнул в ладоши.

– Эй, Мита! – позвал он. – Иди сюда!

Ответа не последовало. У окон и у двери стали собираться другие гигантские птицы, каркая и выкрикивая непонятные фразы. Гофф уставился на них.

– Мита, сюда! – позвал он снова.

Появился лунит. Вернее, лунитка, женского пола, с пухлым, покрытым перьями телом и каким-то пучком на голове. Из-за того, что его заставили ждать, Гоффа охватила дикая ярость.

– Человек-повелитель зовет, а ты не идешь! – проревел он.

– Но, Повелитель, я...

– Молчать!

Гофф внезапно выхватил из-за пояса стальной кнут, и хлестнул им по воздуху хорошо отработанным ударом, так что конец плети попал точно по лицу существа, Миты. Из ее клюва вырвался каркающий вопль боли.

– Моя королева, маленькая Сильвия, одета и готова?

– Да, Повелитель... почти.

– Тогда возвращайся к ней, и, когда тебя позовут в следующий раз, являйся живей!

Маленькая лунитка покорно ушла. Ее сородичи, стоявшие у окон, что-то забормотали на своем странном языке, но, когда Гофф злобно глянул на них, они отступили в темноту. Это был явно зародыш восстания.

– Лагг, – прохрипел Гофф, – отведи раба туда, где он сможет увидеть мой триумф. У тебя есть земной нож?

– Да, Повелитель.

– Если он не будет слушаться, воткни нож ему в грудь, как я учил.

– Да, Повелитель.

Содрогнувшись, Деринг не увидел другого выхода, кроме как повиноваться. Если бы только освободить руки... Этот Лагг... и другие лунные создания кажутся неуклюжими и хрупкими. Если бы он освободился... то, возможно, ему удалось бы отнять у Лагга нож.

Приготовления к церемонии... Маленькая лесная поляна теперь освещалась светом факелов, а взъявленные луниты продолжали прибывать. Несколько сотен уже стояло на склоне, метрах в пятидесяти от дома Повелителя, образовав полукруг, обращенный к жилищу. Лагг остановился.

– Мы ждать тут, – сказал он. – Смотри... очень важно... королева-человек лунитов...

Деринг послушно встал, напряженный, настороже. Огромный лунит тихо подошел и встал рядом с ним и Лаггом... еще один стражник с мерцающим стальным земным ножом в когтистой лапе. Затем, внезапно, из залитого светом факелов леса раздался хор каркающих криков. У входа в жилище Гоффа появился Повелитель и стоящая рядом с ним Сильвия. Сердце Деринга было готово выскочить из груди при их появлении. Стройное, розовато-белое тело Сильвии было облачено в короткую красную с голубым накидку из сухих древесных волокон. Прекрасная лесная нимфа. На ее голове, словно корона, лежал венок из ярких цветов. На бледном лице написан ужас.

Стража стояла вплотную к Дерингу, внимательно следя, чтобы пленник не сбежал. Но Лагг исчез. Гофф повел Сильвию из дома туда, где возвышалась небольшая платформа. Охваченная трепетом толпа безмолвно наблюдала. И затем Деринг увидел Лагга, появившегося за Гоффом и Сильвией... Лагг незаметно подкрадывался к ним. Неверный свет факелов освещал его лицо с тлеющими угольками глаз. Свет также блестел на ноже в его руке. Лагг-убийца! Деринг с ужасом все понял. Постоянныес насмешки над живыми существами... маленькая империя, в которую было вложено все, чтобы луниты закипели от негодования и подняли восстание. И лунит Лагг, обученный Гоффом, которого самого обуяла жажда власти. Лагг будет новым повелителем... станет править сородичами так же, как это делают люди!

Весь ужас произошел так быстро, что Деринг на секунду опешил. Гофф и Сильвия поднимались на помост. Одна из женщин-лунитов, неловко ковыляющих за Сильвией, случайно навлекла на себя гнев Гоффа. Тот ударил ее, отчего она вскрикнула от боли и страха. Это стало зажженной спичкой, поднесенной к бочке пороха. Последней искрой гнева. Толпящиеся луниты злобно закаркали и двинулись вперед. Один из них ударил Гоффа сзади огромным клювом. Тот вихрем развернулся, рука метнулась к поясу за пистолетом. Грязнул выстрел, лунит упал. Еще одна искра в бочке с порохом. Через мгновение толпа птицеподобных созданий начала обступать помост, разразившись угрожающим карканьем. Лагг рванулся к Повелителю, но Гофф увидел его... его и предательский нож. Маленький пистолет выстрелил еще раз, и Лагг распластался у ног Гоффа...

Все произошло за считанные секунды. Затем Деринг заметил, что стражник рядом с ним бросил факел и убежал. Шипящий, все еще горящий факел валялся прямо у ног Дерингом. Он резко бросился

на землю, спиной к нему. Пламя обожгло руки... секунда мучительной боли, и сухие стебли растений сгорели, освобождая запястья.

Гигантскими прыжками, возможными лишь в условиях лунной гравитации, Деринг ринулся к помосту. Злобно каркающая группа лунитов преградила ему путь. Он перепрыгнул через них и, приземлившись рядом с Сильвией, подхватил ее на руки.

— О... О, Джон... Слава Богу!

— Ракета! — вырвалось у Деринга. — Если сможем добраться до корабля...

Он опустил ее, и, держась за его руку, Сильвия побежала рядом огромными парящими шагами. На краю поляны одиноко стоял маленький, темный корабль. Добежав до открытого люка, они обернулись, — Гофф все еще сражался с лунянами. Он забрался на верхушку небольшого валуна, вокруг которого столпились разозленные создания, пытающиеся допрыгнуть до него. И тут в его втором пистолете закончились заряды. Он отбросил его в сторону и, держа в руках освещавший его факел, на секунду замер. Деринг увидел его лицо. Изумление и разочарование отпечатались на нем, когда Гофф осознал, что его маленькая империя рухнула... Повсюду носились нелепые луниты. Они сожгли хрупкое жилище Гоффа, — красновато-желтое пламя пробилось сквозь крышу. Недостроенные домики тоже горели... Непонятное, толпящееся скопище лунных созданий — они вкусили человеческого образа жизни, но теперь разрушали все... отрекались от нее...

Обломки империи. Секунду Гофф смотрел на них. Затем, с последним отчаянным криком, спрыгнул с камня, и взбесившиеся создания облепили его... как падальщики, клюя, пронзая когтями, разрывая на части...

— О, Джон, быстрее! Они уже рядом!

Группа лунитов мчалась к кораблю. Деринг толкнул Сильвию внутрь и едва успел захлопнуть люк перед разъяренными созданиями, которые со всего размаха врезались в металлическую преграду.

Затем, под гул реактивных двигателей, маленький корабль стал подниматься вверх, слегка наклоняя нос. Он поднимался все выше, а внизу, на поляне, расстилалась пелена черного дыма, скрывающая из виду место ужасных событий и трагических смертей... Наверху же, далеко за лунными облаками, среди звезд висела огромная Земля. Сильвия и Деринг молча глядели на нее — большой голубой диск Земли, словно яркий маяк, зовущий их домой.

Monster of the Moon, (Super Science Stories, 1941 № 11)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

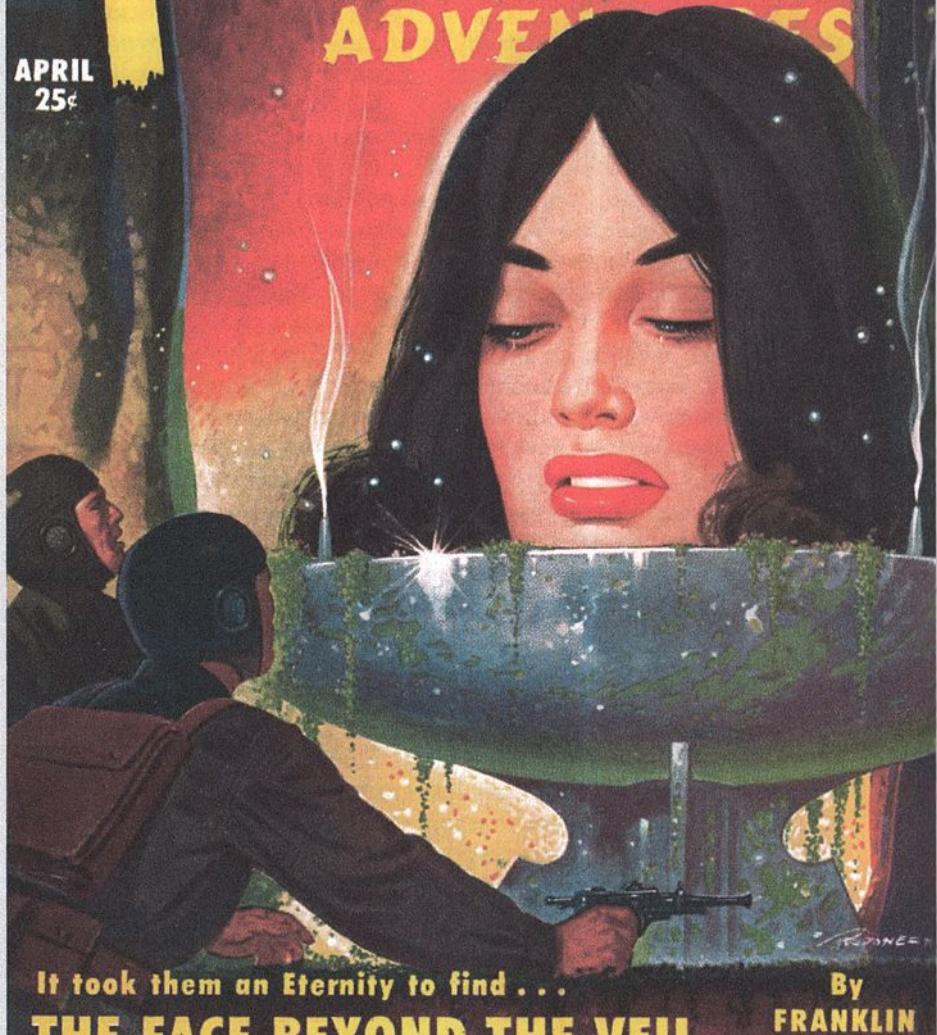
GREAT SCIENCE-FANTASY BY LEADING WRITERS!

fantastic

ANNUAL

ADVENTURES

APRIL
25¢

It took them an Eternity to find . . .

THE FACE BEYOND THE VEIL

By
**FRANKLIN
BAHL**

С. М. ТЕННЕШОУ

С ЛУННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Свет Земли превратил лунную равнину в огромный бассейн. За высокими яркими стенами кратеров буйно извивались каньоны, и отполированные огнем края лавовых потоков отбрасывали жутковатые отблески.

Джон Дайк, в громоздком скафандре, подсоединил к своему костюму последний оставшийся кислородный баллон. Здесь, рядом с кратером, ему нужно связаться с моками... и побыстрее... кислород заканчивается.

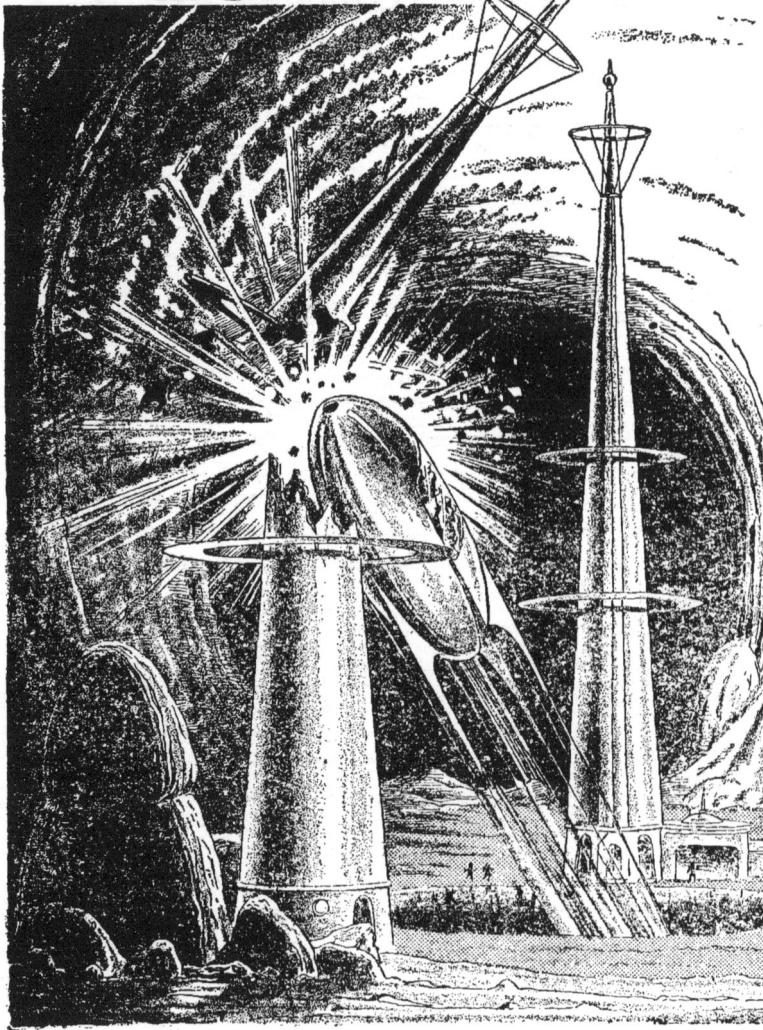
Остановившись на мгновение, он посмотрел вниз, в кратер, на непонятные фигуры под ним, высывающиеся из дна, как сказочные драконы из моря. От этого зрелища, у него зашевелилось что-то в душе, но, тем не менее, описать это он бы не смог. У него вообще редко получалось выражать чувства словами. Держа клапан баллона пальцами, Джон еще раз, мельком, попытался вспомнить, что же побудило его взяться за работу, для которой он так плохо подходил.

Так он и продолжал стоять в жутковатом земном свете, вместе с чудившимися ему призраками, шепчущими прямо в уши. Голос начальника Джона – президента «Галактических Маршрутов» говорил: «Ты дурак, Джон! Посмотри на свои показатели: психический индекс – 9, личностный индекс – 2. Не удивительно, что ты наш лучший физик-исследователь. Оставь путешествия экстровертам. Забудь эту безумную идею». Еще один, женский голос, голос Дэны Шейн, презрительно заявлял: «Ты всего лишь машина из материи и энергии. Ты не знаешь, какой мир на самом деле, не знаешь, что представляют собой люди. И не сможешь узнать, пока будешь оставаться заложником своего разума».

На секунду ее лицо всплыло перед глазами Джона: пристально смотрящие прямо на него большие голубые глаза и красные губы в форме сердечка. Он снова недолго поразмыслил, что бы случилось, если бы он последовал тогда зову сердца и поцеловал ее.

Конечно, он этого не сделал, так как был слишком скромным. Но ее слова разъедали ему мозг, пока он не настоял на своем участии в миссии.

The LUNAR POINT

Целую секунду Джон слышал шипение кислорода, пока он присоединял баллон к своему костюму, на мгновение его охватила паника, и голове заметались мысли: а хватит ли ему этого баллона, успеет ли он вступить в контакт с моками, прежде чем кончится кислород?

# of VIEW ^{By} S. M. Tenneshaw

**Earthmen fought for control of the
Lunar Mines, while the Moon People waited
patiently — waiting to reward the loser! . . .**

Затем страх предстоящей с ними встречи поглотил беспокойство. Не то, чтобы Джон ощущал физический страх, но сама мысль о знакомстве со странной расой, о попытке заговорить и общаться с ними, пугала его. Он простонал — психический индекс 9, личностный индекс — 2. Почти такой же разум — гораздо выше нормы, и личностный индекс тоже высок.

Это те, кого Джон был обязан победить. Если «Галактические Маршруты» собираются основать первую базу на Луне, ему нужно убедить мутантов моков, населявших спутник Земли, что подобная связь между мирами им очень нужна. И более того — что именно «Галактические Маршруты» должны ее установить.

Нулл Невинс попытается сделать тоже самое для «Ракетных Маршрутов Земли». Нулл, с большим приятным лицом и личностным индексом 9.

Джону придется обставить Нулла Невинса.

— Какой из меня продавец — с двойкой-то? — с горечью подумал он.

И затем увидел мока.

Тот стоял на дне кратера, прямо под ним, слегка наклонившись вперед на множестве членистых ног. Мок был меньше человека, размерами с собаку породы колли. Он смотрел на Джона, ожидая, когда тот спустится.

Джон выдавил мрачную улыбку и побежал вниз по склону.

Моки оказались довольно гостеприимными. Они накормили Джона, предоставили помещение в пещере с постелью из кожи ликсар и остали там ждать, пока Совет моков не вызовет его. На Джоне больше не было громоздкого скафандра, потому что в пещерах поддерживалась искусственная атмосфера.

Во время ожидания, мысли Джона сосредоточились на моках. Как лучше себя вести, чтобы заинтересовать их? Определенно, стоит положиться на логику. С тех пор, как сотню лет назад их открыл Норман Кэйн, они развили в себе некоторую эмоциональность. Теперь моки испытывали к гостям с Земли нечто похожее

на приятную терпимость, хотя однажды покусились на людей каким-то телепатическим гипнозом.

Контакт с землянами означал возвращение мокам чувств, эмоций, утерянных вследствие мутаций, вызванных вредным радиоактивным излучением, которое возникло еще при возникновении лунных кратеров.

Моки будут хотя бы частично восприимчивы к уговорам Нулла Невинса.

Без всякого сомнения, первым делом они захотят узнать про свою выгоду от открытия космопорта и установления регулярных рейсов больших кораблей на Венеру, Марс, Юпитер и внешние планеты. Тут были свои преимущества – это создало бы большой рынок сбыта для урана, добываемого моками. Джон начал считать другие плюсы, загибая пальцы на руке, когда в комнату вошел мок.

«Совет ждет вас», – всплыла в голове Джона мысль.

Он последовал за моком по полукруглому пещерному проходу, гладкому, как полированный паркет. На полированной поверхности виднелись следы ценной руды – доказательство богатства лунных недр.

Они вошли в большое, богато убранное помещение. Удивительно мягкая, плотная, податливая ткань покрывала пол, а в конце комнаты стояло возвышение – без особых изысков, из полированного металла. За ним сидели семь моков.

Среди них оказался землянин с довольной улыбкой на большом загорелом лице.

Джон почувствовал, как по венам пробежал космический холод, и невольно поморщился. Ему захотелось тихо ускользнуть и вернуться в свою лабораторию. Потому что тем человеком оказался Нулл Невинс.

Чувство неполноценности охватило Джона, когда он поклонился вождю моков, сидевшему на возвышении. Словно во сне он услышал свой голос, выражавший желание «Галактических Маршрутов» основать космопорт на Луне. Он удивился, что сумел выскажать все так четко. Но уже через секунду понял, что колени дрожат, а язык вот-вот начнет заплетаться.

Самоуверенность Джона испарилась от вида довольного лица Невинса. Он постарался прокрутить в голове преимущества, которые получат моки от постройки космопорта, но не смог даже вспомнить, с чего собирался начать. Джон ощущал, как его колени превращаются в желе, а перед глазами плывет лицо Невинса.

В голове у него внезапно возникла мысль правителя моков Го-Вани: «Землянин, почему вы не постройте эти порты на Земле? Почему вы желаете воздвигнуть их именно здесь?»

На то были физические и математические причины. Джон почувствовал легкое облегчение, и, пока его голос машинально отвечал, подсознание пыталось найти забытые доводы.

— Все дело в скорости. Чтобы преодолеть земную гравитацию, нужно набрать больше одиннадцати километров в секунду, или, в ваших единицах измерения, двадцать глюров в ульру. Что, в свою очередь, требует огромного количества топлива еще даже до того, как корабль покинет Землю. При увеличении размеров кораблей, важность этого фактора вырастает в геометрической прогрессии. Если мы сможем проводить запуски с Луны, скорость, которую необходимо набрать, уменьшится до двух километров в секунду. Экономия места, занимаемого топливом, будет громадной. Его необязательно перевозить сюда с Земли, потому что можно синтезировать из ваших запасов урана прямо на месте. План состоит в том, чтобы доставлять пассажиров и грузы на Луну небольшими ракетами и уже отсюда запускать огромные лунные лайнеры. Инженерные преимущества такого плана очевидны.

Джон видел, как моки, обдумывая услышанное, смотрели на него, не выражая никаких эмоций. Они казались недружелюбными созданиями. Джон переводил взгляд с одного на другого в поисках доказательств доброжелательности. С таким же успехом он мог взглядывать в лица бронзовых статуй.

«У вас есть еще какие-нибудь доводы?» — пробормотала в голове мысль Го-Вани.

Время пришло, но аккуратно разложенные по полочкам аргументы Джона куда-то пропали, каким-то странным образом затерялись в чуждой атмосфере помещения. Ему захотелось убежать, прежде чем нарастающая дрожь в ногах станет слишком заметной. Джон так и не мог выдавить из себя ни слова, — язык онемел, во рту пересохло.

«Хорошо. Еще один землянин, мистер Невинс, упомянул и другие вещи. Он рассказал, как выиграет наша раса от постройки космопорта. Он также подчеркнул несколько причин, по которым лишь одна земная компания должна получить лицензию на управление таким комплексом. Мы учтем все ваши аргументы», — телепатировал Го-Вани.

Резко кивнув, Джон разрешил проводить себя из помещения. Последнее, что он увидел, было высокомерное лицо Нула Невинса.

На протяжении всего пути до своего помещения, Джон ощущал ворту горький привкус поражения. Атомы, кванты и энергия – вот, в чем он разбирается, но живые существа – это уже слишком.

Тупо уставившись на стену, он долгое время лежал на кровати.

Потом были сон, отдых, еда и, наконец, визит мока, которого он уже встречал.

«Я – До-Ласто. Приглашаю вас посетить урановые шахты и продолжить обсуждение постройки космопорта», – всплыло в голове Джона сообщение мока.

До-Ласто отвел его в один из гладких закругляющихся туннелей. Там стоял автомобиль. До-Ласто открыл дверцу машины и жестом предложил Джону сесть.

В машине уже было двое: правитель моков Го-Вани и Нулл Невинс.

Мысль Го-Вани пробормотала бесстрастное приветствие, а Нулл, протянув большую загорелую ладонь, радостно сказал:

– Доброе утро, Дайк. Как дела?

Джон пожал предложенную руку и ощутил вибрирующую силу личности здоровяка. Даже сердечный тембр его голоса располагал к тому, чтобы мгновенно начать ему доверять, и Джону пришлось заставить себя вспомнить то, что, по слухам, у Нулла нет совести. Он также почувствовал, что Го-Вани оказался слегка очарован личностью Нулла, хотя его эмоциональные отклики были гораздо слабее, чем соответствующая реакция у землян.

– Полагаю, я могу тебе рассказать последние новости, Джон. Думаю, Го-Вани уже согласен построить космопорт, хотя он будет вести дела лишь с одной компанией. Мы хотим расположить порт рядом с урановыми рудниками, чтобы максимально упростить синтез и поставку ракетного топлива. Мокам также станет проще транспортировать руду, – весело болтал Нулл.

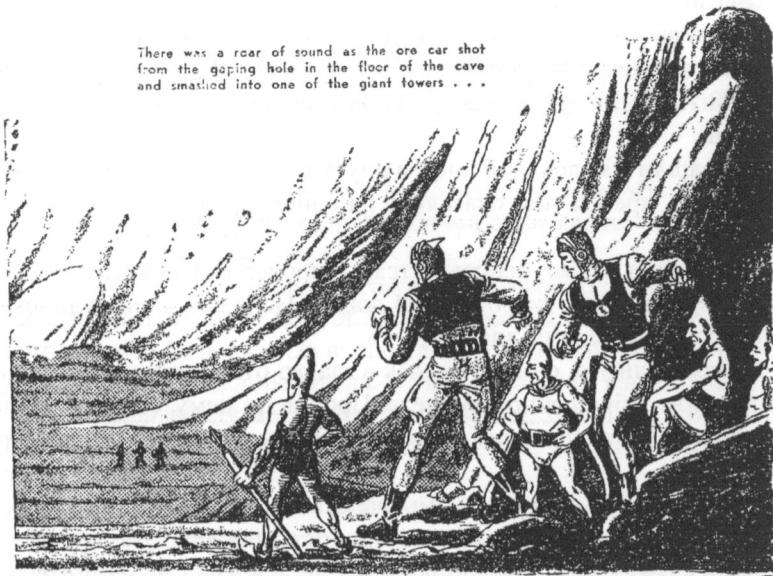
Джон понимающе кивнул. Нулл, должно быть, сильно постарался, чтобы стать таким дружелюбным, таким уверенным в себе.

Автомобиль быстро и плавно несся по полированному туннелю. На всем протяжении туннеля в стенах виднелись вентиляционные решетки, через которые поступал воздух для моков.

Машина остановилась в огромной пещере. Как только Джон вышел, то увидел под высоким потолком помещения горящие атомные лампы, озарявшие зал дневным светом. В дальнем конце пещеры возвышались две башни, хрупкие и стройные, они достигали свода гигантской подлунной пещеры.

«Башни отмечают вход в шахты», – пояснил До-Ласто.

There was a roar of sound as the ore car shot from the gaping hole in the floor of the cave and smashed into one of the giant towers . . .

Подойдя ближе, они поняли, что башни выполняют полезную функцию, — на их вершинах были электростанции, и оттуда свисали тонкие кабели. Кабели зашевелились, и из основания башни вылез громадный цилиндрический ковш, зачерпнул прямо под кабелями грунт и, перенеся его на приличное расстояние, сбросил содержимое в огромную воронку вагонетки и стал опускаться за новой порцией руды.

Как примитивно, подумал Джон.

— Эти подъемники руды медленные и громоздкие. На Земле мы не используем такие уже много лет, — раздался голос Нулла, обращающегося к Го-Вани.

«Мы хотели бы провести модернизацию, — согласился с ним Го-Вани. — Возможно, вы сумеете нам помочь.

Почему, удивлялся Джон, я всегда оказываюсь таким медлительным? Почему я стесняюсь, пока кто-то другой выдвигает идею и приобретает за это уважение? Он мрачно улыбнулся. Если бы им нужен был инженерный совет, он бы перещеголял Нулла.

Они спустились в шахту.

— Прикрепить ракетный двигатель к низу этого цилиндра проще простого. Это ускорило бы процесс и башни стали бы не нужны, — сказал Нулл.

«Все не так просто, иначе это сделали бы давным-давно. Выхлопные газы вступят в реакцию с рудой в стенах. Появится радиация, которая вызывает у рабочих сильные ожоги. Я смогу лучше это объяснить, когда мы будем у основания цилиндров», — отметил Го-Вани.

Они зашли в маленький лифт и опустились примерно на полтора километра, прежде чем оказались на одном уровне с дном шахты для руды.

«Этот лифт редко используется, — продолжал объяснение Го-Вани. — Он ведет к заброшенной шахте. Но в ней слой руды оказался слишком тонким для добычи».

Выйдя из лифта, они очутились в гладко отполированном, горизонтальном заброшенном туннеле. Пройдя по нему, они вышли на площадку. На ней покоился огромный цилиндрический перевозчик руды.

«Это — туннель, в котором мы работаем сейчас, — объяснил Го-Вани. — Как я уже сказал, радиоактивность, появившаяся тут из-за реакции с ракетными выхлопными газами и жары, делает погрузку опасной и непрактичной. Конечно, можно перестроить шахты, но это потребует громадного объема работ, и нам сложно на такое решиться».

— Думаю, можно покрыть стенки вертикальной шахту каким-нибудь сплавом, — сказал Нулл.

— Да, но это тоже большой риск, потому что сплав должен выдерживать натиск горячих газов двигателей в течение многих лет.

Мысли Джона заметались. Если бы только он смог выразить свою идею. Он открыл рот, но почувствовал, что язык онемел. Он решил, что есть лишь один способ перестать строить из себя дурака. Он достал из кармана записную книжку и начал рисовать диаграммы и выводить уравнения.

Они шли по дну шахты. Джон погрузился в вычисления и просто мычал, когда к нему обращались, игнорируя тот факт, что Нулл задавал вопросы, довольно умные вопросы, показывающие его интерес.

Когда они вернулись наверх, Джон заметил, что Го-Вани как-то странно на него посмотрел. Запаниковав на секунду, он задался вопросом, не проиграл ли состязание с Нуллом Невинсом, несмотря на рисунки и уравнения в блокноте. Джон протянул листочки Го-Вани.

— Думаю, это решит ваши проблемы, — сказал он.

Го-Вани вскользь глянул на выкладки землянина, но потом его интерес возрос. Он обдумывал уравнения, и в посланных им мыслях проявилась слабая нотка удивления.

«Вы будете следить за стройкой такого сооружения?» – спросил Го-Вани.

– Конечно.

«Совет соберется и обдумает ваше предложение. Мы за вами пошлем. Если сможете построить рабочий лифт вдоль этих линий, то без награды не останетесь».

Зарево первого успеха на переговорах озарило сознание Джона. Он знал, что его план хорош. Это должно было дать ему возможность обойти Невинса. Он взглянул вверх, ожидая увидеть печальное восхищение на лице Нулла. Но вместо этого, Невинс улыбался.

– Он имел ввиду не то, что ты подумал, Дайк, – с довольным видом заметил Нулл. – Твоя проблема в том, что ты не понимаешь моков.

ДЖОН НЕ ПОНИМАЛ, почему замечание Нулла должно его беспокоить. К нему стали относится с большей честью и уважением с тех пор, как его наброски и уравнения увидел Совет, и, тем не менее, смех Нулла Невинса продолжал жить в его голове, заставляя чувствовать себя неуверенно. Поведение живых существ невозможно выразить формулами, и Джону все время казалось, что Нулл понял нечто, упущенное им самим.

До -Ласо пришел в комнату Джона и телепатировал: «Совет рассмотрел ваш план и желает с вами поговорить».

Теперь Джону было легче стоять перед Советом, поскольку он чувствовал, что его уважают. Но он знал, что его вновь охватит немота, если понадобятся какие-то разъяснения.

«Ваша идея кажется понятной и физически осуществимой, – сказал Го-Вани. – Никаких пояснений не требуется. Я лишь только прошу вас проконтролировать ее исполнение».

– Обязательно, – согласился Джон.

«Очень изобретательно. Как вам пришло такое в голову?»

– На Земле есть растения, у которых маленькие круглые семена. Мы называем их горохом. На всем протяжении истории, дети вставляли горошины в полые трубы и выдували, направляя на цель. Когда я увидел цилиндрические вагонетки в полированной шахте, я подумал о детском духовом ружье, – объяснил Джон.

«Понятно. И шахта, неиспользуемая шахта, нужна для создания давления в стороне от рабочих, давления, которое будет выталкивать вагонетки, как горох из детской трубочки».

— Да, — согласился Джон. — Это часто используется в гидравлике. Ничего сложного.

«Ничего сложного, но, тем не менее, мы о таком не подумали», — заявил Го-Вани.

— Если все пройдет гладко, вы заключите договор с «Галактическими Маршрутами» на постройку первого лунного космопорта?

Го-Вани покачал головой:

«Не вижу причин, почему эти две вещи должны быть связаны».

— Вы же сказали, я не уйду без награды, — заметил Джон.

«Конечно, нет. За наблюдение за модернизацией шахты, мы заплатим вам по наивысшей ставке техника. Что касается космопорта, мы поступим так, как посчитаем нужным».

Теперь Джон понял, почему Нулл рассмеялся. Благодарность, как ее понимали земляне, здесь была неизвестна. Если Джон преуспеет в создании газового лифта, его единственной наградой будут деньги. Но если нет... Ужаснувшись от одной мысли об этом, он стал размышлять, испытывают ли моки какие-нибудь чувства при неудаче. Вероятно, что нет... но, тем не менее, Джону что-то подсказывало, что если его идея с лифтом не сработает, то задание будет провалено раз и навсегда. Он мог потерять все и не выиграть ничего. Вдобавок к душевному упадку пришло раздражение, — смеющееся лицо Нулла Невинса не выходило у него из головы.

ДАЛЕЕ ПОСЛЕДОВАЛА НЕДЕЛЯ тяжелого труда в туннеле, — толпы моков работали под надзором Джона. Это отбирало у него энергию и забивало голову, так что, возвращаясь в свою комнату, он уже не мог думать ни о чем другом, и от усталости замергал валился на кровать.

Чтобы наглухо отделить рабочую шахту от ствола лифта, когда газ поднимает цилиндр, замки должны быть сделаны очень искусно: просто и в тоже время с защитой от дурака. Но, в конце концов, им удалось снабдить ими два туннеля.

Реакция, при которой выделялось огромное количество разогретых газов, выталкивающих большую, груженную рудой вагонетку и поднимающих ее на полтора километра вертикальной шахты, должна была быть атомной цепной реакцией, чтобы выделять достаточно энергии. На это потребуются надежные стопоры, иначе вагонетка просто вылетит из трубы в небо, как пробка из бутылки. Так что эту проблему тоже предстояло решить Джону.

Но даже относительно невинные атомные реакции, выбранные Джоном, испускали радиацию. Да, реакция проходила глубоко на дне заброшенной шахты, но, тем не менее, во имя безопасности,

стоило уменьшить излучение, как только возможно, и поглощать радиоактивные частицы огромными решетками экранов, растянутыми по всему туннелю.

Иногда до Джона доходили слухи о Нулле Невинсе. Нулл обедал с Го-Вани. Нулл уехал в тур по столице. Нулла и Го-Вани видели вместе в увеселительном заведении, что уже само по себе было странным, потому что моки не очень-то любили развлекаться.

Но Джон поставил перед собой задачу и времени думать о других вещах, пока не закончит с этой, у него не было.

Наконец, проделанная работа удовлетворила его.

Когда Го-Вани и Совет пришли с предварительной проверкой, их сопровождал Нулл Невинс. В помещении, где нагнеталось давление, Нулл посмотрел на Джона и высокомерно произнес:

— Плохая реакция — слишком нестабильная.

В ответ на вопрос, легко читаемый даже на бесстрастном лице Го-вани, Джон выпалил:

— Для этой реакции подходят лишь два изотопа. Один — очень нестабилен. Второй — безопасный и поддается контролю. Я использую безопасный вариант.

Нулл потряс кудрявой головой.

— Хорошо, тогда не удивляйтесь, если вагонетка вылетит из шахты, как пробка из бутылки. Когда это случится, вы можете подписать договор с «Ракетными Маршрутами Земли», и мы все уладим.

Го-Вани ничего не ответил, но Джон увидел задумчивость в его глазах.

«Мы во всем разберемся. Испытание назначено на завтра», — сказал Го-Вани.

НЕСМОТРЯ НА УСТАЛОСТЬ, Джон плохо спал эту ночь. Здесь, в комнате на Луне, не существовало ни дня, ни ночи, но часы на руке сообщили ему, что уже прошла земная полночь. Ему вдруг начало казаться, что с лифтом для руды что-то не так.

Это ощущение все усиливалось, и в итоге он поднялся с кровати и стал одеваться. Он пойдет в туннель и проверит, что все работает, как надо. Совету оставит сообщение, что утром он будет в туннеле, а не в своей комнате, как планировалось.

С лифтом, казалось, все было в порядке. Реагенты уже были в туннеле. Пульт удаленного управления, необходимый для контроля реакции на расстоянии, работал исправно. Тем не менее, что-то продолжало тревожить Джона. Ему казалось, будто что-то переменилось, что-то изменилось или было уже не таким, как прежде.

Он проверял и проверял, не смыкая глаз, пока не прибыли члены Совета несколько часов спустя. Затем Джон проверил все еще один раз. Все работало, как часы.

— Можете загружать первую партию, — приказал Джон.

Ровный поток маленьких вагонеток стал сбрасывать тонну за тонной грохочущей руды в огромный цилиндрический бак. Когда погрузка закончилась, Джон тихо пробормотал: «Вот и момент истины» и дернул рычаг, собираясь пустить лифт очень медленно.

Но что-то пошло не так, датчики показывали, что цилиндрическая пуля неслась быстрее, чем нужно, гораздо быстрее. Джон рванул рычаг, чтобы остановить реакцию, и увидел, как Нулл Невинс, с триумфом в глазах, глядит на него.

Давление продолжало расти.

Теперь, когда реакция прекратилась, оно должно было падать, но цилиндр двигался вверх по трубе, давление увеличивалось, и цилиндр скользил все быстрее.

Все вышло из-под контроля. С того места, где он находился, Джон увидел, как контейнер с рудой с оглушительным хлопком вылетел из трубы, перевернулся в полете, высипав каменный водопад руды, затем принял горизонтальное положение и начал падать, целясь в одну из башен, расположенных у входа в рудник.

Башня согнулась и накренилась, но прервала полет цилиндра, и он упал, не получив видимых повреждений. Покорёженная башня склонилась над контейнером, как мать над павшим сыном.

Это было невозможно, немыслимо. Но тут злобное лицо Нулла встало у Джона перед глазами, и с нарастающей яростью он понял, что произошло.

Он резко повернулся к Нуллу:

— Я знаю, почему в помещении, где нагнетается давление, все выглядело не так. Ты подменил безопасный изотоп на нестабильный. Я могу это доказать по анализу газов.

Ухмылка Невина уничтожила последние остатки терпения Джона.

— Да нет, не стану я ждать результатов анализа! — рявкнул Джон.

В вспышке первобытной свирепости он набросился на Невинса, сбил его с ног одним ударом, рухнул сверху и стал выламывать Невинсу руку.

— Отпусти меня! Я во всем признаюсь. Конечно, я подменил изотопы. Иначе бы твой лифт заработал, — прохрипел Нулл.

Джон отпустил его, и Нулл поднялся на ноги, улыбаясь и не выказывая никакого раскаяния.

— Я снова скажу, что ты не понимаешь этот народ, — тихо сказал он.

— Вы слышали его признание, — повернувшись к Го-Вани, прорычал Джон.

«Очень любопытный парень», — пророкотала у него в голове мысль Го-Вани.

Джон не сразу понял, что стоит с разинутым от удивления ртом — «Очень любопытный парень». Это означало, что Го-вани не винил Нулла. Он считает это законной частью конкуренции. Пока в Джоне рос гнев, сильный и неуправляемый, он понял, что не совсем справедлив к Го-Вани. Это просто недостаток эмоциональной стороны моков. Они ставят во главу угла логику и факты. А факты оказались бесспорными. Лифт не сработал. Все забытые доводы всплыли в его голове. Клянусь Плутоном! Он покажет им логику!

Голос Джона был сильным и холодным, как ветер, незнакомым ему самому голосом, оперижающим фактами и доводами. В заключение он сказал: «Решайте сами, с кем заключать договор, я и так тут задержался».

«Убедительный аргумент!» — пронеслась у него в голове мысль Го-Вани.

Джон даже не помнил, что говорил. Он весь погрузился в открытие, которое сделал о самом себе. Он забыл, что нужно стесняться. В самую важную минуту, он нашел решение, как почувствовать силу и избавиться от робости.

Джон также знал, с определенной уверенностью, что тогда, на Земле, Дана Шэйн хотела, чтобы ее поцеловали, и теперь, когда они снова окажутся вместе, он знает, как позволить эмоциям одержать верх над стеснительностью.

«Вероятно, даже жаль, что такой эффективный довод пропадет впустую. Правда в том, что мы уже все решили в первый же день вашего пребывания здесь. Мы откладывали объявление, потому что хотели получше изучить вас, больше узнать о ваших странных реакциях. Нам придется вести дела с большим количеством землян, когда откроется порт», — мрачно вспыхнула мысль Го-вани у Джона в голове.

Медленно, с опаской, он посмотрел на Нулла. На губах Невинса играла торжествующая улыбка.

«Вы можете быть свободны, Нулл Невинс, мы подпишем договор с Джоном Дайком», — продолжал Го-Вани.

Джон понял, что на лице его отражается то же удивление, что и у Нулла. Тот резко повернулся и ушел.

Го-Вани смотрел на Джона.

«Почему вы так удивлены, землянин? Нам пришлось оценивать ваши компании по представителям, посланным ими. Наше мнение стало единодушным после первой же встречи. Невинс говорил о прогрессе, славе и величии. Вы говорили о скоростях, энергии и весе».

Джону на мгновение показалось, что Го-Вани вздохнул, словно его посетило едва заметное сожаление.

— Мистер Невинс был очарователен. Такой бесконечно угодливый человек. Как жаль, что он не оказался практичным.

The Lunar Point of View, (Fantastic Adventures, 1950 № 4)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

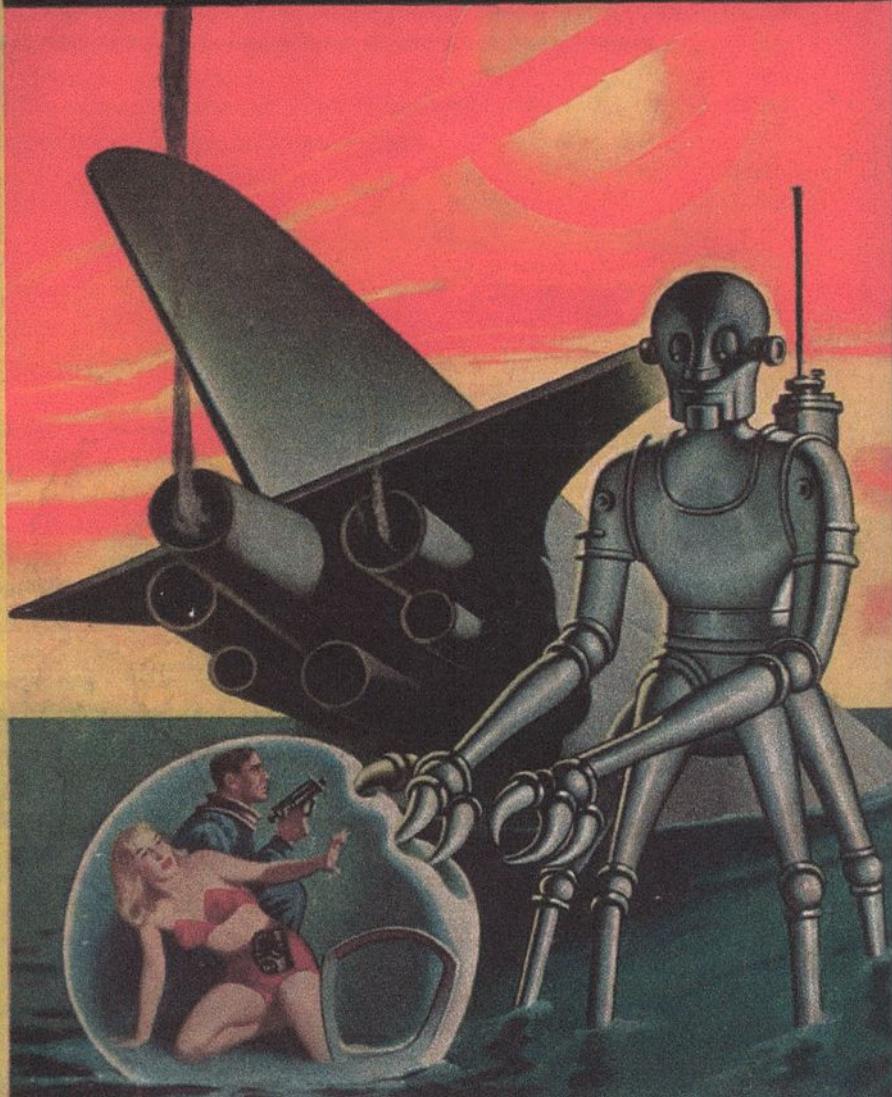

SCIENCE FICTION

adventures

IN THIS ISSUE • MORRISON • NOURSE • SMITH • VAN LHN

FEBRUARY 1953 35¢

ДЖОРДЖ О. СМИТ

УДАЧА КОСМОНАВТА

В небо рванулась дуга света, и, спустя пару секунд, толпу оглушили прокатившиеся по полю громовые раскаты. Они заглушили изумленный вскрик десяти тысяч людей. Зычный голос, усиленный в миллион раз, объявил: «До старта пятнадцать минут!»

На пару секунд в воздухе повисла тишина, затем ждущая толпа одновременно выдохнула. Люди нервно протирали очки, вертели в руках бинокли, или чесали головы в последний взорваный миг, надеясь, что не чихнут в неподходящее время, тем самым пропустив вот-вот ожидаемый старт.

В поле, в фокусе десяти тысяч пар глаз, стояла «Леди Луна». Толпе, издалека, она казалась маленькой, но три человека, стоявшие у хвостового стабилизатора, выглядели просто букашками по сравнению с ракетой.

— Уже почти все, Гордон, — сказал самый старший из них.

Гордон Холт кивнул.

— У меня еще есть минут пять, — нервно сказал он.

— Время для последней сигареты, Гордон, — усмехнулся человек средних лет.

— Только не после того, как я шесть месяцев учился обходиться без курения. Прибереги сигарету до моего возвращения, — сказал Холт, покачав головой.

— Правильно, Гордон. Мы будем тебя ждать. Как себя чувствуешь? — спросил доктор Уолш.

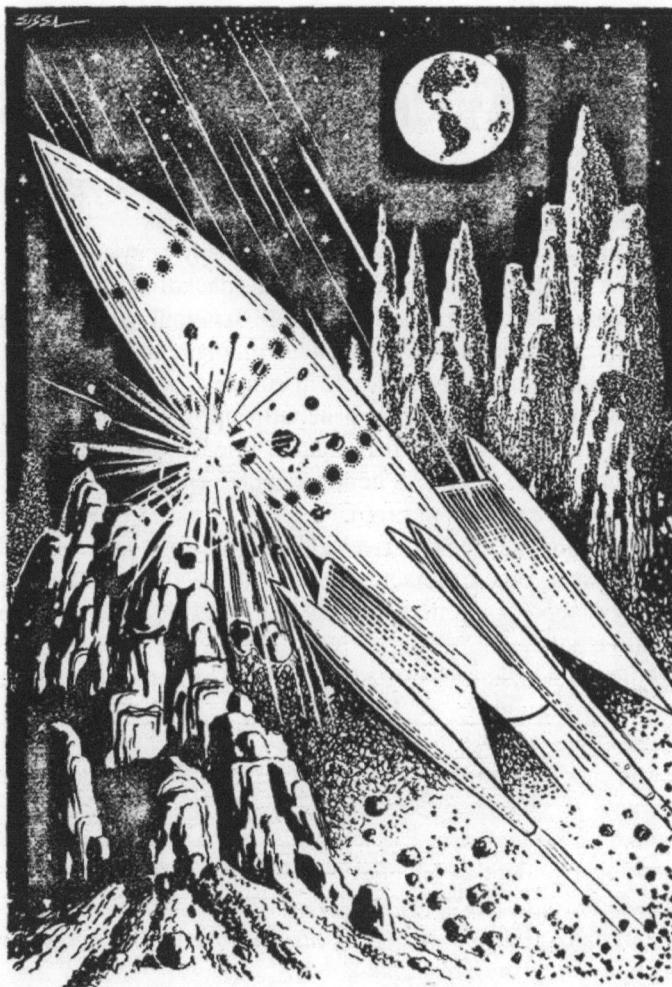
— Хорошо. Только слегка нервничаю.

— Ты будешь знаменитым, как Гварнери*. Тебя обучили всему, ты ко всему готов и знаешь, что делать. Сомневаюсь, что ты когда-либо чувствовал себя лучше, чем сейчас.

Генерал Таун кивнул.

— И не забывай про честь, — сказал он. — Волнение должно вознести твои чувства на новую высоту. Только представь, что ты становишься первым человеком, ступившим на поверхность другого мира.

* Андреа Гварнери (1626—1698) — итальянский скрипичный мастер и основатель династии мастеров Гварнери. (прим. перев.)

— Мне сказали, что это бесплодный мир. Так что чести не больше, чем водрузить стопу на вершину Пайкс Пика*. А теперь там продают открытки.

— К сожалению, все видимые лунные кратеры уже названы, — сказал генерал Таун. — Мне кажется — это почетно... ну, в любом случае, Гордон, мы назовем в твою честь какой-нибудь большой кратер на обратной стороне Луны.

— Но...

---

* Пайкс Пик — гора в центральной части США (4301м) (прим. перев.)

Завыла сирена, и Холт вскочил.

— Вот и все, — сказал он.

— Удачи, Гордон, — сказал генерал, пожимая космонавту руку. Доктор похлопал Гордона по спине, когда тот уже повернулся.

Доктор и генерал забрались в ждущий их джип, а водитель обернулся и прокричал:

— И не забудь привезти с собой деревянный лунный луч!

Холт молча пожал плечами и поднялся по аппарели, ведущей в шлюз. Когда люк уже закрывался, он улыбнулся толпе.

— Деревянный лунный луч? — повторил он вслух. — Да ты смеешься, брат!

Войдя в рубку «Леди Луны», Холт почти автоматически пробежал взглядом по панели управления и стал ждать, почти не дыша, пока радио не пролает ему фразу, велящую включить зажигание, и когда она, наконец, прозвучала, космонавт энергично выполнил инструкцию и с удовольствием погрузился в кресло. Грохот снизу был музыкой для его ушей, — он начал свой путь, и теперь его уже ничто не остановит.

Дело было не только в славе. И не в чести. Холт все спланировал, спланировал с той самой секунды, когда выбрали его.

Для него честь стать первым человеком, ступившим на другой мир, была скучной и неинтересной наградой, которая будет ценной лишь до тех пор, пока кто-то другой не добьется чуть большего. Что может сделать Холт, сидя в космической ракете, несущейся к Луне? Да ни черта. Его ждало совсем не то, что хотелось, и он это знал: все было заранее рассчитано, включая риски, ну, и какое же тут приключение? Высадиться и подобрать пару килограммов пемзы, полкилограмма породы и, возможно, блестящий камешек. Поискать лишайник и мох. Послушать счетчик Гейгера.

Такие скучные истории не описывают в книгах, не снимают в фильмах, за них не дают наград, и они не приносят денег.

Когда двигатель выключился, Гордон глубоко вздохнул. Он летел и знал, что делать дальше.

Его знания человеческой натуры хватило, чтобы все предвидеть. Небольшая авария и вызов о помощи запустят цепочку событий. Не очень удачное приземление, такое, при котором согнутся лопасти стабилизатора или закупорится выхлопная система. Нарочно повредить корабль, чтобы сделать его непригодным для полета. И затем...

Крик о помощи, и весь мир завопит о том, что Человек застрял в чужом мире, беспомощный и одинокий.

Они прилетят за ним.

Да, они пойдут на все, чтобы спасти его. Время и деньги будут выброшены на ветер, мужчины будут бороться, а женщины плакать, и новости по всему миру заполнят сообщения о том, как проходит операция.

Оставьте человека в океане, и военно-морские силы всех стран начнут искать его. Посадите кошку на телеграфный столб, и три сотни людей из кожи вон вылезут, чтобы достать животное. Скиньте ребенка в колодец, и вся деревня примчится его спасать.

Высадите человека на Луну без возможности вернуться, и наблюдайте, как все будут метаться.

У Холта есть запас воздуха, воды и пищи на девяносто дней. И почти все прочее, что нужно человеку для существования. Он может просто сидеть и ждать, и Холт знает об этом. Также он знает, что вторую ракету смогут запустить месяца через два. Он прождет эти шестьдесят дней, и затем...

Это будет история его жизни, рассказ о том, как его спасали, свет софитов и появление на экране. Радио и телевидение раздуют пламя его славы. Женщины, выпивка и деньги...

Холт опустился в кратер Платон хвостовой частью вниз слишком быстро. Оперение стабилизатора смялось, мелкая пыль забила выхлопную систему, запечатав ее, как цементом. С грохотом треснувший шов, со свистом вырвавшийся из герметизированного отсека воздух.

Холт подпрыгнул от удара, но отдался лишь кровотечением из носа и растяжением грудных мышц. Он сел и осмотрелся.

Рация. Холт быстро включил ее и связался с Землей:

— Вызывает «Леди Луна», докладывает Гордон Холт. Авария при приземлении. Возможно, серьезная. Проверю и свяжусь с вами в 03:00.

Он задумчиво посмотрел на радио, — ответ пришел всего через три секунды, но за это время Гордон обдумал, что будет, если он разобьет радио во время следующего сообщения, но затем отбросил эту идею, потому что люди могут подумать, что он погиб. Гордон хотел, чтобы его спасли, а не вручили медаль посмертно.

— Вызываю «Леди Луну». Холт! Ты в порядке? Что случилось?

— Со мной все хорошо. Я не ранен. Авария при посадке, но ничего серьезного. Утечки воздуха нет. Насколько могу судить, полностью из строя ничего не вышло. Сел согласно плану, в середине мертвого кратера, но слегка жестковато.

Так и должны быть. Пусть осознают все постепенно. Так они побыстрее простят меня.

— «Леди Луна», что произошло?

Они беспокоятся.

— Не знаю. Подозреваю, что, если на поверхности лежит слой пемзы, радар неправильно рассчитывает расстояние. Я приземлился, словно расчетная высота оказалась метров на десять ниже реальной.

Это звучит логично. Как мне сказали, такие вещи вполне возможны. Порошкообразное, мелкозернистое вещество без воды не должно иметь твердой поверхности.

— «Леди Луна», изучите повреждения и, как запланировано, дождите в 03:00.

Первым делом Холт проверил воздух. Полным-полно. Не утекло ни грамма. Затем вода и пища. Он проверил корпус ракеты изнутри как можно тщательнее, потом надел скафандр, чтобы осмотреть повреждения снаружи.

Проделанная работа была достойна восхищения. Хвостовое оперение сильно погнулось, и прямо под тем местом, где заканчиваются двигатели, смялся корпус корабля. Если эта ракета взлетит...

— «Леди Луна» вызывает Землю. Докладываю согласно плану. Небольшие повреждения фюзеляжа, стабилизатор не подлежит ремонту. Кратер заполнен мелким пемзовым порошком, и, мне кажется, забита выхлопная система. Попытаться запустить двигатели, чтобы прочистить ее?

Дожидаясь ответа, Гордон нашел кусок проволоки и на секунду закоротил батарею. Он должен пропадать из эфира постепенно, чтобы уж совсем одурачить их.

— «Леди Луна», не делайте этого. Вы взорветесь. Ждите дальнейших указаний.

— Вас понял. Конец связи.

Он замкнул батарею еще пару раз и поглядел, как падает на нуль стрелка вольтметра.

— «Леди Луна», можете добраться до выхлопной системы?

— Попробую. Батарея разряжается. Все остальное вне опасности. Пища, вода, воздух в порядке. С рацией проблем нет, но заряд падает.

Время тикало, и Холт живо себе представлял, как весь мир собирается проводить первую в мире спасательную операцию в космосе. Вместе с операторами, журналистами, духовенством, политиками и замершим в ожидании человечеством.

— «Леди Луна», повторите. Вы пропадаете.

Холт повторил, настаивая, что все работает нормально.

— Я с этим справляюсь. Я с этим справляюсь.

Он смотрел, как разряжается батарея.

Пусть так и будет. Он сможет вынести двухмесячное молчание, пока не прибудет помощь.

Миллиард человек слушали, как пропадает его голос. И когда радиосвязь умирала, люди мчались к телефонам и забили все линии связи, требуя, чтобы были предприняты какие-то меры.

Политики выступали с речами, священники читали проповеди, медики высказывали свое мнение, а ученые спорили друг с другом. Правительство одной страны, редко участвующей в международных делах, объявило, что их новая ракета с атомным двигателем поможет им справиться с проблемой собственоручно. Но корабль взорвался прямо перед телекамерами, нанеся урон окружающей приличной территории. Совет Объединенных Наций собрал экстренное совещание. Газеты и новостные сети освещали все подробности.

Человек, знаменитый своим умом, вышел в эфир.

— Батареи «Леди Луны» разряжены, — сказал он. — У нас есть всего десять дней, чтобы добраться туда.

Они попытались.

Вторая ракета взорвалась во Франции.

Третья — в Германии. Четвертая не может быть подготовлена к взлету еще шестьдесят дней.

Это — семьдесят долгих дней с момента высадки Холта.

Если чуда не произойдет, Холт будет мертв, даже если эксперты ошибались.

Протестанты молились, католики крестились, мусульмане назвали прошедшее роком и выкинули из головы. Ученые говорили о том, что, раз в Солнечной системе нет пригодных для жизни планет, а человечество никогда не сможет достичь других звезд, то велика вероятность, что космические путешествия вообще не окупятся. Экономисты подсчитали, сколько денег уже потрачено, и назвали эту затею чертовски глупой. Сенатор Макьюли сказал, что будут снижены налоги, если прекратятся такие расходы.

Десять дней с момента аварии мир молился о судьбе Гордона Холта.

Потом топливные баки второй ракеты, расположенной в Уайт-Сэндс*, постепенно покрылись паутиной.

А «Леди Луну» накрыла двухнедельная ночь. И в ней становилось все холоднее и холоднее...

Spaceman's Luck, (Science Fiction Adventures, 1953 № 2)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

---

* Уайт-Сэндс — национальный парк на юге США. (прим. перев.)

A
N
C

TODAY'S SCIENCE FICTION—TOMORROW'S FACT •

AUG. 25c

STARTLING

stories

A THRILLING PUBLICATION

featuring **THE LOVERS** a novel by Philip José Farmer

and **THE HOUR OF THE MORTALS**

a novelet by Kendell Foster Crossen

ЧАРЛЬЗ Э. ФРИЧ

МАЙОР ВЕНТУРА И ПРОПАВШИЙ СПУТНИК

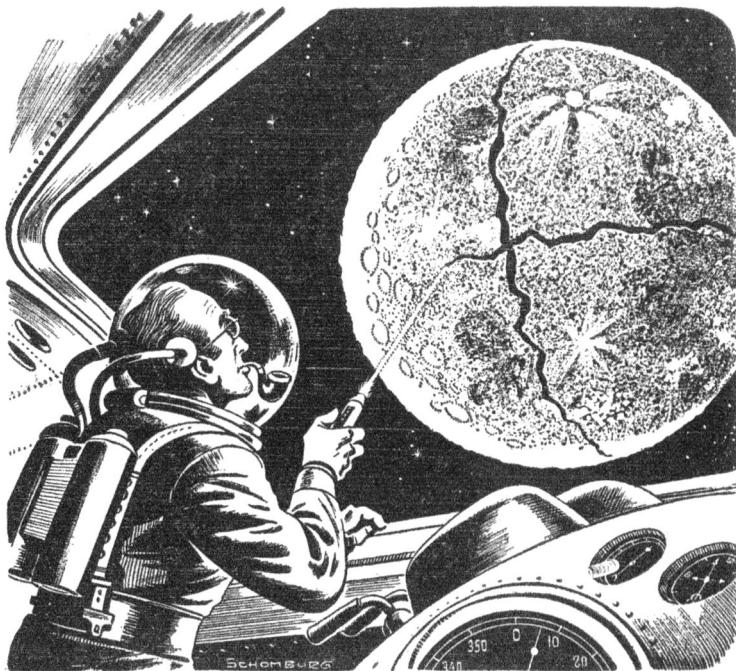
ДЖО СТАЛЛИНГ полулежал в кресле в кабине космического шаттла с откидным верхом, покидая атмосферу Земли, и без особого интереса вглядывался в ожидающую его белесо-серую поверхность Луны через стекла очков в роговой оправе.

Она походила на большой кусок грязного теста, неприятный для всех, кроме четырех человек, там живущих, и, глядя, как этот кусок увеличивается за лобовым иллюминатором корабля, Джо Сталлинг задумчиво выпускал клубы дыма из изогнутой трубки, крепко сжимая ее тонкими, бесцветными губами.

Обычный человек, возможно, был бы напуган, если не бледной пустыней Луны, то уж точно теми четырьмя, что сделали ее своим домом: Сэмом Галилео и его тремя спутниками, которые и людьми-то не совсем были. Но Джо Сталлинг не был обычным человеком. Он был детективом, привыкшим к опасности, уверенным, что сможет выйти из воды сухим и невредимым, даже если эта четверка все еще там.

Только ее там не было. Джо Сталлинг точно знал это, потому, что дружил с Абнером Берни, маршалом Межпланетного Патруля, который, в свою очередь, был приятелем майора Вентуры и трех не совсем людей, обитающих на спутнике Земли, а, при наличии некоторого терпения и пары-тройки стаканов атомного пива, из маршала можно было вытянуть любой секрет. Джо знал, что четверка отправилась в какой-то чужой мир, совершая деяния, из-за которых они и стали известны, и каждый из них удостоился почетного звания космического орла, наивысшего чина, выдаваемого космическим разведчикам.

Глазки Джо Сталлинга блеснули за толстыми стеклами очков, и он улыбнулся сквозь клубы дыма. Пока Вентура и его команда отсутствуют, проблем не будет. Все, что ему надо сделать, это избежать ловушек, расставленных ими, чтобы запутать незваных гостей, и он свободен. Больше никаких расследований. Джо всегда умел разглядеть выгодное дельце, и недавно ему пришла в голову отличная идея. Все, что требовалось, так это немного храбрости и куча денег, и Джо был уверен, что ему хватит и того, и другого.

MAJOR VENTURE and

By **CHARLES E. FRITCH**

*All the world loves a hero, but when
everybody tried to get into the act, the hero
backed off to a world of his own!*

Он нагло высадился прямо у самых ворот крепости, в которую собирался вторгнуться. С минуту Джо просто сидел, куря S-образную трубку и рассматривая ржавеющее прямоугольное сооружение, слегка покосившееся на один бок. Со зданием это случилось сразу же после постройки, но Вентура и его подчиненные не стали его чинить, сделав вид, будто так и было задумано. Джо нацепил шлем, и черные клубы дыма сразу же заполнили пластиковый пузырь. Джо подвигал специальной ручкой, облако рассеялось. Вдыхая свежий воздух, он обрадовался, что дым из трубки, все еще на-

ходившейся у него во рту, будет уноситься быстро и эффективно, а взамен будет поступать свежий воздух. Теперь Джо был готов.

ОН ОТКРЫЛ люк, воздух резким потоком вырвался наружу, сдувая мелкую, белую пыль. Джо с трудом выбрался из космического корабля, поскольку его движения стали неуклюжими из-за громоздкого костюма и слабой гравитации. Он был детективом, а не космонавтом, и вынужденная неловкость раздражала его так, что он яростно запыхтел изогнутой трубкой, а его негодование выросло вдвое, когда вентиляция перестала справляться с очисткой воздуха в шлеме.

Джо Сталлинг подошел ко входу в строение и обнаружил, что дверь заперта. Он позвонил в звонок, развеселившись при виде совсем нового коврика у входа с надписью «Добро пожаловать». Конечно, никто ему не открыл, Джо страшно бы удивился, если бы кто-то подошел к двери, – так что это было простой формальностью. Подождав секунду, он вытащил служебный бластер и вышиб дверь зарядом энергии. Вернув оружие в кобуру, Джо вошел и наткнулся на первую ловушку Вентуры. Он даже не подумал вернуть на место упавшие с натянутой через проход нитки пустые жестяные банки. Просто пошел дальше и наткнулся на вторую преграду – муку, насыпанную широкой полосой перед внутренней дверью.

the MISSING SATELLITE

Джо Сталлинг на секунду остановился, глубоко восхищаясь изобретательностью обитателей этого места. В обычном случае, можно было ожидать датчиков движения, скрытых микрофонов, электрических барьеров. Но к такому среднестатистический человек не был бы готов. Даже детектив бы не догадался, если бы заранее не вывел все у Абнера Берни, который, наравне с Джейн Крендлл, был одним из лучших друзей майора Вентуры.

Ноги Джо оставили глубокие отпечатки в муке, когда он без всякого стеснения прошел по ней. Что с того, что у них будут отпечатки его ботинок? Никто и никогда их не увидит. Смеясь, словно это было шуткой лишь для посвященных, он вошел в лабораторию.

Она занимала большую часть здания, а приборы, верстаки и колбы с химическими веществами, в свою очередь, занимали большую часть лаборатории. Джо Сталлинга не интересовали химикаты, и он переключил внимание на различные устройства.

Он знал, как выглядит то, что искал, но тут было столько приборов, что найти нужный оказалось непросто. Наконец, Джо достал его из покрытого паутиной угла, сдул с него пыль и с восторженным криком вынес на пробивающийся через окно солнечный свет.

Прибор выглядел, как обычный двухбатареечный фонарик, не считая того, что на нем были сотни крошечных кнопок на боку цилиндра. Руки Джо зачесались, когда пальцы пробежали по ним, но он вынудил себя осторожнее, вспоминая предназначение прибора, которое он вычитал в якобы секретных документах архива Межпланетного Патруля – доступ к которым был ограничен даже для маршала Берни.

Джо направил предмет на здоровый лабораторный стол в углу помещения и с крайней осторожностью надавил на кнопки. Появившийся луч света разрезал верстак ровно пополам. Джо нажал еще несколько кнопок. Луч вырвался вновь, но на этот раз две половины соединились обратно, словно никогда и не разделялись.

За очками с толстыми стеклами, глаза Джо Сталлинга триумфально заблестели, а восторженные клубы дыма начали пыхать из трубы под пластиком шлема.

Джо выбежал из комнаты. Спустя несколько минут, он уже рассекал космос, а складной верх космического шаттла был откинут. Сделав крутой вираж, он достал прибор. Из него вырвался луч света, и на поверхности Луны появилась длинная вертикальная трещина. Джо махнул фонариком горизонтально, и расщелин стало две.

Смеясь сквозь зубы, крепко сжимающие трубку, Джо Сталлинг направился к Земле. Луна позади разделилась на четыре части.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО дней, «Кожура апельсина» – космический корабль Вентуры – вернулся на орбиту Земли. Его так называли потому, что он был выкрашен в ярко-оранжевый цвет и действительно напоминал апельсиновую кожурку.

– Ого, – сказал андроид Эрго, смотря из иллюминатора на зеленую планету. – Будет здорово снова попасть домой и встретиться с земными красотками.

– Ха! – прокатился по кабине мощный голос робота Краба. – Это все, о чем ты мечтаешь? Но ты же андроид! – И он блеснул глазами на Эрго.

– Может, если бы ты был хоть немножко человеком, – воскликнул Эрго, – то такие штучки тебя бы тоже привлекали.

Для непосвященных являлось большой редкостью видеть, как Эрго говорит или даже слушает. Когда его случайно создал в лунной лаборатории отец майора Вентуры, пытавшийся сделать более утолшающие таблетки, но взяв не те химикаты, в конструкции Эрго

было допущено несколько мелких просчетов. Во-первых, головные связки располагались слишком близко к ушам, так что он использовал уши для того, чтобы говорить, а не слушать, и, когда он произносил слова, уши шевелились так же, как обычно открываются и смыкаются губы. А для того, чтобы слышать, андроиду приходилось разевать рот, и его внимательность часто принимали за ротозейство, что было вполне объяснимо.

— По крайней мере, — пробурчал робот, сильно обижающийся на любой намек о том, что у него чувств, — я родился не в чане с мерзкими, вонючими химикатами.

— А-а, я и забыл, что твой папаша — мусорный бак, — безжалостно парировал Эрго.

Вообще-то, папа Краба был подъемным краном, но насмешка попала точно в цель.

— Сэм, — электронные глаза робота умоляюще уставились на единственного человека среди экипажа. — Сэм, скажи ему, чтобы прекратил.

— Так, вы двое, — сказал землянин, — заткнитесь!

Сэм Галилео, в миру известный, как майор Вентура, обратился к мозгу команды — Симону Простейшему.

— Танцовщицы с Альфа Центавры были просто шикарны, не так ли?

— Да уж, Сэмюель, — металлически ответил Симон. — Я почти захотел снова стать человеком.

СИМОН ПРОСТЕЙШИЙ когда-то и был человеком, звали его тогда просто Сэм. Но это было до того, как его галстук попал в посудомоечную машину в баре, где он работал. Результат мог бы оказаться плачевным, не заскочи отец Вентуры пропустить стаканчик. Почти без размышлений, старший Галилео оперировал Симона Простейшего прямо на барной стойке, и быстро удалил человеческий мозг вилкой для размешивания коктейлей. Не зная, что делать с этой мокрой массой, он кинул ее в плевательницу, с тех пор ставшую для Симона домом.

В течение последующих лет производились доработки: глаза на ножках, притягивающие лучи, и многое другое, но Симон всегда немного стеснялся своего незамысловатого вместилища. Однако, как подчеркивал Сэм Галилео, это явилось отличной маскировкой, когда они выслеживали главных контрабандистов пива в том баре на Альфа Центавре. Негигиенично, зато удобно, и Симон этим утешился.

— Да, — вздохнул Сэм, — снова вернуться в хижину, кажется, будет просто отлично.

Он решительно мотнул головой, его рыжий парик заколыхался, угрожая свалиться с головы. Волосы, когда-то огненно-рыжие, поредели, и парик теперь покрывал нелепо выглядящие, оставшиеся клочки. Только подчиненные Сэма знали, что он носит парик, и поклялись об этом никому никогда не рассказывать.

Робот Краб застонал.

— Эти ноги меня просто убивают, — сказал он, плюхнулся в кресло, длинными металлическими руками потянулся вниз и отсоединил обе ступни. — Когда мы вернемся в хижину, я радостью надену более удобную пару.

— Стареешь, — тут же воскликнул ушами Эрго. — Этак через годик нам придется тебя продать.

— Это действительно так?! — сердито воскликнул робот.

Он угрожающе взмахнул руками и, забыв, что у него нет ног, встал, чтобы схватить андроида. Естественно, грохнулся прямо металлическим лицом об пол. Эрго, смеясь, отскочил в сторону, но врезался в стену. Последним залился смехом лежащий на полу Краб.

Сэм Галилео осматривал космос, и его лицо с каждой секундой становилось все более озадаченным.

— Симон, а где Луна? По твоим данным, она должна быть прямо перед нами.

Симон Простейший тут же засмутился, насколько это возможно для плевательницы.

— Знаешь, я никогда не был силен в математике, — сказал он в качестве оправдания.

— Ну, — размышлял Сэм, впечатленный собственной логикой, — не могла же она вообще пропасть. Давайте посмотрим с другой стороны Земли.

«Апельсиновая кожура» развернулась, огибая планету.

— Во имя Христа, босс, — глядя в иллюминатор, сказал Эрго, — мы, наверное, не туда попали. Это не Земля.

— Не будь дураком. Конечно, это Земля.

— Присмотритесь, — настаивал андроид. — Там слишком много воды.

Они посмотрели. Там и, правда, было ее слишком много. Планета оказалась почти полностью затоплена.

— Смотрите. — Металлический палец Краба указывал туда, где на поверхности планеты появились какие-то вспышки.

— Сигнал, — сказал Симон, и голос его эхом отразился от стенок плевательницы. — Земля в опасности. Нужно как можно быстрее встретиться с Абнером Берни!

— Я не могу, — запротестовал Сэм. — Только не в этом драном парике.

— Но Сэм, Земля, может быть...

— Сначала найдем Луну, — упрямо ответил человек.

Симон фигулярно пожал плечами, и «Апельсиновая кожура» продолжила рассекать космос. Но, спустя несколько минут, Сэм удивленно посмотрел на своих компаний.

— Тут что-то нечисто, — в ужасе сказал он. — Ее тут нет. Луна пропала!

АБНЕР БЕРНИ, маршал Межпланетного Патруля, нервно расхаживал по своему кабинету на восемьдесят шестом этаже, тряся этажами выше уровня воды в городе. Его волосы напоминали пучки хлопка, лицо — обожженный, морщинистый бурдюк, а из-под длинного носа свисали густые усы.

— Ну, почему он еще не явился? — жаловался Абнер. — Он точно видел знак, а сигнальные ракеты стоят кучу денег. Он уже должен тут быть!

— Успокойся, Эйб, — посоветовала Джейн Крендлл, затащила свое пышное тело на стол и беззаботно закинула ногу на ногу. — Я так же тревожусь за него, как и ты.

— Не называй меня Эйб! — Берни плюхнулся в кресло и стал угрюмо рассматривать ее стройные ножки. — Если кто-нибудь и может разобраться в этой чертовщине с Луной и непонятно откуда взявшейся водой, так это майор Вентура.

Джейн Крендлл всегда была рада услышать похвалу в адрес Сэма Галилео, поскольку это служит ей отличным объяснением, почему она еще до сих пор не заманила его в свои сети. В конце концов, чего девушка не сделает ради мужчины с такими великолепными выющиеся волосами. Когда он, наконец, прибудет, она хотела бы произвести наибольшее впечатление. Джейн гребла всю дорогу от своего дома до здания администрации, в котором находилась штаб-квартира Межпланетного Патруля... гребла, несмотря на тугой корсет и тушь, не выносящую влагу. Но такой мужчина, как напомнила себе она, стоит того, чтобы пройти ради него огонь и воду.

— У тебя отличные ноги, — заметил Абнер вслух.

— Правда? — немного покраснев, сказала она, притворяясь смущенной, и попыталась опустить юбку, но случайно подняла ее еще на пару сантиметров.

Пора бы уже старому дураку это заметить, гневно подумала она. Конечно, у нее отличные ноги. Разве не за нее голосовали «Космонавты на пенсии» и «Лига выживших», как за «девушку, которую

они бы хотели увидеть заблудившейся на Стрельце»? Эта формулировка всегда смущала Джейн, но она утешала себя тем, что старики хотели сказать этим только хорошее.

Седеющее лицо Абнера Берни вдруг просияло.

— Кажется, я слышу, как топают металлические ноги Краба. Наконец-то прибыл майор Вентура.

Джейн Кренделл довольно поерзала на столе, пригладила торчащую прядь выующихся волос и, достав из сумочки зеркальце, быстро посмотрелась в него. Затем нацепила свою лучшую улыбку и, захлопав ресницами, повернулась к дверному проему.

— Абнер! Джейн! — радостно воскликнул майор Вентура. — Рад снова вас видеть!

За ним, тяжело ступая, тащились Краб, Эрго, с открытым ртом и, плывущая в метре на полом, плевательница Симона.

— Ты как раз вовремя, — тепло пожимая руку Сэма Галилео, сказал Абнер Берни. — У нас уже заканчивались сигнальные ракеты.

СЭМ ПРИСЕЛ, не обращая внимания на хлопающие ресницы Джейн Кренделл.

— Извините, мы опоздали. Мы... — он улыбнулся своим мыслям. — Это звучит безумно, но мы не могли найти Луну.

Покрытая пучками хлопка, голова Абнера Берни мрачно кивнула.

— Луны нет, Сэм. Исчезла.

— Что?

Майор Вентура привстал от удивления. Краб принял снимать жмуущие ноги, но, услышав такую новость, замер. Уши Эрго открылись от изумления. И только раковина Симона, казалось, никак не отреагировала.

Маршал снова кивнул.

— Это произошло пару дней назад. Луна сначала треснула по вертикали, а потом и по горизонтали. Распалась на четыре части, которые вскоре исчезли. Затем на Земле стала подниматься вода.

— Там осталась моя самая удобная пара ног, — разочарованно произнес Краб.

— И мой лучший п... — начал Сэм Галилео, но тут же замолк и посмотрел на Джейн Кренделл, с любопытством рассматривающую его растрепанную шевелюру.

Он встал и принял расхаживать по комнате, представляя теперь трудную мишень для ее взглядов.

— Нам надо найти пропавшие части Луны. В хижине полно ценных вещей, — сказал Сэм, а его компании единогласно согласились с ним.

— Для начала нам надо что-то сделать с Землей, — сказал Абнер Берни, — пока под водой не окажется вообще все.

— Мы делаем все, что можем, Абнер, — по-братски кладя руку на плечо маршала, сказал майор Вентура.

— Но уж для самого начала, — произнес Берни, — я бы хотел тебя кое с кем познакомить.

Он нажал кнопку на столе.

— Один из лучших детективов Межпланетного Патруля. Он жаждал помочь, и я подумал, что это может пригодиться.

Глянув в дверной проход, они увидели, как в комнату входит низенький худощавый человек с бледным лицом и толстыми очками в роговой оправе. В тонких губах он держал изогнутую трубку, которой небрежно пыхал с неизменной регулярностью.

— Майор Вентура, — гордо сказал Абнер Берни, — хочу тебе представить Джо Сталлинга.

С ЭРГО ЗА штурвалом, «Апельсиновая кожура» рассекала гладь поднявшейся воды. Джейн Кренделл настояла, чтобы они ввосьмьмером отправились в путь и обдумали, как решить проблему.

— Думаю, — выдыхая густое облако дыма, сказал Джо Сталлинг, — что Луна треснула от старости и возникшие в результате силы послужили причиной подъема воды. Наверное, единственное, что мы можем, — это покинуть планету.

— Девяносто процентов людей так и сделали, — сказал Абнер Берни. — Улетели на Марс, Венеру и астероиды. Но это не решило проблему.

Сэм кивнул.

— В любом случае, нам точно стоит отнести вариант злодейского умысла. Это наверняка природная катастрофа — ни один человек не смог бы совершить подобного, если только... — его глаза сощурились, а в голову, очевидно, пришла мысль.

— Если только что? — Придвинулся ближе Абнер.

— Я хотел сказать, если только у него нет «Нечтоненазываемого».

— «Нечтоненазываемого»? — почесал голову Абнер Берни.

— Такого приборчика, который мы не знали, как назвать, и, в конце концов, остановились на «Нечтоненазываемом». Он похож на фонарик, но может как разрезать любые объекты, так и соединять вместе, то есть притягивать и отталкивать все, на что направлен.

— Думаешь... — прошептал Абнер Берни.

Сэм пожал плечами.

— Считаю это возможным. Кто-то мог украсть прибор, а затем разрезать Луну на части и утащить обломки вглубь Вселенной.

— А не слишком ли безумно это звучит? — спросил Джо Сталлинг.
— Зачем кому-то творить такое?

— Может быть, чтобы прославиться? — в шутку предложил Абнер.
Джо Сталлинг, ничего не сказал, но вместо этого выдохнул облако дыма.

— Что делаешь, Симон? — спросил майор Вентура у мозга.

Плевательница молча подняла в воздух калькулятор и начала тыкать манипуляторами по клавишам. В маленьком прямоугольном окошке прибора стали беззвучно появляться различные числа.

— Я считаю объем поднявшейся воды, — зазвенел металлический голос плевательницы.

— А-а..., — задумчиво протянул Сэм Галилео, удивляясь, зачем Симон этим занялся.

Джо Сталлинг подошел туда, где заполненная мозгом плевательница проводила расчеты. Изображая интерес к вычислениям, он как бы невзначай выдохнул облако дыма, окутавшее торчащие глаза мозга, и быстрым движением нажал несколько клавиш на вычислительном устройстве, которое с безмолвной точностью учло введенные цифры.

— Просто отлично, — изливалась свои проблемы Джейн Кренделл на бесчувственного Краба, — я тут стою, молодая и красавая, с отличной фигурой, одна среди кучки достойных мужчин, и что происходит? Ничего, — с отвращением добавила она, когда никто ничего ей не ответил.

Краб не сочувствовал ей. У него болели ноги. Он ослабил их крепления, но был не уверен, прилично ли совсем их снять в присутствии стольких людей. Он не хотел, чтобы Эрго дразнил его за отсутствие хороших манер.

— Сэм! — раздался голос мозга из-за калькулятора. — Сэм, ты только взгляни!

Все с удивлением обступили его.

— Объем воды, — восторженно кричал Симон, — в точности равняется объему, который может быть вытеснен Луной.

Глаза майора Вентуры загорелись изнутри ярким пламенем.

— Ты понимаешь, что это значит? Части Луны, должно быть, упали куда-то в океан, что и вызвало повышение уровня воды!

За очками в темной оправе, глаза Джо Сталлинга закрылись. Зубы сжали трубку, как тиски, и он медленно сосчитал до десяти. Симон не был слишком хорош в математике и, вероятно, допустил ошибку в первоначальных расчетах. Детектив выругался в душе. В попытках сбить команду Вентуры со следа, он случайно исправил ошибку!

«АПЕЛЬСИНОВАЯ КОЖУРА» неслась над океанским дном, разыскивая затонувшие фрагменты спутника. После открытия Сэма Галилео, обстановка стала напряженной, и все сгрудились у иллюминаторов, вглядываясь в мутные воды, освещенные рыщущими прожекторами корабля.

Все, кроме Джо Сталлинга. Детектив, размышая, сидел в углу превратившегося в подлодку корабля и тяжело вздыхал. Инстинктивно он чувствовал, что его планы уверенно идут под откос, поскольку знал, что рано или поздно они наткнутся на такой огромный объект, как кусок Луны.

Победный крик Сэма Галилео: «Вот оно!» побудил детектива к решительным действиям. Пока остальные обсуждали открытие, он быстро надел скафандр, и, крепко держа в руке «фонарик», зашел в шлюз.

— Ты и Краб останетесь в корабле, — приказал Сэм Галилео, обращаясь к Эрго. — Остальные надевайте скафандры.

Нервничая, они подчинились. Джейн, будучи женщиной, оказалась первой, кто заметил, что не хватает одного члена команды.

— Где этот Джо... как там его?

Ей ответил озадаченный голос Эрго, напряженно вглядывающегося в иллюминатор.

— Джо снаружи, — ответил он, неистово хлопая ушами. — Босс, у него «Нечтоненазываемое»! — закричал он в панике.

Сэм Галилео побледнел.

— Что? Значит, это он и стоит за всем этим. Джо всю дорогу пытался сбить нас с толку, — произнес он, а потом задумчиво добавил. — Я все не мог понять, почему расчеты Симона вдруг оказались верными.

— Мне математика никогда не давалась легко, — извинился Симон Простейший.

Их размышления прервались, когда «Нечтоненазываемое» разрезал корпус «Апельсиновой кожуры» пополам, и поток бушующей воды разбросал экипаж по океанскому дну.

Встав на ноги, Краб внезапно обрадовался, что лишь ослабил их крепления, а не снял совсем. Робот шагнул вперед, но ему это удалось с большим трудом, а следующий шаг потребовал еще больших усилий. Тут до него дошло, — он давно не пользовался смазкой, — вот почему майор Вентура хотел, что бы он остался на корабле: от воды его суставы начали ржаветь!

— Эрго, банку со смазкой, — провопил он.

— У меня тут тоже проблем полны уши, — выпуская пузыри из ушей, пожаловался андроид. — Вода растворяет химикаты в моем теле!

Пока он это говорил, его тело стало тонким, практически прозрачным.

— Сэм, — закричал Эрго. — Сэм, что мне делать?

Одетая в скафандр фигура Сэма Галилео появилась в поле зрения.

— Эрго, быстро заползай в левое ухо Краба. Не спорь. Просто делай.

Эрго посчитал идею идиотской, но в таком отчаянном положении спорить не стал. И затем удивился, как целый андроид смог поместиться в таком маленьком пространстве.

— То, что осталось от твоего тела, легко сжимается, — объяснил майор Вентура. — А теперь, Краб, заткни ухо указательным пальцем.

С громким скрипом Краб выполнил, что ему сказали, запирая химикалии Эрго там, куда вода не могла до них добраться.

— С ними все будет хорошо, — сказал мозг, плавающий в паре метров от них. — Давай зайдемся Сталлингом.

Сэм кивнул, но им не пришлось далеко плыть. Детектив уже ждал их неподалеку, с блеском в глазах, дерзко выющимся дымом, выходящим из трубки, зажатой между губ, и «Нечтоненазываемым», направленным на них.

— Сэмюель, берегись! — закричал Симон.

СЭМ ГАЛИЛЕО пригнулся как раз перед тем, как луч света рассек воду над ним, он упал, а его парик съехал на лоб. Он не мог достать парик через пузырь шлема, и вода забурлила, когда Сэм яростно затряс головой в отчаянных попытках вернуть ослепивший его парик на место.

— Симон, — беспомощно сказал он. — Я ничего не вижу.

Но плевательница оказалась в безвыходном положении, потому что «Нечтоненазываемое» теперь был направлен на нее. Сэм не мог понять, куда делись Абнер Берни и Джейн Кренделл.

— Краб, — закричал он, — сделай же что-нибудь.

Робот едва мог вообще двигаться, но из последних сил сумел замахнуться правой ногой. Слабо прикрепленная ступня оторвалась и, проделав в воде изящный пируэт, попала точно в шлем Джо Сталлинга.

— Прямо в яблочко, — ликующее выкрикнул Симон.

Шлем треснул от удара тяжелой металлической ноги. Когда внутрь ворвалась вода, лицо Сталлинга приобрело удивленный вид, а трубка потухла.

Чихнув с невероятной силой и одновременно дернув головой, майор Вентура сумел вернуть парик на законное место. Быстрым движением он схватил Симона и надел раковину на голову захлебывающегося детектива.

— Но, Сэмюель, я же теперь вверх ногами... — запротестовал было Симон.

— Мы не можем дать ему утонуть, — сказал Сэм мозгу. Пусть будет так, пока не вернемся на «Апельсиновую кожуру».

— Но она же развалилась пополам.

Сэм наклонился, подобрал «фонарик» и ласково его погладил.

— Ты что, забыл? Эта штуковина может обо всем позаботиться.

Так и случилось. Пара вспышек света, и «Апельсиновая кожура» стала, как новенькая. Проржавевшего Краба и находящегося в его ухе Эрго занесли на борт, а за ними последовал Джо Сталлинг с плевательницей на голове.

Сэм нашел Абнера Берни и Джейн Кренделл неподалеку, обездвиженных причудливым стечением обстоятельств. Выстрел «Нечтоненазываемого» отбросил их, сплавив шлемы в один большой пузырь, так что теперь они напоминали сиамских близнецов, сросшимися головами. Сэм помог им подняться на корабль, вытащил из затруднительного положения и извинился за свою медлительность.

— Ничего страшного, — краснея, сказала Джейн, вцепившись в руку Абнера. — Я была не против.

Абнер Берни хрюкло захихикал.

— Мне даже понравилось, — сказал он сквозь покрытые помадой усы.

Бедняга, подумал Сэм, у него весь рот в крови.

— А ты как? — спросил Сэм у мозга, поворачиваясь к нему.

— Порядок, — ответил мозг. — Пока голова Джо Сталлинга была в моей зад... кхм... в моем футляре, мы с ним побеседовали. Знаешь, его намерения были не такими уж и плохими. В конце концов, Луна особо никому не нужна, и мы всегда могли бы построить искусственную. Да и воды много не бывает.

Сэм Галилео побледнел. Находясь вниз головой, Симон, вероятно, тронулся умом.

Эрго выполз из уха Краба, представляя собой пластичную массу веществ.

— Знаешь, Сэм, — сказала масса, — Мы с Крабом раньше и не подозревали о наших способностях. А почему бы нам не давать представления? Звучит отлично, как ты считаешь?

Майор Вентура едва расслышал массу химиков с голосом андроида. У него вдруг появилось странное желание тихонько подойти к ближайшей стене и побиться об нее головой, чтобы убедиться в реальности происходящего.

— Я проснусь, когда вернусь домой, — сказал он себе.

Потрясенный, он сел в пилотское кресло, автоматически потянул нужные рычаги, и, с тошнотворным ускорением, «Апельсиновая кожура» ринулась вперед.

ПРОШЛИ ГОДЫ. Фирма Сталлинга и Симона процветала, занимаясь торговлей во всех уголках не только нашей Галактики, но и некоторых других. Луна стала редкостью, реликвией из прошлого, а часы на цепочках, подставки для книг и другие сувениры, сделанные из нее, отлично продавались.

Комедийный дуэт Эрго и Краба мгновенно стал сенсацией, и много лет венерианский дворец сотрясался от смеха, вызванного их номерами. Краб стал очень метко швыряться своей ногой, с легкостью попадая в обруч, который держала симпатичная венерианская девушка, облаченная в короткий костюмчик, а Эрго занимался тем, что растворялся в чане с водой на глазах у публики: позже его, конечно, отфильтровывали и восстанавливали.

Новобрачные Абнер Берни и Джейн Крендлл были удовлетворены искусственной луной Простейшего-Сталлинга (модель 3D), заявивших, что она обладает такими же свойствами, что и старая. Абнер и Джейн утверждали, что в течение медового месяца, проведенного на ней, они не заметили никаких различий.

Что касается майора Вентуры, то он просто исчез, и большинство считает, что он сейчас сражается в каком-то чужом мире, расположеннем в сотнях световых лет отсюда. Но некоторые думают иначе.

Например, можно услышать истории о бродяге с Меркурия, чей рыжий парик, опаленный жарким меркурианским солнышком, очень сильно похож на знаменитые огненные кудри майора Вентуры. Бродяга – невысокий человек с брюшком, чьи зубы давным-давно расплавились от радиоактивных напитков, подаваемых в меркурианских барах. Он не желает слышать никаких новостей, особенно о Земле и стерильной Луне, и каждый раз, когда видит земную женщину или плевательницу, то содрогается от полузабытых воспоминаний. Некоторые считают, что это кое на что намекает.

Но это, конечно, всего лишь домыслы.

Major Venture and the Missing Satellite, (Startling Stories, 1952 № 8)
(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Раймонд Галлун (1911-1994) – известный американский фантаст. На русском выходило очень мало произведений. Я написал только рассказы «Глубина» и «Посев сумерек».

Рэй Каммингс (1887-1957) – знаменитый фантаст, стоявший у истоков американской фантастики. Писать начал с 1920 года, написал огромное количество романов, повестей и рассказов. На русском публиковались, повести «Девушка из золотого атома» и «Человек на метеоре».

Франк М. Робинсон (1926-2014) – американский фантаст, автор 8 романов и свыше полусотни рассказов. На русский переведен рассказ «Огонь и меч».

Джордж О. Смит (1911-1981) – американский фантаст, автор серии «Venus Equilateral», а также многочисленных романов и рассказов. На русском издавались только роман «Космическая чума» и рассказ «В безвыходном положении».

С. М. Теннешоу (псевдоним Франк М. Робинсона) (см. выше)

Гораций Б. Файф (1918-1997) – знаменитый американский фантаст, писал в основном рассказы. Известна также серия «Bureau of Slick Tricks». На русский переводились рассказы «Хорошо смазанная машина» и «Продешевили».

Чарльз Э. Фрич (1927-2012) – американский фантаст, писал только рассказы и повести. На русском был издан рассказ «Маскарад».

Бертрам Чандлер (1912-1984) – знаменитый австралийский писатель-фантаст английского происхождения. В честь Артура Бертрама Чандлера была создана Австралийская награда, которая вручается с 1992 года за «выдающиеся достижения в австралийской научной фантастике». Как член Британского Межпланетного Общества с 1947 года, он стал почетным гостем на Конвенции Научной Фантастики в Чикаго в 1982 году. На русский выходили почти все его серии «Приграничье», «Джон Граймс», а также многие другие произведения. Но Чандлер был очень плодовитым писателем, так что все равно многое из его творчества пока что нам еще неизвестно.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика

ЛЮДИ НА ЛУНЕ – ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ 3

ЛЮДИ НА ЛУНЕ

(DONALD A. WOLLHEIM (ed). MEN ON THE MOON.

Copyright ©, 1958, by Ace Books, Inc.) 7

Реймонд Галлун. ОПЕРАЦИЯ «ПЕМЗА» 8

Operation Pumice (Thrilling Wonder Stories, April 1949)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Берграм Чандлер. ВЫБРОШЕННЫЙ ГРУЗ 23

Jetsam (New Worlds Science Fiction, #20 March 1953)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Франк М. Робинсон. ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ 35

The Reluctant Heroes (Galaxy Science Fiction, January 1951)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Гораций Б. Файф. ПЕШКОМ ПО ЛУНЕ 57

Moonwalk (Space Science Fiction, November 1952)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Реймонд Галлун. ЛУННАЯ КУКОЛКА 99

The Lunar Chrysalis, (Amazing Stories, 1931 № 9)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Рэй Каммингс. КРОВЬ ЛУНЫ 133

Blood of Moon, (Thrilling Wonder Stories, 1936 № 8)

(пер. Андрей Бурцев)

Рэй Каммингс. ЧУДОВИЩЕ С ЛУНЫ 161

Monster of the Moon, (Super Science Stories, 1941 № 11)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

С.М. Теннешоу. С ЛУННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 175

The Lunar Point of View, (Fantastic Adventures, 1950 № 4)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Джордж О. Смит. УДАЧА КОСМОНАВТА 191

Spaceman's Luck, (Science Fiction Adventures, 1953 № 2)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Чарльз Э.Фрич. МАЙОР ВЕНТУРА И ПРОПАВШИЙ СПУТНИК 199

Major Venture and the Missing Satellite, (Startling Stories, 1952 № 8)

(пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим)

Читайте в следующем томе:

Встречайте первый томик Приложений к БААКФ. Чем они будут отличаться от основного собрания? Во-первых, они будут без номеров, и выходить станут нерегулярно, а по мере готовности. Во-вторых (и в главных), - в них будет то, что не войдет в основное собрание БААКФ. Это писатели за пределами Золотого Века англо-американской фантастики, а также собрания сочинений отдельных авторов (помимо того, что уже издавалось на русском), тома которых уже появились в БААКФ. И еще многое другое.

В первом выпуске Приложений - сборник авторов, писавших, в основном, после Золотого века, а именно произведения, вышедшие в 1980-1990 годах. Джин Вульф («Женщина, которая любила кентавра Фола», «Женщина, которую любил единорог»), Джон Варли («Багатель», «Пикник на Неарсиде»), Спайдер Робинсон («Змеиные зубы», «Любым другим именем») и некоторые другие.

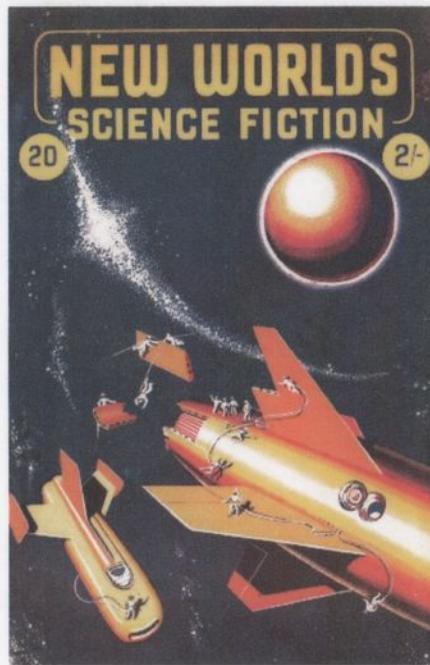
Надеюсь, что приложения вам понравятся не меньше основных томов, которые будут выходить своим чередом.

Андрей Бурцев

Библиотека англо-американской классической фантастики

«ДЕТИ СОЛНЦА»

Люди на Луне